

М.П. Поляков, А.Ю. Смолин

**ПРИНЦИП
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИИ
В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Монография

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

**М.П. ПОЛЯКОВ
А.Ю. СМОЛИН**

**ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Монография

Нижний Новгород 2011

ББК 67.411

П49

Поляков М.П., Смолин А.Ю.

П49 Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. – 152 с.

Монография посвящена исследованию проблемы экономичности уголовного судопроизводства, трактуемой авторами в контексте оптимизации его процедуры. Серьезное внимание в работе уделено системе принципов современного отечественного уголовного процесса и идее процессуальной экономии, являющейся ключевым элементом этой системы. Кроме того, авторами проанализированы формы проявления принципа процессуальной экономии в регламентации досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Монография адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *П.Г. Марфицын*
доктор юридических наук, профессор *Е.А. Зайцева*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-072-2

© Поляков М.П., Смолин А.Ю., 2011
© Нижегородская академия МВД России, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
 Глава 1. ИДЕЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
§ 1.1. Процессуальная экономия как насущная потребность процессуальных отраслей права и деятельности.....	8
§ 1.2. Статусное положение идеи процессуальной экономии в процессуальных отраслях права и деятельности.....	22
 Глава 2. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
§ 2.1. Понятие принципа процессуальной экономии.....	36
§ 2.2. Принцип процессуальной экономии в свете важнейших проблем современного уголовного процесса.....	60
§ 2.3. Принцип процессуальной экономии в системе принци- пов уголовного судопроизводства.....	83
 Глава 3. ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ	
§ 3.1. Формы проявления принципа процессуальной эконо- мии в регламентации досудебного производства по уго- ловному делу.....	98
§ 3.2. Формы проявления принципа процессуальной эконо- мии в регламентации судебного производства по уголов- ному делу.....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141
БИБЛИОГРАФИЯ.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Сущность и перспективы развития уголовного судопроизводства детерминируются в первую очередь системой концептуальных идей, провозглашаемых принципами процесса. Теоретическая разработка и адаптация этих идей применительно к нуждам практики – важнейшая задача уголовно-процессуальной науки. От качества научного осмысления системы принципов и входящих в нее элементов напрямую зависит эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Только на базе многостороннего научного знания о системе принципов возможна успешная модернизация отечественного уголовного судопроизводства.

Современная юридическая наука осознает глубину и важность этой задачи: теоретические представления о системе принципов находятся в стадии активного методологического и идеологического переосмысления. Дискуссии ведутся как вокруг устоявшихся и общепризнанных принципов, так и по поводу идей, лишь потенциально претендующих на статус принципов. Практика применения УПК РФ, оцениваемая в контексте перманентных изменений уголовно-процессуального законодательства, убедительно доказывает, что правовое оформление системы принципов в главе 2 УПК РФ не может рассматриваться как конечный пункт теоретического и эмпирического постижения сущности основополагающих процессуальных идей. Система принципов отечественного уголовного процесса по-прежнему является открытой для исследования и совершенствования. Ревизия имеющихся и поиск новых элементов указанной системы не утратили научной и прикладной перспективы.

Адекватное решение названных задач требует творческого сочетания устоявшихся и новых научных подходов к решению присутствующих теоретико-прикладных проблем системы принципов.

В качестве действенного исследовательского инструмента можно рассматривать подход, трактующий уголовный процесс как специфическую технологию установления объективной истины по делу и, следовательно, предполагающий существование особых принципов процесса, которые можно условно обозначить как технологические принципы. Названные принципы определяют сущность уголовного судопроизводства в первую очередь в аспекте и контексте его информационно-познавательной функции. Социаль-

но-политический уклон, традиционно определяющий понимание принципов, при подобном подходе существенно ослабляет свое императивное влияние и не препятствует «статусной» актуализации идей, по сути, давно выступающих принципами уголовного судопроизводства¹.

Одной из таких идей является идея процессуальной экономии. По степени своего методологического и идеологического влияния на становление, тенденции и перспективы развития уголовного судопроизводства она, по нашему мнению, давно является полноценным уголовно-процессуальным принципом. Не случайно профессор В.Т. Томин (ведущий теоретик в области уголовно-процессуальных принципов) более тридцати лет назад назвал процессуальную экономию первейшим кандидатом в принципы уголовного судопроизводства. Немало представителей уголовно-процессуальной науки пошли еще дальше, прямо признав процессуальную экономию принципом (В.П. Божьев, П.Ф. Пашкевич, М.П. Поляков, С.П. Сереброва и др.).

Вместе с тем, современная нормативная система принципов уголовного процесса (глава 2 УПК РФ) оставляет за своими рамками идею процессуальной экономии. Доктринальные системы в большинстве своем также игнорируют ее. Данное обстоятельство заметно ослабляет научный интерес к проблеме процессуальной экономии и создает видимость ее малой теоретической и практической актуальности. Однако реальное уголовное судопроизводство, находящееся в состоянии перманентной нормативно-правовой модернизации, свидетельствует об обратном: идея процессуальной экономии сегодня чрезвычайно востребована, но практическая реализация ее не всегда последовательна, а зачастую и весьма противоречива.

Данное обстоятельство требует от уголовно-процессуальной науки получения нового научного знания, поскольку от правильного и разностороннего понимания методологической сущности идеи процессуальной экономии во многом зависит надежность и

¹ На наш взгляд, господствующее ныне определение принципа уголовного процесса как мировоззренческой (вариант – правовой, конституционной и т. п.) идеи, не позволяет разглядеть присутствие и важность отдельных технологических идей.

результативность современных уголовно-процессуальных процедур и институтов, их удобство для граждан и судебно-следственных органов.

Вместе с тем, адекватное понимание проблемы невозможно, если опираться исключительно на имеющийся отраслевой теоретический базис. Сегодня идея процессуальной экономии процесса не может рассматриваться в ключе банальной ликвидации лишних и упрощения необходимых уголовно-процессуальных процедур. Десятилетняя практика применения УПК РФ показала, что требования простоты и эффективности процесса находятся в сложном диалектическом взаимодействии: с точки зрения конечных целей уголовного судопроизводства не всякое «простое» может быть признано экономным, а «сложное» расточительным.

К тому же идея процессуальной экономии не исчерпывается лишь быстротой и простотой процесса. Современное уголовно-процессуальное право акцентирует высокую значимость иных аспектов рациональности уголовного процесса. Приметы указанной тенденции проявляются в терминологических новациях, в частности, введении в текст уголовно-процессуального закона упоминаний о разумности сроков. Немаловажно, что упоминание это размещено в главе о принципах судопроизводства.

Актуальность разработки проблемы процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве значительно возрастает на фоне активных исследований аналогичной проблематики в гражданско-процессуальной отрасли юридической науки. В последней принцип процессуальной экономии нередко рассматривается как главный ориентир современной судебной реформы.

Приведенные аргументы составляют лишь часть доводов в пользу необходимости теоретико-прикладного исследования принципа процессуальной экономии в уголовном процессе, однако и на их основе можно сделать вывод о высокой актуальности этой темы для теории и практики отечественного уголовного процесса.

В юридической литературе проблема процессуальной экономии, как правило, рассматривалась в контексте общей проблематики экономичности и рациональности уголовного судопроизводства. Работы большинства исследователей в этом направлении до сих пор не утратили своей значимости для теоретического осмысления идеи процессуальной экономии, однако имеющееся совокупное на-

учное знание по указанной тематике не может быть оценено как окончательное с точки зрения раскрытия истинной природы процессуальной экономии. Указанная идея рассматривалась предшественниками в достаточно узком ключе и нередко лишь как предпосылка упрощения процессуальной формы в рамках отдельной стадии.

В настоящей работе мы постарались опереться на несколько иную методологическую платформу. Во-первых, мы активно использовали междотраслевой подход к проблеме, в частности научные достижения науки гражданского процесса. Во-вторых, замысел нашей работы (и в этом его существенное отличие от предшествующих разработок) был направлен на исследование процессуальной экономии в качестве технологического принципа уголовного процесса, который определяется не социально-политической ситуацией, а генерируется внутренней информационно-юридической природой уголовного процесса. Подобный подход позволил высветить новые аспекты идеи процессуальной экономии и возможности их реализации в сфере правотворчества и правоприменения.

Глава 1. ИДЕЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1.1. Процессуальная экономия как насущная потребность процессуальных отраслей права и деятельности

Серьезный анализ проблемной ситуации предполагает добросовестное исследование базовой потребности, лежащей в ее основе². В настоящем параграфе мы постараемся рассмотреть процессуальную экономию как *насущную потребность* процессуальных отраслей права и деятельности.

Подобная исследовательская задача предполагает поиск ответов как минимум на три вопроса: 1) когда и почему возникает потребность в процессуальной экономии? 2) всем ли отраслям процессуального права присуща потребность в процессуальной экономии? 3) в чем конкретно проявляется потребность в процессуальной экономии в различных отраслях права? Кроме того, обозначенная задача предполагает поиск фактов, которые можно рассматривать как доказательства насущности анализируемой потребности в современный период.

Первый вопрос: когда и почему возникает потребность в процессуальной экономии? – нам представляется скорее риторическим, чем конкретно-историческим. В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что идея процессуальной экономии сопровождает уголовный процесс на протяжении всей его истории. Подобный вывод верен и в отношении других процедурных отраслей права. Фактически потребность в процессуальной экономии появляется одновременно с процессуальной формой³. И это не случайное стечение обстоя-

² О методике исследования проблемной ситуации (АРПС – алгоритм решения проблемной ситуации) см.: Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 20–25.

³ «Взаимоотношения» процессуальной формы и процессуальной экономии, по нашему мнению, выстраиваются примерно по той же схеме, что и отношения между уголовной репрессией и ее экономией (известный принцип уголовного права – принцип экономии репрессии): задачи обеих отраслей должны решаться наиболее легкими средствами.

тельств. По нашему мнению, сама процессуальная форма (подчеркнем: мы имеем в виду процессуальную форму во всех ее отраслевых воплощениях) есть прямое следствие целенаправленного поиска наиболее экономичных путей организации деятельности.

Представляется, что идея экономии является элементом сущности всякой формы. На это обстоятельство косвенно обращают внимание и лучшие представители науки уголовного процесса. Профессор Н.Н. Полянский пишет по этому поводу: «Поскольку формы организуют и упорядочивают деятельность учреждений и лиц, они упрощают для них осуществление поставленных задач, экономят их силы и энергию»⁴.

Размышления в этом направлении (поднимаясь от особенного к общему) неизбежно приводят к выводу о том, что и сама процессуальная форма есть результат реализации принципа более высокого порядка. Условно этот принцип можно назвать «вселенским принципом экономии». Если присмотреться к природе, то можно увидеть, что он проявляет себя во всех ее сферах. Именно этот принцип лежит в основе эволюции животного и растительного мира⁵. Поэтому процессуальная форма, будучи в некотором смысле специфическим воплощением вселенского (природного) принципа экономии, внутренне сохраняет в себе эту идею экономии, трансформируя ее в юридический принцип процессуальной экономии.

Подобный вывод опирается не столько на анализ исторических источников, сколько на факты, формирующие представления об общих тенденциях развития уголовного процесса и других процессуальных отраслей права. Вместе с тем, в литературе, описывающей генезис процессуальной формы, можно встретить любопытные работы, подтверждающие последовательную реализацию принципа процессуальной экономии в юриспруденции.

В этой связи наше внимание привлекла статья И.А. Исаева «Символизм правовой формы: Историческая перспектива»⁶. В ней приво-

⁴ Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. – М., 1927. – С. 20.

⁵ В философии данный принцип издревле известен под именем «принцип наименьшей силы (наименьшей меры сил)». См., напр.: Авенариус Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил: Prolegomena к критике чистого опыта / Под ред. М.М. Филиппова; Пер. с нем. – М., 2007.

⁶ Исаев И.А. Символизм правовой формы: Историческая перспектива // Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 4–10.

дятся интересные цитаты из работ исследователей древней юриспруденции. Первая цитата приписывается Дж. Вико, который пишет: «Вся древняя юриспруденция была «насквозь поэтической», представляя совершившееся несовершившимся и несовершившееся – совершившимся, рожденного – еще не рожденным, живых – мертвыми, а мертвых – живущими в их наследстве. Эта юриспруденция ввела «множество пустых масок без субъектов», созданных фантазией права и базировавшихся на мифах. Все юридические функции древней юриспруденции были замаскированными истинами, а формулы, в которых выражались законы, в своей literalной артикуляции не могли выражать более того, что они озвучивали... Древнеримское право было серьезной поэмой, которая представлялась римлянам на Форуме, а древняя юриспруденция была суровой поэзией» (*Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций.* – Л., 1940. – С. 422)⁷.

Вторая цитата принадлежит П. Колмыкову: «Формула в праве составляет переход от символа к позднейшим внешним обрядам, которые лишены поэтических красок и выражают созревшую рассудительность народа, вступившего в мужской возраст. Эти внешние обряды суть юридическая проза: они заключаются в самых необходимых и существенных формах, которые без всяких чувственных примесей и прикрас служат чистым выражением мысли юридической в бесчисленных видах изустного и письменного делопроизводства» (*Колмыков П. Символизм права вообще и русского в особенности.* – СПб., 1839. – С. 12)⁸.

В приведенных цитатах, на наш взгляд, можно разглядеть предпосылки трех серьезных методологических моментов.

Первый момент связан с последовательным упрощением процессуальной формы. Метафорическое описание становления процессуальной формы как переход «от поэзии к прозе» как раз и способствует выражению этой тенденции.

Второй момент объясняет причины этого. В цитате П. Колмыкова есть четкое указание на прямую связь развития процессуальной формы и становления умственной зрелости человечества. Далее он еще раз отмечает: «В символах, формулах и позднейших формах делопроизводства, в сих трех эпохах истории обрядов юридиче-

⁷ Цит. по: *Исаев И.А. Символизм правовой формы: Историческая перспектива* // Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 4–10.

⁸ Там же.

ских, видна одна и та же главная основа – необходимость внешнего выражения для понятий юридических; различие проистекает от постепенного развития умственной зрелости народа»⁹.

Взаимосвязь человеческого ума и процессуальной формы была замечена процессуалистами достаточно давно. В.Д. Спасович более ста лет назад написал: «Везде, у всех народов, ордадь, или суд Божий, есть признак ребяческой немощи умственной»¹⁰. А ведь ордалии – это яркая историческая веха в развитии процессуальной формы.

Третий момент, на который непременно следует обратить внимание, читая статью А.И. Исаева, заключается в смене исторических ориентиров. Древний процесс, будучи «поэзией», был нацелен больше на духовно-эмоциональную часть человеческой сущности. Судебные процессы относились по большей части к сфере искусства, судебные речи являлись настоящими творческими произведениями. Со временем духовно-эмоциональная сторона стала сдавать свои позиции, уступая стороне рациональной. Главным адресатом процессуальной формы (объектом воздействия) становится человеческий ум. Именно от ума как движущей силы развития процессуальной формы и произведен известный термин «рационализация» уголовного процесса. Рационализация связана не с материальными инструментами (микроскопами, компьютерами и т. п.), а в первую очередь с основной методологической установкой процесса – все опирается на ум и к уму же апеллирует.

Ум является главным инструментом профессионалов. В прежние времена профессионально сформированный ум назывался правосознанием. В основе современной уголовно-процессуальной технологии расположился ум и его главное орудие – логика. Именно то, что в процессе (а в уголовном процессе в первую очередь) опирается на ум (а опирается на ум основа, каркас процесса – доказывание) и составляет существо технологических принципов судопроизводства, одним из которых является принцип процессуальной экономии.

Процессуальная экономия это и есть экономичное построение процессуальной формы по принципу – ничего лишнего. А лишнее,

⁹ Цит. по: Исаев И.А. Символизм правовой формы: Историческая перспектива // Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 4–10.

¹⁰ Спасович В.Д. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. – Тула, 2000. – С. 25.

как правило, определяется по критерию – больше рационального, меньше эмоционального.

За данной установкой неизбежно следует вывод о том, что потребность в процессуальной экономии в том или ином виде присутствует в любом историческом типе уголовного процесса, и не только уголовного. Можно обоснованно предположить, что все процессуальные отрасли с давних пор «озабочены» проблемой экономичности судопроизводства и закономерным желанием его освобождения от разного рода процессуальных излишеств и нагромождений.

Само собой разумеется, что данная «озабоченность» в виде проблемной ситуации спускается в «лаборатории» отраслевых юридических наук процессуального цикла. По этой причине исследователи разных видов судопроизводства (уголовного, гражданского, арбитражного, административного) солидарны в вопросе о необходимости поиска сути идеи процессуальной экономии.

Полагаем также, что не вызывает споров и проблема первенства в научном осознании указанной тематики. По нашему мнению, процессуалисты всех отраслей могут смело выводить истоки потребности в процессуальной экономии из единого начала. Это начало самого неразделенного процесса как исторического явления.

Что касается сугубо нормативного осознания этой потребности, то в качестве условной точки отсчета можно взять, к примеру, конкретный исторический факт – Государев указ от 5 ноября 1723 года «О форме суда», нормативно зафиксировавший потребность в процессуальной экономии. Царским именем была зафиксирована проблема: *«въ судахъ много даютъ лишняго говорить, и много ненадобного пишутъ»*¹¹. Нетрудно отыскать и современные примеры нормативного осознания указанной потребности¹².

¹¹ Полное Собрание Законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 7. – № 4344. Приводится по: Чернявская Т.А. Материалы по истории процессуального права России конца XVII – начала XVIII веков: Учебное пособие. – Н. Новгород, 1998. – С. 30–33.

¹² См., напр.: Рекомендация № R (87) 18 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия (принята Комитетом министров 17 сентября 1987 года); Концепция судебной реформы в РСФСР (одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР 28 октября 1991 года).

Таким образом, мы дали ответ и на второй вопрос. Ответ, правда, далеко не исчерпывающий. Дополнительные аргументы, касающиеся первого и второго вопросов, будут приведены ниже (они содержатся, в том числе, в исследуемых нами доктринальных точках зрения).

Теперь обратимся к вопросу: в чем конкретно проявляется потребность в процессуальной экономии в различных отраслях права?

Прежде всего, процитируем немецкого правоведа Р. Иеринга, который достаточно ясно и полно сформулировал суть указанной потребности. «Важно не только, *чтобы* право осуществлялось, — писал Р. Иеринг, — но и *какъ* оно осуществляется. Какая польза от увѣренности въ несомненном осуществлении права, если оно происходит такимъ тяжеловѣснымъ и медленнымъ способомъ, что лицо, отыскивающее свое право, добивается его, когда уже лежитъ въ гробу? ...осуществленіе права должно быть, съ одной стороны, *неизбѣжнымъ* и *тѣмъ* самымъ — *равномѣрнымъ* и *несомнѣннымъ*, съ другой — *легкимъ* и *быстрымъ*»¹³. Степень «пригодности» права, по мнению Р. Иеринга, состоит в том, как механизм его реализации способствует максимальному упрощению и облегчению применения его положений в каждом конкретном случае¹⁴.

Учитывая, что в историческом ключе можно выделить лишь два вида процесса — уголовный и гражданский, то далее рассматривать этот вопрос мы будем, опираясь преимущественно на позиции представителей соответствующих отраслей юридической науки. Исследуя эти позиции, мы ставим задачу: определить, как видят эту потребность представители разных отраслей процессуальных наук.

Начнем с изучения точек зрения представителей науки гражданского процесса, поскольку именно в трудах цивилистов впервые появляется термин «процессуальная экономия», там же он и наиболее часто упоминается впоследствии. Правда, отдельные процессуалисты в своих работах указывают, что термин «экономию производства» встречается и в трудах классиков уголовного процесса. Заявления об этом мы обнаруживаем в работах С.В. Ба-

¹³ Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. — СПб., 1905. — С. 19.

¹⁴ Там же. — С. 19–22.

жанова, С.П. Серебровой, С.Д. Оспанова и др.¹⁵ В качестве источника этими авторами называется знаменитый Курс уголовного судопроизводства И.Я. Фойницкого, издание: «С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899». Однако, несмотря на приложенные немалые усилия, найти именно этот источник нам так и не удалось. В других же изданиях данного Курса, в том числе и последнем (СПб., 1996 г.), термин «экономия производства» мы не отыскивали. Поэтому пальму терминологического первенства оставляем за цивилистами.

Одно из первых упоминаний о процессуальной экономии мы обнаружили в работах классика гражданского процесса Е.В. Васьковского. В своем Курсе гражданского процесса Е.В. Васьковский предложил понимать сущность процессуальной экономии как возможность *достигать наибольших результатов с наименьшими усилиями*.

Подобная формула, которая может рассматриваться как формула потребности, на наш взгляд, прямо вытекает из следующей цитаты¹⁶: «Процессуальная экономія можетъ выражаться, во-1-хъ, въ сбереженіи времени, или быстротѣ, во-2-хъ, въ облегченіи труда, или простотѣ, и, въ-3-хъ, в уменьшеніи расходовъ, или дешевизнѣ производства»¹⁷.

Как видим, формула процессуальной экономии Е.В. Васьковского выглядит следующим образом: *быстрота – простота – дешевизна*. Следовательно, насущная потребность в процессуальной экономии – это, по сути, потребность в *быстром, простом и недорогом* судопроизводстве.

¹⁵ См.: Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002 // <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/bazanov2002/index.htm>; Сереброва С.П. Рационализация уголовного процесса: Учебное пособие. – Н. Новгород, 2002. – С. 7; Оспанов С.Д. Концептуальная детерминированность реализации принципа процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Предупреждение преступности. – 2002. – № 1 (3). – С. 17; Шевцов В.В. Проблемные стороны досудебного производства, осуществляемого органами дознания / В.В. Шевцов, В.Н. Погорелова // Научный портал МВД России. – 2009. – № 2 (6). – С. 39.

¹⁶ Мы намеренно сохраняем дореформенное написание слов, чтобы подчеркнуть «историческую выдержку» и подлинность сказанного.

¹⁷ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – М., 1913. – Т. I: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – С. 362.

Полагаем, что приведенная формула характеризует практическую потребность не только гражданского судопроизводства. Мы легко отыщем немало представителей уголовно-процессуальной науки, которые ратуют за это же применительно к уголовному судопроизводству.

В качестве аргумента приведем несколько цитат известных исследователей. Начнем с мнения П.Ф. Пашкевича (большого авторитета в этом направлении), предлагавшего «устранить из процессуальной формы все излишества, все, что без необходимости осложняет процесс и может быть заменено другими, более экономичными процессуальными средствами, достаточно гарантирующими должное отправление правосудия»¹⁸. «Судопроизводство, – подчеркивал он, – не должно тормозиться необоснованной сложностью и неоправданной негибкостью процессуальных норм... Неоправданно сложная процессуальная форма там, где ее можно заменить более простой, порождает медлительность, бумажную волокиту, тормозит своевременную, наиболее эффективную охрану прав и законных интересов личности»¹⁹.

Не стоит прилагать особых усилий, чтобы увидеть, что речь в приведенной цитате идет о скорости и простоте процесса. Эти же атрибуты процессуальной экономии в дополнении с дешевизной отстаивает Ю.К. Якимович. Размышляя о дифференциации форм судопроизводства в зависимости от категории сложности уголовных дел, он настаивает на упрощенной процедуре производства по тем из них, «для которых уголовно-процессуальная форма может быть существенно упрощена без вреда для достижения цели установления истины»²⁰. Ресурсы, которые государство может выделить на обеспечение уголовного судопроизводства, ограничены, и система их распределения должна быть организована рационально. Исходя из необходимости «дешевизны, экономии судебных сил,

¹⁸ Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54.

¹⁹ Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М., 1984. – С. 41, 45.

²⁰ Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова / Под ред. М.С. Свиридова. – Томск, 2001. – С. 50–51.

...наиболее рационального распределения сил и средств... должна строиться и уголовно-процессуальная форма, которая была бы свободна от тех «излишеств», которые не могут быть обеспечены реально, ...снабжалась лишь необходимым количеством формальностей и не содержала бы условий, недостижимых для государства при данном уровне его экономического развития»²¹.

В цитате Ю.К. Якимовича отражены, на наш взгляд, три концептуальные вещи. Первый концепт предлагает рассматривать *процессуальную экономию как некоего посредника между инвариантной (неизменной) целью судопроизводства и меняющимися жизненными обстоятельствами*. Второй концепт – *нельзя экономить на процессуальной форме в ущерб объективной истине*. Третий концепт – *рационализация*.

Сбережение сил и времени ставит в центр трактовки исследуемой нами потребности и М.Л. Якуб. Он считает, что порядок уголовного судопроизводства должен обеспечивать достижение его задач «с наименьшей затратой сил, средств и времени со стороны государственных органов, должностных лиц и граждан»²².

Позиция М.Л. Якуба примечательна, кроме прочего, и тем, что наряду с указанием на необходимость экономии сил, времени и средств государства в процессе осуществления функции уголовного преследования, не оставлены без внимания и частные интересы граждан, обращающихся к государству за защитой своих прав и зачастую недостаточно компетентных для того, чтобы досконально разбираться в хитросплетениях юридических формальностей²³.

Таким образом, к формуле: «простота – быстрота – дешевизна» добавляется еще один элемент – доступное средство защиты гражданина. Точнее, речь идет не о новом автономном элементе, а о соответствующей ориентации трех названных составляющих.

Вниманием к интересам участников процесса (правда, в основном в экономическом аспекте) отличается и позиция В.Т. Томина.

²¹ Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова / Под ред. М.С. Свиридова. – Томск, 2001. – С. 50–51.

²² Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М., 1981. – С. 25.

²³ Там же. – С. 26.

Формула процессуальной экономии в его представлении выглядит так: «достижение поставленной законодателем цели уголовного процесса (исполнение назначения уголовного судопроизводства) осуществляется в пределах выделенных государством сил и средств и без превышения установленных законом сроков. *Bis dat qui cito dat!* Это раз. И два: никто не освобождал юристов от обязанности считать государственные деньги. Впрочем, и деньги участников процесса желательно считать тоже. По различным соображениям. И в различных аспектах»²⁴.

В работе «Острые углы уголовного судопроизводства» В.Т. Томин фактически раскрыл содержание процессуальной экономии, когда речь вел об избыточности требования полноты раскрытия преступления. «Необходимым и достаточным, – пишет В.Т. Томин, – является такой объем познания по делу, который обеспечивает применение к конкретному лицу справедливой меры ответственности. Все, что сверх того, избыточно. Более того, вследствие не необходимой затраты дополнительных сил и средств по одному уголовному делу ухудшаются условия достижения цели уголовного процесса по другим. Того, что было избыточно истрачено в одном месте, недостает в другом»²⁵.

Потребность в достижении цели уголовного процесса наиболее экономичными средствами неизбежно выводит исследователей на поиск альтернативных (читай – менее процессуальных) инструментов. Эта проблема была детально изучена Л.В. Головки. В своей монографии он неоднократно упоминает о том, что одной из важнейших задач, решаемых с помощью «альтернативных механизмов», является задача «ускорения уголовного судопроизводства и как следствие – облегчения бремени, лежащего на уголовной юстиции, которая в таком случае как бы «высвобождается» для того, чтобы сосредоточиться на преступности более, если угодно, серьезной»²⁶.

²⁴ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 64.

²⁵ *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства // *Томин В.Т.* Избранные труды / Предисловие С.П. Гришина. – СПб., 2004. – С. 324.

²⁶ *Головки Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб., 2002. – С. 16.

Высказанные выше точки зрения можно уложить в русло, направленное на совершенствование процессуальной формы как таковой. Эти идеи, как правило, находят свое выражение через правотворческую деятельность. Во всяком случае, авторам этих идей нормативный путь решения проблемы представляется наиболее оптимальным.

Полагаем, можно согласиться с тем, что данный путь имеет ряд преимуществ, но признавать его единственным нельзя. Идея процессуальной экономии может воздействовать на практику не только через норму права. О потребности в процессуальной экономии можно говорить и в сугубо организационном ключе, ставя в центр проблему выбора законных сил и средств. Усмотрение участников, ведущих уголовное судопроизводство, это тоже форма проявления рационального начала²⁷. В то же время заметим, что по результатам анкетирования оперативных и следственных работников лишь единицы из них готовы примерить на себя бóльшую свободу правоусмотрения. Основная позиция респондентов такова: деятельность правоприменителя должна быть достаточно конкретизированной. В вопросе же о том, где должен быть отражен алгоритм процессуальных действий – в сфере законодательного (УПК РФ) или ведомственного нормативного регулирования, предпочтение опрошенными отдается первому варианту.

В «организационно-управленческом» контексте о процессуальной экономии преимущественно рассуждают те авторы, которым наиболее привлекательной кажется тематика рационализации уголовного судопроизводства, организации его на принципах научной организации труда (НОТ).

Именно так – с позиции рациональной организации уголовно-процессуальной деятельности и требований научной организации труда – трактуют процессуальную экономию С.П. Сереброва и Н.И. Порубов²⁸.

²⁷ Обстоятельное исследование проблематики усмотрения проведено профессором П.Г. Марфициным (*Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект): Дис... д-ра юрид. наук. – Омск, 2003*).

²⁸ См.: *Сереброва С.П. Рационализация уголовного процесса: Учебное пособие. – Н. Новгород, 2002. – С. 34; Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. – Минск, 1970. – С. 200–201.*

По мнению С.П. Серебровой, процессуальная экономия – это «принцип уголовного процесса, который базируется на требованиях НОУТ и выражается в целесообразном (рациональном) *использовании процессуальных средств и форм* для правильного и эффективного проведения уголовного судопроизводства по каждому уголовному делу, при обязательном условии закрепления их в законе и постоянном совершенствовании закона во исполнение этих задач при строжайшем соблюдении такого принципа уголовного процесса, как обеспечение законных интересов участвующих в процессе лиц»²⁹. Результатом внедрения в уголовное судопроизводство исследуемого принципа, как считает С.П. Сереброва, должно стать увеличение его «пропускной способности»³⁰.

Н.И. Порубов объясняет процессуальную экономию как «такую организацию труда..., предусмотренную или допускаемую уголовно-процессуальным законодательством, которая ведет к эффективному использованию времени, сил и средств...»³¹.

М.А. Гурвич (применительно к гражданскому процессуальному праву) подходит к проблеме с позиции необходимости наиболее полного и целесообразного использования установленных законом процессуальных средств для правильного и быстрого разрешения дела³².

А.П. Гуляев также связывает процессуальную экономию с научной организацией труда субъекта уголовного процесса, с необходимостью выбора и использования «в каждой конкретной ситуации наиболее рационального (в рамках закона) пути достижения стоящей перед ним задачи, разумного и экономного использования средств, установленных законом»³³. Вместе с тем, А.П. Гуляев не рассматривает экономию как банальное упрощение деятельности правоприменителя, а делает акцент именно на повышении ее рациональности.

²⁹ Сереброва С.П. Рационализация уголовного процесса: Учебное пособие. – Н. Новгород, 2002. – С. 34.

³⁰ Там же.

³¹ Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. – Минск, 1970. – С. 200–201.

³² См.: Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Труды Всесоюзного юридического заочного института. – М., 1965. – Т. 3. – С. 55.

³³ Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. – М., 1981. – С. 44.

Понимание процессуальной экономии лишь в качестве принципа научной организации труда не позволяет названному ученому причислить ее к принципам судопроизводства. «Принципы НОТ, – пишет А.П. Гуляев, – имеют значение для всех видов трудовой деятельности. Они распространяются и на процессуальную деятельность, но не превращаются при этом в процессуальные принципы»³⁴. Критикуя Н.И. Порубова, полагающего, что принцип процессуальной экономии предусмотрен рядом частных уголовно-процессуальных норм³⁵, А.П. Гуляев указывает на обязательность закрепления принципов процесса в общих нормах права и на недопустимость их выведения из частных норм³⁶.

Вероятно, по этой причине некоторые исследователи принижают статус идеи процессуальной экономии, отводя ей место, к примеру, правила. Так, по мнению С.Д. Оспанова, процессуальная экономия – это «правило, основанное на требованиях научной организации управления и труда, выражающееся в рациональном использовании процессуальных средств и форм для правильного и быстрого осуществления уголовного судопроизводства»³⁷.

Весьма интересными в организационном аспекте видятся результаты научных исследований П.С. Элькинд. Полина Соломоновна предъявляла к средствам достижения целей уголовного судопроизводства в числе прочих требования научной обоснованности, эффективности и экономичности. Эффективность этих средств связывалась ею с достижением наилучшего результата в конкретной уголовно-процессуальной ситуации и отождествлялась с оптимальностью. Экономичность же трактовалась с позиции минимизации затрат сил и средств субъектов уголовного судопроизводства для достижения предпочтительных результатов³⁸.

³⁴ Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. – М., 1981. – С. 44.

³⁵ Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. – Минск, 1970. – С. 201.

³⁶ Гуляев А.П. Указ. раб. – С. 179.

³⁷ Оспанов С.Д. Концептуальная детерминированность реализации принципа процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Предупреждение преступности. – 2002. – № 1 (3). – С. 18.

³⁸ Элькинд П.С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. – 1972. – № 8. – С. 103.

Будучи концептуальным сторонником идеи процессуальной экономии, П.С. Элькинд не рассматривала ее только в упрощенческом ключе. Совместно с другими процессуалистами (например, Ю.И. Стецовским) она подвергла критике позицию П.Ф. Пашкевича, которая, по ее мнению, заключалась в непродуманном требовании максимального ускорения и упрощения уголовного судопроизводства. Подобный подход, по мысли П.С. Элькинд, является следствием рассмотрения экономичности средств в отрыве от целей, которым служат эти средства³⁹.

Таким образом, П.С. Элькинд предъявила свой взгляд на формулу «быстрота, простота, дешевизна». Она дала понять (и мы с ней в этом солидарны), что «требование **максимальной** (выделено нами. — Авт.) экономичности средств достижения целей не исключает возможности (а иногда необходимости) пересмотра некоторых средств достижения целей уголовного судопроизводства в плане их усложнения»⁴⁰. И это существенный аргумент в пользу неразрывного единства экономичности и эффективности средств достижения целей судопроизводства.

Мы не напрасно причислили П.С. Элькинд к числу сторонников «организационной» трактовки идеи процессуальной экономии. Будучи противником дифференциации уголовно-процессуальных форм, П.С. Элькинд признает необходимость устранения из уголовного судопроизводства всего, что его замедляет, не создавая при этом никаких дополнительных процессуальных гарантий. Однако в центр своей позиции она ставит не создание различных процессуальных режимов для различных категорий дел, а необходимость учета особенностей каждого конкретного уголовного дела в целях выбора (из числа дозволенных законом) наиболее экономичных и оптимальных средств достижения целей правосудия⁴¹.

На наш взгляд, критерием необходимости устранения из уголовного судопроизводства всего, что его замедляет, является не отсутствие дополнительных процессуальных гарантий, а их обусловлен-

³⁹ Элькинд П.С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. — 1972. — № 8. — С. 103.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л., 1976.

ность целями процесса. Необходимо помнить, что сами *дополнительные* гарантии могут стать излишними и превратиться, по словам М.Л. Якуба, «из средства к осуществлению задач правосудия в препятствие на его пути»⁴².

Вообще следует признать, что понимание всех элементов формулы процессуальной экономии требует компромиссного подхода. Возьмем, к примеру, элемент быстроты. А.С. Кобликов, признавая одним из условий успеха в борьбе с преступностью быстроту судопроизводства, предостерегает и от поспешности, осознавая, что на исправление ошибок всегда требуется гораздо больше времени и средств, чем на подготовку и принятие правильного первоначального решения⁴³.

М.С. Строгович суть принципа быстроты предварительного расследования видел в требовании максимального приближения момента суда над совершившим преступление лицом к моменту совершения им преступления. Значение же этого приближения, по мнению М.С. Строговича, состоит в воспитательном воздействии на общество⁴⁴.

Из сказанного выше следует, что идея процессуальной экономии одинаково востребована во всех процессуальных отраслях права и деятельности. Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве она приобретает особое наполнение, о чем дополнительно еще будет сказано ниже.

§ 1.2. Статусное положение идеи процессуальной экономии в процессуальных отраслях права и деятельности

Говоря о процессуальной экономии как о насущной потребности процессуальных отраслей права и деятельности, мы частично затронули вопрос о роли и месте этой идеи в указанных сферах. Этот вопрос требует развернутого освещения, поскольку деятельное

⁴² Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М., 1981. – С. 26.

⁴³ См.: Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. – М., 1979. – С. 63–64.

⁴⁴ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1970. – Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – С. 63–64.

осознание насущности потребности предполагает, в первую очередь, определение статуса идеи процессуальной экономии.

По нашему мнению, возведение идеи процессуальной экономии в статус принципа процесса есть прямое доказательство теоретического осознания идеологической и практической значимости процессуальной экономии. В связи с этим в качестве шкалы измерения уровня статусной оценки идеи процессуальной экономии мы выбрали различные точки зрения на «степень» принципиальности данной идеи. Исследование показало, что разброс мнений по поводу принципиальности анализируемой идеи достаточно широк: крайними точками выступают, с одной стороны, полный отказ процессуальной экономии в статусе принципа судопроизводства, с другой – возведение в принцип особого рода.

Последний подход свойственен исследователям гражданского процесса. К подобному заключению мы пришли, изучая работы Е.В. Васьковского, выявившего интересный аспект значения процессуальной экономии: ее методологическое значение для понимания других принципов гражданского процесса. Приведем несколько цитат, имеющих существенное значение для отстаиваемой нами концепции.

«Некоторые принципы рационального судопроизводства, – писал Е.В. Васьковский, – предопределяются самою сущностью искового процесса – в том смысле, что их нельзя заменить какими-либо иными, не извращая сущности и задач этого процесса. Установить прочие принципы можно, исходя из постулатов процесса, т. е. из тех основных требований, которым должно удовлетворять рациональное судопроизводство»⁴⁵.

«Несомненно, – продолжает он, – что главное требование заключается в том, чтобы он обеспечивал постановление судами правильных решений. Правильность судебного решения состоит в соответствии его, с одной стороны, действительному смыслу юридических норм, а, с другой стороны, – фактическим обстоятельствам каждого разбираемого дела. Первое требование можно назвать постулатом правомерности, второе обыкновенно именуется постулатом правды. Оба эти постулата вытекают из самой сущности права и суда...»⁴⁶.

⁴⁵ *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. – М., 1917. – С. 88.

⁴⁶ Там же.

«Другое требование, которое должно быть предъявлено гражданскому процессу, состоит в его удобстве для тяжущихся и судей. Порядок судопроизводства должен быть таким, чтобы гражданин, нуждающийся в защите своего права, мог быстро и легко получить ее, в то же время, чтобы суд, к которому гражданин обратился, был в состоянии без лишней затраты труда удовлетворить его требования. Чем короче и легче этот путь, тем процесс совершеннее»⁴⁷.

Из приведенной цитаты прямо вытекает, что совершенный процесс напрямую связывается с идеей экономии. Однако Е.В. Васьковский делает важную методологическую оговорку. «Удобство производства, — подчеркивает он, — имеет по сравнению с правильностью решений второстепенное значение. Процесс, в котором дела разбирались бы скоро и легко, но неправильно, не представлял бы для граждан никакой ценности. Они всячески избегали бы обращения к суду и прибегали бы к другим способам разрешения споров: третейским судам, мировым сделкам, самоуправству. Требование удобства процесса представляет собой применение к области процесса общего начала политической экономии: с наименьшими усилиями достигать наибольших результатов. Поэтому его вполне уместно назвать постулатом процессуальной экономии»⁴⁸.

Приведенная цитата нуждается в правильной интерпретации. С одной стороны, можно констатировать то, что находится на поверхности, а именно тот факт, что Е.В. Васьковский отводит процессуальной экономии второстепенную роль. Вместе с тем, представляется, что термин «второстепенная» здесь не совсем правильно передает суть. Второе место, на которое ставится эта идея, вовсе не означает самую низовую роль ее в иерархии постулатов.

Сам Е.В. Васьковский пытается передать эту мысль в другой своей работе. Он пишет: «Раз удобство процесса имеет побочное значение и не служит самостоятельной целью, которая должна быть во что бы то ни стало достигнута при организации процесса, то оно не может и быть основанием для какого-либо самостоятельного принципа производства. Процесс должен быть возведен на фундаменте, обеспечивающем прочность и безопасность здания;

⁴⁷ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. — М., 1917. — С. 88.

⁴⁸ Там же.

ухудшать же фундамент, чтобы можно было скорее построить легкое, но хрупкое здание, было бы нецелесообразно.

Однако и *удобство производства имеет хотя и меньшее, но все же важное значение*. Слишком медленный, сложный и дорогой процесс тоже отвратит от себя граждан и тоже побудит их избегать обращения к судам. Поэтому при сравнительной оценке значения *конструктивных* принципов процесса необходимо принимать в соображение большее или меньшее практическое удобство тех форм производства, которое основывается на них»⁴⁹.

В приведенном фрагменте однозначно можно сделать акцент на важности удобства процесса (читай – идеи процессуальной экономии). Но мы хотим обратить внимание еще на один момент – это указание на специфические конструктивные принципы. Мы, затрагивающие вопрос о технологических принципах, не можем пройти мимо этого момента.

Е.В. Васьковский пишет о том, что есть абсолютные фундаментальные принципы процесса, а есть относительные, конструктивные принципы процесса. К фундаментальным принципам гражданского процесса он относит диспозитивность, равноправие сторон, процессуальный формализм и судебское руководство процессом. Конструктивные принципы Е.В. Васьковским представлены парами. Каждая пара представляет собой конкурирующие идеи: состязательности и следственности; непосредственности и посредственности; концентрации и деления производства на стадии; формальной теории доказательств, бесконтрольного усмотрения суда и свободной оценки доказательств, состязательной и следственной форм; устности и письменности; публичности и непубличности заседаний; почина сторон и суда⁵⁰.

Судя по контексту, процессуальная экономия стоит особняком. Перечислив конструктивные принципы, Е.В. Васьковский добавляет: «В заключение необходимо коснуться вопроса о процессуальной экономии...». Получается, что процессуальная экономия не входит в круг ни фундаментальных, ни конструктивных принципов процесса. Но, тем не менее, идея эта рассматривается в тесной привязке к принципам и постулатам гражданского процесса.

⁴⁹ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – М., 1913. – Т. I: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – С. 361–362.

⁵⁰ Там же. – С. 362.

Современная теория гражданского процесса отказалась от такой сложной схемы определения статуса процессуальной экономии. Большинство цивилистов сегодня прямо признают за процессуальной экономией статус равноправного принципа, вступающего в конкуренцию с другими принципами гражданского процесса.

В частности, А.А. Ференс-Сороцкий предлагает рассматривать принцип процессуальной экономии как инструмент обуздания другого процессуального принципа – принципа формализма⁵¹.

К работе А.А. Ференс-Сороцкого мы отнеслись с большим вниманием. Но прежде чем непосредственно обратиться к названной статье, заметим, что подход, примененный указанным автором, встречался в науке гражданского процесса и ранее. Тот же Е.В. Васьковский отмечал, что такое проявление процессуальной экономии, как простота, «является оборотной стороной принципа процессуального формализма»⁵².

Теперь перейдем к позиции А.А. Ференс-Сороцкого. Он видит проявление принципа процессуальной экономии, во-первых, в разумном смягчении процессуальных формальностей, продуманности процессуальных правил и установлении только таких норм, без которых действительно никак нельзя обойтись и, во-вторых, в ускорении (быстроте) процесса⁵³.

Предназначение указанного принципа заключается, кроме прочего, и в компенсации издержек принципа процессуального формализма. Последний, по мнению А.А. Ференса-Сороцкого, лежит в основе всякого процессуального права и состоит, во-первых, в установлении определенных правовых формальностей (обязательные формы, сроки и способы совершения процессуальных действий) и, во-вторых, в обязательности их соблюдения под страхом признания несостоявшимся или незаконным соответствующего действия, если оно не было облечено в установленную законом форму.

⁵¹ См.: *Ференс-Сороцкий А.А.* Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // *Правоведение*. – 1991. – № 4. – С. 31.

⁵² *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. – М., 1913. – Т. I: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – С. 362.

⁵³ *Ференс-Сороцкий А.А.* Указ. раб. – С. 31–35.

Отдельные исследователи отождествляют процессуальный формализм с процессуальной формой. «Принцип процессуального формализма, – пишет Ю.Н. Емелин, – является основополагающим в процессуальном праве, поскольку именно через него находит свое выражение строгий императивный метод публичного права, направленный на обеспечение равенства сторон путем установления четких, формально-определенных, заведомо известных "правил игры"»⁵⁴.

Наше мнение по этому поводу следующее. Процессуальный формализм действительно имеет принципиальное значение для всякого процесса. Вместе с тем, в качестве противоположности он может рассматриваться лишь как противоположность процессуальной экономии, применяемой в правотворческой сфере.

Так, А.А. Ференс-Сороцкий полагает, что «принцип процессуального формализма в полной мере закреплен действующим законом»⁵⁵. Действительно, в законе прописаны все формальные требования к порядку судопроизводства, а значит совершение иных действий (равно как и порядок их совершения), кроме прямо предусмотренных законом, остается на усмотрение правоприменителя. Естественно, что все предусмотренные законом формальные требования призваны обеспечивать права участников судопроизводства и, говоря о процессуальной экономии, мы имеем в виду не банальное упрощение процедуры, а сокращение лишь тех ее элементов, которые могут быть упразднены без ущерба для законных интересов указанных субъектов.

Вместе с этим, А.А. Ференс-Сороцкий предостерегает и от чрезмерного увлечения формализмом, ведь «нагромождая нерациональные процедуры, законодатель рискует... окончательно сковать процесс»⁵⁶. Поэтому мы поддерживаем автора в том, что необходимо стремиться к гармоничному сочетанию экономии и формализма.

Однако следует заметить, что в выделении самостоятельного принципа процессуального формализма есть и спорные моменты.

⁵⁴ Емелин Ю.Н. Процессуальная аналогия // Виртуальный клуб юристов // <http://www.yurclub.ru/docs/arbitration/article11.html>

⁵⁵ Ференс-Сороцкий А.А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 31–35.

⁵⁶ Там же.

Во-первых, словари определяют формализм как соблюдение внешней формы в ущерб существу дела⁵⁷. В этой связи представляется целесообразным говорить не о формальных, а об обязательных требованиях к порядку судопроизводства, призванных обеспечить должное отправление правосудия. И уж тем более неверно отождествлять процессуальный формализм с процессуальной формой, понимаемой как закрепленная уголовно-процессуальным законом структура всего уголовного процесса и его отдельных стадий, а также как последовательность и порядок совершения процессуальных действий.

Во-вторых, вряд ли резонно утверждать, что регламентирующее судопроизводство право должно быть абсолютно формализованным, конкретизированным, не оставлять места для выбора правоприменителем варианта поведения, исходя из сложившейся обстановки. Речь идет лишь о констатации того, что в ряде (или в большинстве) случаев правоприменитель принимает решение не на основе своего внутреннего убеждения, а в соответствии с заранее установленными законом правилами. Обязательность же соблюдения этих правил – требование не принципа формализма, а принципа законности.

И, в-третьих, нельзя рассматривать процессуальный формализм и процессуальную экономию в качестве противоположных начал процесса. Ведь в законе должны быть прописаны лишь те формальные требования, которые действительно необходимы. Таким образом, принцип процессуального формализма, если и имеет право на существование, является (по крайней мере, должен являться) производным от принципа процессуальной экономии.

Естественно, исходя из соображений процессуальной экономии, нельзя закрывать глаза на нарушение установленных законом формальных (обязательных) требований. Хотя, по мнению некоторых ученых⁵⁸, отдельным формальным требованиям не следует придавать решающего значения и отменять справедливое решение из-за несоблюдения формы. С этим трудно согласиться, поскольку «не целесообразность применения права, а само право

⁵⁷ См.: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998. – С. 1429.

⁵⁸ См., напр.: Рустамов Х.У. Уголовный процесс. – М., 1998. – С. 28–29.

выступает высшей истиной»⁵⁹. Иными словами, необходимо стремиться к такому состоянию уголовно-процессуального закона, которое бы в наиболее полной мере соответствовало духу процессуальной экономии, в должной мере обеспечивая процессуальные гарантии. Но ни в коем случае не прикрывать нарушение закона целесообразностью.

Оценивая позиции представителей науки гражданского процесса в целом, можно сказать следующее: они единодушны в том, что процессуальная экономия является принципом гражданского процесса. В названной научной отрасли весьма вероятны тенденции гипертрофированного подхода к процессуальной экономии, но никак ни ее принижения. Так, в начале 90-х годов прошлого века отдельные ученые полагали, что процессуальная экономия является главным маяком реформы уголовного судопроизводства.

В сфере уголовно-процессуальной науки ситуация несколько иная. Здесь ученые с осторожностью высказываются по поводу статуса рассматриваемой идеи. Профессор В.Т. Томин, отказывавший советскому уголовному процессу в таком принципе, остался верен себе и в постсоветский период. Он, в частности, пишет: «утверждать, что отечественному уголовному процессу уже сегодня свойственен принцип процессуальной экономии, пожалуй, преждевременно. Тем более, что УПК РФ в этом отношении противоречив»⁶⁰.

Заметим, что сказанное более тридцати лет назад и сегодня сопровождается оговоркой о высокой степени общности, важности и популярности идеи процессуальной экономии, являющейся первейшим кандидатом в принципы уголовного судопроизводства.

Весьма выдержанную позицию в вопросе о статусе идеи процессуальной экономии занимает С.Д. Оспанов. Рассматривая влияние процессуальной экономии на уголовный процесс Республики Ка-

⁵⁹ Бозров В. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=6141>

⁶⁰ Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 64.

захстан (РК) и признавая важность этой идеи, он возражает против ее включения в систему принципов уголовного судопроизводства. Главный контраргумент: указанная идея не названа в числе принципов в УПК РК⁶¹.

Однако изучение позиции данного автора показывает, что концептуально он согласен с принципиальным статусом процессуальной экономии. С.Д. Оспанов высказывает мнение о необходимости прямого закрепления процессуальной экономии в качестве принципа процесса в соответствующей главе УПК РФ. Последовательное проведение в уголовно-процессуальном законодательстве указанного принципа должно, по его мнению, способствовать быстрому и эффективному расследованию преступлений на основе установления объективной истины; рациональной дифференцированности форм судопроизводства, исключающей бюрократизм и дублирование процессуальных полномочий; внедрению в уголовно-процессуальную деятельность требований НОУТ; определению оптимального количества необходимой доказательственной информации с целью исключения «засорения» уголовного дела малозначимыми материалами⁶².

В науке уголовного процесса можно выделить прямых сторонников принципа процессуальной экономии. В числе известных имен назовем В.П. Божьева, П.Ф. Пашкевича⁶³. Но есть и конкретные противники. Так, М.С. Строгович крайне негативно высказывался о процессуальной экономии. Он не только не признавал ее в качестве принципа процесса, но и вообще называл это понятие надуманным. Рациональный порядок уголовного судопроизводства, по его мнению, «не имеет ничего общего с «процессуальной экономией», которая способна приводить лишь к нарушению законности при расследовании преступлений и разре-

⁶¹ См.: *Оспанов С.Д.* Концептуальная детерминированность реализации принципа процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Предупреждение преступности. – 2002. – № 1 (3). – С. 18. Однако мы видим, что даже в заголовке своей статьи автор именует процессуальную экономию принципом.

⁶² См. там же. – С. 18.

⁶³ См.: *Пашкевич П.Ф.* Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М., 1984. – С. 4.

шении уголовных дел»⁶⁴, а упрощение процедуры уголовного судопроизводства неминуемо влечет за собой ограничение процессуальных гарантий.

Примечательно, что, являясь сторонником последовательного проведения в жизнь идеи быстроты судопроизводства, А.С. Кобликов тоже решительно выступает против процессуальной экономии. Причем «вполне определенная отрицательная оценка», которой, по мнению указанного автора, заслуживает идея процессуальной экономии, не получила убедительного обоснования в его исследованиях.

Надо заметить, что А.С. Кобликов в этом отношении вообще достаточно непоследователен. Во-первых, сложно однозначно понять, какое же значение он вкладывает в содержание идеи процессуальной экономии. Критикуя Н.И. Порубова, определяющего принцип процессуальной экономии как «организацию труда следователя, предусмотренную или допускаемую уголовно-процессуальным законодательством, которая ведет к эффективному использованию времени, сил и средств следователя, предопределяет постоянное совершенствование следствия»⁶⁵, А.С. Кобликов указывает на то, что речь в определении идет не о процессуальной экономии, а о требовании эффективности следствия. Однако своей дефиниции исследуемой категории А.С. Кобликов не предлагает и объяснения, почему же процессуальная экономия не может трактоваться с позиции эффективности, не дает. Думается, что только в несогласии с отдельными предложениями по совершенствованию процедуры судопроизводства (не все из которых поддерживаем и мы), вносимыми теми или иными исследователями, использовавшими в процессе аргументации своей позиции идею процессуальной экономии⁶⁶, проявляется отношение А.С. Кобликова к процессуальной экономии как к «экономии за счет законности»⁶⁷.

⁶⁴ *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 51.

⁶⁵ *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. – Минск, 1970. – С. 200–201.

⁶⁶ Надо отметить, что при этом даже критикуемые А.С. Кобликовым ученые (в частности П.Ф. Пашкевич, Н.И. Порубов) имели разные взгляды на содержание идеи процессуальной экономии.

⁶⁷ Подробнее см.: *Кобликов А.С.* Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. – М., 1979. – С. 176–181.

А.С. Кобликов жестко критикует Н.И. Порубова и за то, что тот делает вывод о несоответствии некоторых положений уголовно-процессуального закона требованиям НОТ, что может быть понято не иначе, как признание приоритета рекомендаций НОТ над законом. Вместе с тем, сам А.С. Кобликов пишет, что «уголовно-процессуальное законодательство, бесспорно, должно учитывать принципы научной организации труда», а «главным критерием пригодности, совершенства порядка уголовного судопроизводства является его эффективность, способность обеспечить выполнение задач уголовного процесса. Поэтому предложения об изменении уголовно-процессуального порядка, пересмотре процессуальных институтов и норм следует рассматривать с позиции того, будет ли их реализация способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства, лучшему достижению его целей, укреплению... законности»⁶⁸.

Н.А. Колоколов неоднократно упоминает в своих работах о процессуальной экономии как о принципе⁶⁹, расшифровывая его содержание применительно к проблеме установления абсолютной истины при расследовании преступлений (а точнее к бесперспективности подобных попыток) следующим образом: «доказательств по уголовному делу должно быть не больше, чем это нужно для убеждения суда, а вместе с ним и всего общества в виновности конкретного лица»⁷⁰.

Встречаются в литературе и оригинальные толкования сути идей процессуальной экономии. А.В. Харламов определяет принцип процессуальной экономии как «руководящую идею, заключающуюся в том, чтобы настроить участников процесса на максимальное использование процессуальных прав, которые освобождают их от неоправданных формальностей и процедур, и тем самым сократить время, необходимое для предоставления судебной

⁶⁸ Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. – М., 1979. – С. 176, 177, 181.

⁶⁹ См.: Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. – М., 2008. – С. 265; Он же. Российская наука в поисках оптимального формата учебника уголовного процесса // Юридический мир. – 2009. – № 6.

⁷⁰ Колоколов Н.А. Российская наука в поисках оптимального формата учебника уголовного процесса // Юридический мир. – 2009. – № 6.

защиты, и уменьшить объем средств, затрачиваемых на ведение дела в суде»⁷¹.

Т.Н. Абозина рассматривает процессуальную экономию в первую очередь как средство повышения привлекательности работы следователя, которую связывает с творческими возможностями и чувством удовлетворенности, что, по мнению автора, может быть достигнуто за счет высвобождения свободного времени⁷².

А.В. Смирнов процессуальную экономию рассматривает не в качестве принципа судопроизводства, а как одно из главных достоинств состязательного процесса, не присущего розыскному процессу в силу его инстанционности, порождающей ужасную судебную волокиту из-за необходимости подтверждения решений нижестоящих судов вышестоящими⁷³.

В литературе можно встретить еще немало юридических конструкций, в которых прослеживаются элементы или отдельные черты процессуальной экономии. Так, исследователями в области административно-процессуального права выделяются в системе принципов данной отрасли принцип экономичности и эффективности⁷⁴, принцип оперативности и экономичности (эффективности)⁷⁵, принцип оперативности (быстроты) и экономичности⁷⁶, принцип быстроты процесса⁷⁷. Можно привести и другие примеры.

Однако в последнее время именно термин «принцип процессуальной экономии» все чаще употребляется в судебных актах феде-

⁷¹ Харламов А.В. Правоведение: глоссарий // <http://determiner.ru/dictionary/631/>

⁷² См.: Абозина Т.Н. Соотношение предварительного и судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: Дис... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – С. 146.

⁷³ См.: Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб., 2000. – С. 125–127.

⁷⁴ См.: Коренев А.П. Административное право России: Учебник. – М., 1996. – Ч. 1. – С. 214.

⁷⁵ См.: Панова И.В. Курс административно-процессуального права России. – Саратов, 2000. – С. 21.

⁷⁶ См.: Шатов С.А. Административная юрисдикция (на примере деятельности органов государственного пожарного надзора). – СПб., 2008. – С. 45–47.

⁷⁷ См.: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2008. – С. 225.

рального уровня, анализ которых позволяет сделать вывод о трактовке указанного принципа высшими органами судебной власти России именно с позиции рационального и эффективного порядка судопроизводства⁷⁸. Примерно в том же ключе упоминается в судебных актах о принципе разумности судопроизводства⁷⁹. Термины «целесообразность», «рациональность», «эффективность», «опера-

⁷⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 28 мая 2009 года № 36 (ред. от 23 июля 2009 года) «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 8; Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. – 2007. – 14 февраля; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 года № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года))» // Российская газета. – 1997. – 14 мая; и др.

⁷⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 года № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 года № 1258-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Токманцева Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ИПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 года № 335-О «По жалобе гражданина Дикина Александра Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 377 и 388 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ИПС «КонсультантПлюс»; и др.

тивность» и «быстрота» применительно к правосудию законодатель и суды предпочитают не использовать.

Исходя из сказанного в настоящем параграфе, мы делаем вывод о том, что в большинстве отраслей процессуального права и деятельности идея процессуальной экономии наделяется статусом процессуального принципа. Уголовное судопроизводство хотя и с запозданием следует в рамках этой же тенденции.

Глава 2. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 2.1. Понятие принципа процессуальной экономии

Теоретические предпосылки понятия процессуальной экономии

Полноценное понимание сущности идеи процессуальной экономии как принципа уголовного процесса невозможно без четкого представления о том, что, собственно, представляет собой общее понятие уголовно-процессуального принципа. Однако задача эта не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Дискуссия о понятии принципов уголовного судопроизводства и их системы не прекращается на протяжении многих лет. Законодательное закрепление системы принципов не только не поставило в ней точки, а, напротив, обострило ее.

Сама категория «принцип» чрезвычайно часто используется и учеными-процессуалистами и законодателем для обозначения самых разных понятий. Заметим, что используется порой без всяких к тому оснований. Такое положение дел может быть объяснено, кроме прочего, отсутствием законодательной формулировки категории «принцип», причем не только применительно к принципу уголовно-процессуальному, но и правовому принципу вообще.

Общепринятая энциклопедическая трактовка принципа – основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения – является весьма общей и, следовательно, не может быть напрямую использована для отраслевого определения принципа уголовного судопроизводства. Нам необходимо более конкретное представление о сущности и критериях уголовно-процессуального принципа. Однако единство точек зрения по этому вопросу ограничивается лишь признанием принципа общим руководящим началом уголовного процесса, дальше позиции расходятся.

Не ставя перед собой задачи всеобщего охвата всего многообразия точек зрения на указанную проблему, обозначим собственное ее видение, сопроводив его необходимыми ссылками на мнения других исследователей. Свою задачу мы видим в другом – попытаться отыскать компромисс между спорными научными позициями.

Авторы, будучи представителями нижегородской школы процессуалистов (НШП), неизбежно начнут формирование собственной позиции с опорой на теоретические установки ее (школы) основателя.

В трактовке В.Т. Томина определение понятия принципа уголовного процесса звучит следующим образом: *«максимально общая мировоззренческая идея относительно сущего и должного в уголовном процессе, отражающая его характерные черты, проявляющаяся в его нормах и пронизывающая все стадии уголовного процесса»*.

Формулировка достаточно удачная, к ней мы еще не раз будем обращаться. Но прежде сделаем акцент еще на одном важном методологическом моменте, который выделял и В.Т. Тomin. Речь идет о необходимости разделять принцип уголовно-процессуального права и принцип уголовного процесса как отрасли государственной деятельности⁸⁰.

Но начнем с аспекта, связанного с нормативной стороной понятия принципа. По нашему мнению, эти принципы (и принцип уголовно-процессуального права, и принцип уголовно-процессуальной деятельности) должны рассматриваться в качестве руководящих начал, как правило, уже нашедших свое реальное выражение в нормах уголовно-процессуального закона, а значит оказывающих (по крайней мере, формально) воздействие на уголовный процесс.

Форма выражения принципов при этом может быть различной. Принцип может проявляться через прямое упоминание о какой-либо идее как о принципе в тексте нормативного акта либо вытекать из его содержания. Однако, как справедливо отмечает В.Т. Тomin, нельзя связывать существование какого-либо принципа уголовного судопроизводства только с наличием его формулировки в законе (или ином нормативном акте). С одной стороны, продекларированное в качестве принципа положение таковым может и не являться, если не найдет реального выражения в нормах и институтах уголовного процесса и не сможет оказывать реального воздействия на складывающиеся в уголовном судопроизводстве правоотношения. С другой – основополагающее начало уголовного про-

⁸⁰ Для удобства при обозначении и того и другого можно пользоваться термином «уголовно-процессуальный принцип».

цесса, пронизывающее всю процедуру уголовного судопроизводства, реально воздействующее на практику, может быть и не названо в законе принципом данной отрасли. «Наименование документа, – пишет В.Т. Томин, – в котором окажутся запечатленными те или иные доктринально выработанные принципы, – в целом ряде случаев дело ситуативное, субъективное, даже *случайное*»⁸¹, так как «принцип, даже и сформулированный в законе, как правило, не может быть осуществлен непосредственно»⁸².

Вместе с тем, отдельные исследователи настаивают на полной нормативности системы принципов. Так, С.П. Сереброва утверждает, что «система принципов уголовного судопроизводства представлена в гл. 2 УПК РФ»⁸³. Подобный подход согласуется с общетеоретической позицией. В теории права существует мнение, что «разнообразные юридические идеи и идеалы **только тогда становятся** (выделено нами. – Авт.) принципами права (и соответственно деятельности им опосредуемой. – Авт.), когда они непосредственно (легально) выражены в нормативно-правовых актах или иных формах права»⁸⁴.

Думается, что данное утверждение небесспорно, поскольку этим содержание ни принципа права, ни опосредуемой им деятельности полностью не исчерпывается. Мы скорее склонны согласиться с А.С. Александровым, утверждающим, что «уголовно-процессуальный принцип – это абсолютная идея о должном построении уголовного судопроизводства»⁸⁵.

О некоем «должном» упоминают в своих авторских определениях понятия принципа В.Т. Томин и С.П. Сереброва. Полагаем, что

⁸¹ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 32.

⁸² *Томин В.Т.* О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. – М., 1965. – Вып. 12. – С. 193.

⁸³ *Сереброва С.П.* Образцы процессуальных документов: досудебное производство: Практическое пособие / Отв. ред. В.В. Мозяков. – М., 2003. – С. 365.

⁸⁴ Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М., 2004. – С. 222.

⁸⁵ *Александров А.С.* Диспозитивность в уголовном процессе. – Н. Новгород, 1997. – С. 137.

именно это «должное» и необходимо рассматривать как ориентир для законодателя при разработке соответствующих правовых предписаний, а также для правоприменителя в ситуациях, законом не урегулированных или предоставляющих правоприменителю возможность выбора варианта поведения по своему усмотрению. Знания об этом «должном», пишет В.Т. Томин, вырабатываются наукой путем «абстрагирования общих положений из объективной реальности»⁸⁶.

Причем в плане абстрагирования идей для уголовного процесса значение может иметь наука не только уголовно-процессуальная. Полезными могут оказаться, к примеру, общая теория права или наука об организации управления и труда. При этом если эти принципы имеют отношение к уголовному судопроизводству, то они будут являться уголовно-процессуальными (при их соответствии иным критериям понятия уголовно-процессуального принципа). В связи с этим мы готовы поспорить с утверждением А.П. Гуляева, о том что «принципы НОТ... распространяются и на процессуальную деятельность, но не превращаются при этом в процессуальные принципы»⁸⁷. Превращения, на наш взгляд, возможны. Хотя, конечно, не все принципы НОТ, даже и имеющие отношение к уголовному процессу, можно назвать уголовно-процессуальными принципами.

Теперь прокомментируем утверждение В.Т. Томина о мировоззренческом характере принципа. Наибольшую актуальность это утверждение имело во времена господства мировоззрения коммунистического. Именно тогда впервые и появилась вышеуказанная дефиниция принципа. И именно с коммунистическим мировоззрением она тогда главным образом и связывалась. Может быть поэтому в постсоветский период даже отдельные ученики В.Т. Томина отказались от использования традиционной для НШП трактовки принципа как идеи мировоззренческой, заменив идеей «основополагающей»⁸⁸.

⁸⁶ *Томин В.Т.* О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. – М., 1965. – Вып. 12. – С. 193.

⁸⁷ *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. – М., 1981. – С. 44.

⁸⁸ См., напр.: *Сереброва С.П.* Образцы процессуальных документов: досудебное производство: Практическое пособие / Отв. ред. В.В. Мозяков. – М., 2003. – С. 365.

Думается, что «мировоззренческая» характеристика принципа и сейчас имеет право на существование. Ведь коммунистическое мировоззрение считалось во времена своего господства не обыденным, а строго научным. Отсюда современная трактовка уголовно-процессуального принципа вполне может быть сконцентрирована на научном мировоззрении как таковом, не связанном какими бы то ни было идеологическими догмами. Иными словами, принципы уголовного процесса есть следствие научного мировоззрения, т. е. это идеи, в основе которых лежит рациональность.

Следующий критерий «принципиальности» – обязательное проявление принципов во всех стадиях уголовного процесса. Суть этого критерия проста и, вместе с тем, категорична: принцип должен присутствовать во всех стадиях: в одних – в большей, в других – в меньшей степени, но во всех без исключения. В отдельных нормах принцип может и не находить своего выражения, но на уровне стадии в целом – непременно, воплощаясь в общих условиях стадий, отражаясь в нормах-правилах поведения и нормах, регламентирующих права и обязанности участников уголовного процесса⁸⁹.

Следует согласиться с А.В. Гриненко в том, что «принципы обязательно должны находить свое проявление во всех без исключения стадиях производства по уголовным делам. Те нормативные установления, которые реализуются... не на всех... стадиях уголовного судопроизводства, принципами именоваться не могут. Они входят в содержание того или иного принципа в виде более конкретных правовых предписаний и не должны ему противоречить...»⁹⁰. В систему принципов необходимо включать лишь максимально общие идеи, а не их фрагменты, а также исключать идеи, которые проявляются в большинстве его стадий, но не обязательно в каждой из них.

Придерживаясь позиции о максимальной общности идей, претендующих на звание принципов, и их определяющем характере для *всего* уголовного процесса, мы все-таки склонны говорить об

⁸⁹ См.: *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 32.

⁹⁰ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Гриненко. – М., 2004. – С. 30.

обязательности проявления принципов на всех без исключения стадиях с некоторой долей условности, учитывая условность деления уголовного процесса на стадии, да и субъективность уголовного процесса в целом. Вместе с этим, после безуспешных попыток выделить иной критерий относимости к уголовному процессу *в целом*, кроме как проявление в каждой стадии, такая формула нами была признана наиболее приемлемой.

Противники такой точки зрения аргументируют свою позицию тем, что отдельные принципы просто не актуальны для некоторых стадий. Так, С.И. и С.С. Безруковы утверждают, что на стадии исполнения приговора нет места принципам презумпции невиновности, состязательности сторон и свободы оценки доказательств. Те же принципы «в полной мере не применяются» в стадии возбуждения уголовного дела⁹¹.

На наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что перечисленные идеи не вписываются в названные стадии. Они и не принципы вовсе! Получается, что указанные авторы не на основе представления о принципах права соотносят с ними те или иные идеи, а, наоборот, представление о принципе пытаются сформировать исходя из сущности отдельных симпатичных им идей.

Что же касается принципа процессуальной экономии, то даже само предположение о неактуальности хоть для какой-нибудь стадии требования рационального использования процессуальных средств неверно по определению.

Следует признать справедливым и утверждение В.Т. Томина о равноправии принципов между собой и отсутствии среди них какой бы то ни было иерархии. Однако здесь нужно отметить, что большинство принципов пусть и пронизывают весь уголовный процесс, тем не менее, характеризуют какой-то один (более или менее объемный) аспект уголовно-процессуальной деятельности, формулируют какое-то одно ее свойство. Принцип законности при производстве по уголовному делу, например, формулирует такое (и только лишь) свойство уголовно-процессуальной деятельности, как необходимость в процессе ее осуществления точного и не-

⁹¹ См.: Безруков С.И. Принципы уголовного судопроизводства: понятие, система и общая характеристика: Учебное пособие / С.И. Безруков, С.С. Безруков. – Омск, 2005. – С. 9.

укоснительного соблюдения действующего уголовно-процессуального законодательства. Принцип обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе связан лишь с кругом этих самых интересов.

Действие же принципа процессуальной экономии всеобъемлюще. Содержание всей уголовно-процессуальной деятельности, всех без исключения ее проявлений, аспектов, равно как и взаимоотношения между собой иных принципов, должно быть подчинено идее процессуальной экономии.

С утверждением о равноправии принципов уголовного процесса тесно связан вопрос об их «взаимоотношениях» между собой. Критикуя К.К. Гасанова, считавшего, что «принципом может быть только такое положение, которое не противоречит другим принципам конституционного права, опыту и юридической практике»⁹², В.Т. Томин пишет о противоречивости и даже конфликтности «взаимоотношений» принципов между собой. Объясняет он это тем, что каждый принцип уголовного процесса, являясь идеей наибольшей для уголовного процесса степени общности, стремится к максимальному влиянию на нормы-правила поведения и нормы, определяющие компетенцию и процессуальный статус участников уголовного судопроизводства. На противоречивый характер «взаимоотношений» принципов между собой и их взаимное ограничение друг другом указывали и другие исследователи⁹³. По мнению В.Т. Томина, разрешение подобного рода конфликтов возможно

⁹² Гасанов К.К. Определение принципа неотчуждаемости основных прав человека // «Черные дыры» в российском законодательстве // Юридический журнал. – 2003. – № 4. – С. 35; Цит. по Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 35.

⁹³ См. напр.: Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи (Общая теория права. – Обычное право. – Гражданское право. – Торговое право. – Гражданский процесс) // <http://mirror2.garant.ru/webclient/navigation.dsp?PHPSESSID=9273e14892c7415b7e8edad6e12b754f&number=0&page=1>; Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: Дис... канд. юрид. наук. – Л., 1989. – С. 30–32; Лукич Р. Методология права / Под ред. Д.А. Керимова (Вступ. ст.); Пер. с сербохорват. В.М. Кулистикова. – М., 1981. – С. 233.

лишь в результате компромисса, а уголовно-процессуальное право как раз и есть «способ согласования с уголовной политикой и проведения в жизнь процесса и результата снятия таких противоречий»⁹⁴.

В развитие позиции В.Т. Томина считаем, что говорить о конфликтности «взаимоотношений» принципов уголовного судопроизводства справедливо в первую очередь применительно к процессу формирования норм права, формулирования нормативных предписаний. Нормативно оформив ту или иную отрасль государственной деятельности, законодатель уже разрешил (правильно или нет – вопрос следующий) большинство упомянутых конфликтных ситуаций. Таким образом, практическая деятельность в сфере уголовного судопроизводства уже законодательно урегулирована и грань, где безграничное влияние одного принципа должно быть ограничено необходимостью реализации другого, установлена законом. И лишь в случаях, когда законом правоприменителю предоставлена возможность (либо вменено в обязанность) принять решение по своему усмотрению, можно говорить о конфликте принципов в мыслительной деятельности правоприменителя. Однако для разрешения даже такого конфликта есть отправные точки, например, общие правила оценки доказательств. Вместе с тем, и при формулировании правовых предписаний, и в процессе деятельности по их реализации не каждый из принципов конфликтует с каждым, а ряд из них и вовсе не конфликтны, их нет необходимости ограничивать для обеспечения реализации другого принципа.

К таким принципам мы можем отнести принцип законности и, как ни странно, исследуемый принцип процессуальной экономии. Полагаем, что собственно конфликт имеет место лишь во «взаимоотношениях» принципов объективной истины и обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе. Принцип процессуальной экономии, не конфликтуя непосредственно с этими принципами, призван урегулировать конфронтацию между ними, а принцип законности в этом смысле стоит от нее несколько особняком.

⁹⁴ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 34.

Следует согласиться с мнением В.Т. Томина относительно существования практически одноименного специфического уголовно-процессуального принципа⁹⁵. Правда, само наименование принципа, предложенное В.Т. Томиным, – «принцип законности уголовно-процессуальной деятельности» – кажется нам не совсем корректным. Как очень точно заметил А.С. Александров, уголовно-процессуальная деятельность законна по определению. Если она незаконна, значит, она не может считаться уголовно-процессуальной⁹⁶. И в этом смысле представляется более корректным законодательное наименование указанного принципа – «законность при производстве по уголовному делу».

Полагаем, что предпосылочной информации сообщено достаточно. Переходим непосредственно к исследованию понятия принципа процессуальной экономии.

Понятие принципа процессуальной экономии

Во введении к работе мы заметили, что процессуальная экономия должна рассматриваться как специфический – технологический – принцип уголовного процесса. В данном случае определение «технологический» тяготеет по смыслу к определению «сущностный». Во-первых, определением «технологический» мы хотели подчеркнуть наличие в уголовном процессе идей, которые присущи уголовному судопроизводству любого исторического и географического типа. Это те идеи, которые не меняются вслед за сломом политических систем, идеи, которые обеспечивают диалектическое взаимодействие между целью уголовного процесса и его средствами.

Учитывая, что уголовный процесс является сложным явлением, включающим в себя не только юридические, но и культурно-политические аспекты, мы через введение понятия «технологические принципы» попытались абстрагировать из него ту часть, которая в большей степени обусловлена информационными закономер-

⁹⁵ См.: *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 38–39.

⁹⁶ См.: *Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин.* – М., 2003. – С. 95.

ностями установления объективной истины. Следуя в своем развитии от максимума эмоциональности к максимуму рациональности, уголовный процесс все больше становился технологией добывания и переработки информации.

Допуская с определенными оговорками, что уголовный процесс может рассматриваться как специфическая технология установления объективной истины, мы допустили и наличие соответствующих этой технологии принципов.

Вместе с тем, именую эту технологию специфической, мы отдаем себе отчет в том, что специфичность эта носит скорее «оттеночный», чем сущностный характер. Как верно заметил И.М. Лузгин: «познание по уголовному делу и построение выводов в расследовании осуществляется с помощью единых для всех общечеловеческих форм мышления. Для следственной деятельности не может быть создано каких-то особых форм мышления»⁹⁷.

По авторитетному мнению И.Я. Фойницкого, «особые правовые пути отыскания истины в процессе уместны и необходимы настолько лишь, насколько они вытекают из особенностей процессуальных отношений; они призваны не заменять, а лишь дополнять общие логические начала. Между тем под влиянием исторических наслоений сумма условных правил и обрядов, существующих в процессе, иногда превышает действительную в них потребность»⁹⁸.

Полагаем, что процессуальная экономия как раз и призвана очищать уголовный процесс и иные юридические процессы от этих наслоений. Процессуальная экономия это и есть экономичное построение процессуальной формы по принципу – ничего лишнего. А лишнее, как уже было отмечено выше, определяется по критерию – больше рационального, меньше эмоционального.

Таким образом, процессуальная экономия – это принцип уголовного процесса, но принцип особого рода. Он относится к разряду основополагающих идей, которые определяют процедурную сущность уголовного судопроизводства в контексте его познавательной функции. Подчеркнем еще раз: технологические принципы опреде-

⁹⁷ Лузгин И.М. Логика следствия. – М., 1976. – С. 9.

⁹⁸ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 8.

ляют природу уголовного процесса вне его социально-политического контекста.

К сожалению, господствующее сегодня определение принципа как мировоззренческой идеи не позволяет разглядеть присутствие и важность отдельных технологических идей. Дело не в том, что причисление принципов к разряду мировоззренческих идей плохо само по себе. Дело в другом – большинство исследователей слишком узко толкуют мировоззренческую составляющую, связывая ее преимущественно с политическими моментами. Именно этот момент, на наш взгляд, порождает сомнения в среде ученых, которые долгие годы держат процессуальную экономию в статусе квази-принципа.

Подобная позиция, в частности, свойственна и В.Т. Томину. Как уже отмечалось, более тридцати лет назад он определил процессуальную экономию как «первейшего кандидата в принципы советского уголовного процесса». По его мнению, процессуальная экономия является одним из «важных и популярных положений высокой степени общности».

В приведенной формуле легко можно уловить существенные признаки принципа. Однако сам В.Т. Томин (с явной симпатией относящийся к процессуальной экономии) и сегодня не торопится однозначно признавать идею процессуальной экономии принципом уголовного процесса, хотя и не приводит каких-либо весомых аргументов в опровержение этого. Более того, однозначной позиции по этому поводу он также не высказывает, ссылаясь на то, что идея процессуальной экономии представляет «известную сложность для категорического вывода о присвоении или неприсвоении ей искомого титула – "принцип уголовного процесса"»⁹⁹.

Далее В.Т. Томин приводит немало аргументов в пользу того, что процессуальная экономия, по сути, является принципом уголовного процесса. Здесь и обращение к зарубежному опыту, и ссылки на отечественное законодательство. Вот один из доводов: «Идея процессуальной экономии, ее проявления прослеживается и

⁹⁹ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 64.

в российском УПК 2001 года. Она – значимая часть судебно-следственной реформы (когда к законодателю удастся достучаться кому-либо из чернорабочих уголовного судопроизводства, следователям, например). Идея процессуальной экономии проявляется достаточно явно во введенном УПК РФ 2001 года институте «особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (раздел X, гл. 40, ст. 314–317). Экспресс-опрос судей, осуществленный автором в ходе заседаний Квалификационной коллегии судей Нижегородского областного суда, показал, что более 50% из числа опрошенных видят пользу в новом институте»¹⁰⁰.

Однако эти, на наш взгляд, «железные» аргументы в итоге так и не порождают твердой принципиальной позиции у В.Т. Томина. «Однако, – продолжает он, – утверждать, что отечественному уголовному процессу уже сегодня свойственен принцип процессуальной экономии, пожалуй, преждевременно. Тем более, что УПК РФ в этом отношении противоречив»¹⁰¹.

Думается, что В.Т. Томин очень близко стоит к тому, чтобы, наконец, признать процессуальную экономию полноправным принципом уголовного процесса. И одним из признаков этого является то обстоятельство, что его ученики уже давно делают это, кто устно, как М.П. Поляков, кто письменно, как С.П. Сереброва.

В приведенном выше определении процессуальной экономии, предложенном С.П. Серебровой, четко прослеживается производственный подход, который вполне можно назвать и подходом технологическим. Причем С.П. Сереброва не является единственным представителем подобного подхода. К его сторонникам можно отнести и, например, Н.И. Порубова, трактующего процессуальную экономию как «такую организацию труда..., предусмотренную или допускаемую уголовно-процессуальным законодательством, которая ведет к эффективному использованию времени, сил и средств...»¹⁰².

¹⁰⁰ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 64.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. – Минск, 1970. – С. 200–201.

Элементы технологического подхода мы можем найти в позиции Е.И. Кокотовой, которая видит место принципа процессуальной экономии в системе принципов правового регулирования применения информационных технологий в судах общей юрисдикции.

По ее мнению, такая система принципов должна состоять из трех групп:

- общеправовые (конституционные, международно-правовые: принцип законности, принцип равенства субъектов судебного информационного пространства, охрана чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, неприкосновенность частной жизни, презумпция невиновности, свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом);

- процессуальные (публичность, гласность, непосредственность);

- прикладные принципы (принцип комплексного организационно-методического и нормативно-правового обеспечения применения информационных технологий в судах общей юрисдикции; достоверность судебной информации; принцип безопасности субъектов судебного информационного пространства; *принцип процессуальной экономии*)¹⁰³.

Технологический акцент в характеристике принципов уголовного процесса делает и С.С. Ерашов. Он проводит подразделение принципов уголовного судопроизводства на принципы непосредственно уголовно-процессуальной деятельности, характеризующие конкретную уголовно-процессуальную деятельность, и принципы ее *организации (технологии)*, под которыми подразумеваются мировоззренческие идеи относительно сущего и должного в уголовном судопроизводстве, касающиеся регламентирующих его норм¹⁰⁴.

В.Т. Томин, выделяя разные уровни проведения в практику принципов уголовного процесса, также упоминает о некоем *технологическом уровне*, на котором принцип имеет установленный за-

¹⁰³ См.: Кокотова Е.И. Правовое регулирование применения информационных технологий в судах общей юрисдикции: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 18.

¹⁰⁴ См.: Ерашов С.С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 17.

коном (в одном случае более, в другом менее детально оговоренный) механизм реализации¹⁰⁵. В противном случае (как, например, объявление законодателем оценки доказательств свободной), полагает В.Т. Томин, мы имеем дело лишь с заявлениями о намерениях, декларациями. «А заявления и декларации, хоть какого уровня законодательных актов они ни прописаны, реальную практику детерминируют плохо»¹⁰⁶.

Однако суть технологического подхода в приведенных выше позициях отличается от нашего его понимания. Вместе с тем, упоминание В.Т. Томиным о технологическом уровне проведения принципов уголовного процесса в практику натолкнуло нас на предположение о правомерности выделения такой категории принципов, которые не нуждаются в механизме их реализации. Они сами являются ориентиром для законодателя и (или) правоприменителя и элементом механизма реализации иных принципов. При этом речь идет не о «голом» декларировании того или иного принципа, а об их проявлении в духе права, закона. Таковыми, по нашему мнению, являются принципы процессуальной экономии и законности.

В эту же группу напрашивается и идея нравственности (честности) уголовного судопроизводства. Однако мы ее, в отличие от В.Т. Томина и А.В. Агутина, к числу принципов не относим. Согласимся, что нравственность является «важным и популярным положением высокой степени общности»¹⁰⁷, но возразим, что это принцип. Нравственность уголовного судопроизводства может быть реализована либо на стадии формулирования нормативных предписаний,

¹⁰⁵ В качестве примера приводится норма ч. 3 ст. 38 УПК РФ, регламентирующая алгоритм действий следователя в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

¹⁰⁶ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 49.

¹⁰⁷ Так В.Т. Томин обозначал статус идеи процессуальной экономии, не решаясь причислить ее к принципам процесса. Мы же, отстаивая принципиальность последней, используя его же (В.Т. Томина) формулу, не готовы согласиться с ним в вопросе о принципиальном статусе нравственности.

либо в процессе принятия правоприменителем процессуального решения в ситуации, предоставляющей свободу выбора. Исходя из того, что требования морали и права не всегда совпадают, а сами нормы морали не идентичны для всех без исключения людей, нормативное закрепление получают лишь нравственные нормы, признаваемые законодателем, тем самым, исчерпывающим образом растворяясь в иных уголовно-процессуальных принципах, в первую очередь, конечно, в принципе обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе.

Насущность требования соответствия уголовно-процессуального права и опосредуемой им деятельности нравственным идеалам приводит некоторых авторов к выводу о существовании особой категории уголовно-процессуальных принципов – нравственных¹⁰⁸. Мы не отрицаем, что подобный подход имеет право на жизнь, правда, не видим в этом большой практической значимости. Тем более, что в группу нравственных принципов помещают все подряд, пытаясь разглядеть моральную составляющую чуть ли не в каждой претендующей на статус принципа идее.

Представляется, что, находясь в ситуации свободы выбора при принятии процессуального решения, правоприменитель должен в первую очередь руководствоваться законом и только потом – совестью (ст. 17 УПК РФ), означающей «личную, ни с кем не делимую моральную ответственность должностного лица системы уголовной юстиции перед обществом, людьми, перед самим собой за свои процессуальные действия и решения»¹⁰⁹.

Иными словами, «совесть у человека одна на одного. Неприемлемы никакие формы ее коллективизации»¹¹⁰. При этом руководствоваться совестью правоприменитель может только в том случае, если тот или иной вопрос вообще не имеет нормативного решения. Если закон сам предлагает несколько вариантов, из которых правоприменителю необходимо выбрать один, речь будет идти о

¹⁰⁸ См., напр.: Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – С. 20–23.

¹⁰⁹ *Зархин Ю.М.* Реформа уголовного процесса и нравственные начала предварительного следствия: Учебное пособие. – Ижевск, 2007. – С. 9–10.

¹¹⁰ *Свинцов В.И.* Коллективизация совести // Философские науки. – 1992. – № 3. – С. 17.

принятии решения, исходя не из моральных убеждений, а из соображений рациональности¹¹¹. И уж совсем неверно рассматривать нравственность как средство сдерживания принципа законности¹¹², ведь, как справедливо отмечал и сам автор такой позиции В.Т. Томин, «принцип законности... не определяет содержания закона»¹¹³, в то время как мораль нередко является определяющим фактором при формулировании правовых норм, влияя на содержание закона, но не на принцип законности.

К слову, внедрение в уголовно-процессуальный закон упоминания о совести как методологической основе оценки доказательств свидетельствует о том, что научное мировоззрение как основа современного уголовного процесса значительно ослабило свои позиции. Слабые места заполняются различными метафизическими феноменами.

Исследование понятия принципа процессуальной экономии предполагает помимо выяснения специфической принципиальной природы этого принципа (прояснение термина «технологический принцип») еще и выявление имеющихся в науке уголовного процесса представлений о предпосылках и существовании процессуальной экономии.

Для начала разберемся в том, какие ассоциации в юридической науке вызывает сама терминология, основанная на экономии и экономичности.

Экономичность в правоприменительной сфере одними авторами (Н.И. Порубов, М.А. Гурвич, Ю.И. Стецовский) связывается с общей рациональной организацией следственной и судебной деятельности, другими (А.П. Гуляев, П.С. Элькинд, С.П. Сереброва) – с выбором по усмотрению правоприменителя наиболее оптимального действия из числа предусмотренных или не запрещенных законом в рамках каждого уголовного дела и даже конкретной судебносудебной ситуации.

¹¹¹ Мы не исключаем здесь, конечно, и возможности существования «безнравственных» уголовно-процессуальных норм.

¹¹² См.: *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 45.

¹¹³ Там же. – С. 41.

Представляется, что идея процессуальной экономии должна рассматриваться с разных позиций. Мы предлагаем трактовать понятие процессуальной экономии в первую очередь с точки зрения рациональности использования уголовно-процессуальных средств, *необходимых и достаточных* для правильного и эффективного расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Решение этой задачи невозможно только законодательными мерами. Не менее важным направлением здесь является правильная, рациональная организация правоприменительной деятельности. Обратим внимание: закрепление в уголовно-процессуальном законе рациональной и экономичной процедуры важно не само по себе, а лишь в связи с последующей практической деятельностью, которая и должна стать рациональной и экономичной.

Суть процессуальной экономии, с одной стороны, следует связывать с правотворческой деятельностью по формулированию норм уголовно-процессуального права, с другой – с рациональной организацией деятельности по его реализации. После некоторых сомнений мы назвали первое направление процессуальным, второе – непроцессуальным, или организационным.

На наш взгляд, достижение *процессуальной* экономии вполне возможно в ряде случаев и *непроцессуальным* путем. Иными словами, процессуальную экономию не стоит ограничивать кругом исключительно законодательных мер. Процессуальная экономия имеет отношение ко всему, что связано с повышением эффективности уголовного процесса. Решение этой задачи явно не исчерпывается лишь рациональной процедурой судопроизводства, определенной уголовно-процессуальным законом.

Однако второе направление следует называть непроцессуальным с некоторой долей условности. Несомненно, непроцессуальные меры повышения эффективности уголовного судопроизводства связаны не только с организацией работы следственных и судебных органов, но и с совершением *процессуальных* действий и принятием *процессуальных* решений.

Процессуальная экономия заключается не в совершении определенных законом действий и принятии предписанных нормами права решений, а в выборе наиболее оптимального действия (решения) из числа предложенных или незапрещенных законом.

Таким образом, в первом случае речь идет о процессуальной экономии как о принципе уголовно-процессуального права¹¹⁴, во втором – исследуемая идея является принципом уголовного процесса как деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел. К обоснованию последнего утверждения мы подробнее обратимся ниже.

Подчеркнем, что рациональность использования процессуальных и непроцессуальных мер нетождественна упрощению, ускорению и удешевлению процесса, ведь ценность быстрого, простого и недорогого процесса связана со степенью достижения целей судопроизводства, а это в ряде случаев диктует необходимость усложнения процедуры и увеличения затрат на него.

Известный немецкий писатель и философ Ф.Г. Юнгер отмечал, что из-за разности целей «рациональное с технической точки зрения не всегда означает рациональное в экономическом отношении»¹¹⁵. В уголовно-процессуальном законе имеются примеры подобной конкуренции отдельных аспектов процессуальной экономии. Так, по наиболее сложным и объемным уголовным делам производство предварительного следствия может быть поручено следственной группе. Здесь вызванное необходимостью увеличение затрат (сил и средств) направлено на экономию времени, качественное проведение расследования в не превышающий установленный законом срок. Расследование подобных преступлений одним следователем часто объективно невозможно без превышения срока, а поскольку это недопустимо, в целях процессуальной экономии законодатель предусмотрел возможность решения этой задачи путем выделения иных дополнительных ресурсов.

¹¹⁴ Надо заметить, что принцип процессуальной экономии в качестве принципа уголовно-процессуального права не исчерпывается правотворческой деятельностью, направленной на совершенствование соответствующей отрасли законодательства. Влияние исследуемого принципа очень четко прослеживается и в правосознании и в научных доктринах, в значительной мере определяя их содержание. Здесь же нужно отметить, что принцип процессуальной экономии не является сугубо уголовно-процессуальным, он должен определять содержание любой отрасли процессуального права. Более того, материальное право с принципом экономии (являющимся, по нашему мнению, и общеправовым принципом) также должно соотноситься.

¹¹⁵ Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Пер. с нем. И.П. Стребловой. – СПб., 2002. – С. 46.

Поэтому рациональность в каждом конкретном случае должна оцениваться в контексте конечного результата. Мы не можем согласиться и с позицией М.Л. Якуба, предъявившего к уголовно-процессуальной форме параллельно два требования – рациональности и простоты.

Простота судопроизводства должна быть обоснована соображениями рациональности, а не являться самоцелью. Если в конкретном случае упрощение той или иной процедуры (нормы, института, стадии, формы) рационально – значит, здесь требование простоты будет являться выражением рациональности. В противном случае все позитивное значение простоты сходит на нет, а сама простота превращается в упрощенчество, на ярко негативную окраску которого, кстати, указывает и сам М.Л. Якуб¹¹⁶.

Ставшее крылатым изречение Сенеки «*legem brevem esse oportet*» (закон должен быть краток) имеет для понимания существа идеи процессуальной экономии немаловажное значение, ведь «избыток уголовно-процессуальных норм столь же... опасен..., как и их недостаточность»¹¹⁷.

В первом случае речь идет о законодательном закреплении только тех норм и институтов, без которых функция уголовного судопроизводства не может быть правильно реализована, и закон не должен быть перегружен разного рода нормами, не имеющими непосредственного отношения к процедуре судопроизводства. Во втором случае нужно сделать акцент на следующем: конкретизация уголовно-процессуальных норм и устранение пробелов в нормативном регулировании также могут способствовать повышению рациональности уголовно-процессуальной деятельности. «Краткость, – писал Р. Иеринг, – одно из неотъемлемых качеств законодателя. Но краткость заключается не в малом количестве слов, содержащихся законом, а в интенсивности, глубине высказываемых им мыслей»¹¹⁸.

¹¹⁶ См.: Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М., 1981. – С. 27–29.

¹¹⁷ Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 38.

¹¹⁸ Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб., 1905. – С. 58.

Среди общих принципов правотворчества нередко указывается принцип экономии законодательного материала¹¹⁹, или безызыточность, которая в то же время должна сочетаться с полнотой и конкретностью правового регулирования¹²⁰.

Вместе с этим, думаем, нельзя полностью сводить суть понятия «уголовно-процессуальная форма» лишь к правоотношениям. Ограничивая форму уголовного судопроизводства правоотношениями (т. е. внутренней формой процесса), мы забываем о ее внешней форме¹²¹, состоящей из совокупности условий совершения процессуальных действий и их обрядности¹²². Очень ярко проявление ритуала судопроизводства прослеживается в ст. 257 УПК РФ, определяющей обязательный ритуал (регламент) судебного заседания. Имеются и другие примеры¹²³. Нередко в юридической литературе под маркой рационализации уголовного судопроизводства можно встретить призывы к изъятию (или, по крайней мере, к максимальному сокращению) внешних проявлений его формы¹²⁴.

¹¹⁹ См.: *Кругликов Л.Л.* Вопросы совершенствования норм ст. 174 и 174¹ УК РФ / Л.Л. Кругликов, О.Г. Соловьев, А.С. Грибов // Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова, Л.Л. Фитуни. – Н. Новгород, 2009. – С. 404.

¹²⁰ См.: *Панько К.К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография. – Воронеж, 2004. – С. 105.

¹²¹ Некоторые авторы не разделяют внутреннюю и внешнюю формы судопроизводства, указывая на неразрывную связь процессуальной деятельности и процессуальных отношений (см. напр., *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М., 1981. – С. 17–20).

¹²² См.: *Поляков М.П.* О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 87; *Элькинд П.С.* Категории «содержание» и «форма» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 43.

¹²³ Ст. 296 («Постановление приговора именем Российской Федерации»), 310 («Провозглашение приговора»), 332 («Принятие присяжными заседателями присяги») УПК РФ и др.

¹²⁴ См.: *Пашкевич П.Ф.* Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 8.

Соглашаясь с Ю. Глазером в том, что «уголовный процесс должен... стремиться к материальной истине и... ставить содержание выше обряда»¹²⁵, надо признать, что внешняя сторона (М.П. Поляков и Т.В. Никифорова называют ее обрядовой) не играет главной роли в получении доказательств по делу, ее ценность заключается не в повышении эффективности производства по конкретному уголовному делу, а в воспитательном воздействии на общество в целом¹²⁶.

Думается, что существование подобных ритуалов в процедуре судопроизводства вполне обосновано и не противоречит принципу процессуальной экономии. Тем более, что законодатель не злоупотребляет их нормативным закреплением, а какие-либо указания на воспитательную роль тех или иных уголовно-процессуальных институтов в действующем УПК РФ (в отличие от предыдущего¹²⁷) и вовсе отсутствуют.

Многие авторы единодушны в том, что уголовный процесс необходимо освобождать от излишеств. Однако единой позиции по вопросу: от каких же, собственно, процессуальных излишеств необходимо освободить процесс? – не наблюдается. То ли от предусмотренных уголовно-процессуальным законом «пустых формальностей», ненужных условностей, не влияющих на процесс установления истины и не связанных с доказыванием по делу, о чем писали, например, И.Я. Фойницкий и М.Л. Якуб, то ли от нерациональных процедур собственно судопроизводства и связанных с ним правоотношений (Р. Иеринг, П.Ф. Пашкевич, Ю.К. Якимович, Н.А. Власова), то ли от неэффективных, неэкономичных средств реализации уголовно-процессуального закона, замедляющих судопроизводство, не создавая при этом никаких дополнительных процессуальных гарантий (П.С. Элькинд).

Полагаем, что принцип процессуальной экономии должен толковаться широко и разносторонне. В связи с этим мы поддерживаем точку зрения М.А. Гурвича, высказанную им применительно к гражданскому процессуальному праву. Он объясняет процессуаль-

¹²⁵ Цит. по: *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса / Под ред. В.А. Томсинова. – М., 2008. – Ч. II: Судопроизводство. – С. 5.

¹²⁶ См.: *Поляков М.П.* О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // *Государство и право.* – 1999. – № 9. – С. 89–92.

¹²⁷ Ст. 44, 243, 359 УПК РСФСР.

ную экономию как необходимость наиболее полного и целесообразного использования установленных законом процессуальных средств для правильного и быстрого разрешения дела¹²⁸. Однако даже такое достаточно широкое толкование процессуальной экономии не раскрывает полностью ее сущности.

Необходимо различать содержание категории «процессуальная экономия» и направления реализации этого процессуального принципа. Они в значительной степени совпадают, но не тождественны. На наш взгляд, говорить о содержании категории «процессуальная экономия» следует, исходя из следующих ее аспектов.

1. Сочетание процессуальных (регулируемых нормами уголовно-процессуального закона) и непроцессуальных (организационных) мер повышения эффективности уголовного процесса.

2. Ориентир не на быстроту, простоту и дешевизну судопроизводства, а на быстрое и полное достижение его цели, не связанное с чрезмерными (необоснованными) материальными затратами и подкрепленное системой необходимых процессуальных гарантий¹²⁹. Решение этой задачи не исключает в отдельных случаях возможности (а, порой и необходимости) пойти на усложнение и удорожание установленной законом процедуры судопроизводства, сопровождаемой увеличением соответствующих процессуальных сроков. То же можно сказать и о правоприменительной деятельности.

3. Требование процессуальной экономии заключается в установлении уголовно-процессуальным законом определенных предельно допустимых лимитов (в первую очередь, конечно, процессуальных сроков). Режим процессуальной экономии требует не только уложиться в этот лимит, но и так организовать деятельность, чтобы из максимально возможного ресурса была использована лишь та его часть, которая действительно необходима, но, вместе с тем, и достаточна для правильного и полного проведения судопроизводства по каждому уголовному делу или совершения конкретного процессуального действия.

¹²⁸ См.: Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Труды Всесоюзного юридического заочного института. – М., 1965. – Т. 3. – С. 55.

¹²⁹ Хотя последнее специально можно было и не упоминать как неразрывно связанное с целью процесса.

4. Установление тех или иных процессуальных сроков само по себе выступает средством борьбы с волокитой в ходе уголовного судопроизводства. Однако принцип процессуальной экономии требует их тщательного анализа на предмет обоснованности, т. е. необходимости, с одной стороны, и достаточности – с другой.

5. Процессуальная экономия подразумевает изъятие разных процессуальных излишеств. Это и предусмотренные уголовно-процессуальным законом «пустые формальности», ненужные условности, не влияющие на процесс установления истины и не связанные с доказыванием по делу, и нерациональные процедуры собственно судопроизводства, порождающие не вызванные необходимостью правоотношения. Обратим внимание здесь и на несвязанные непосредственно с целью процесса и доказыванием по уголовному делу чисто технические моменты, также призванные сэкономить выделяемые государством на сферу уголовного судопроизводства силы и средства.

6. Экономичность в правоприменительной сфере заключается в рациональном использовании предусмотренных законом средств для достижения цели процесса и подразумевает как выбор наиболее оптимального действия из числа предусмотренных или не запрещенных законом по усмотрению правоприменителя в каждой конкретной судебно-следственной ситуации, так и такую организацию следственной и судебной деятельности вообще, которая бы в наибольшей степени способствовала решению этой задачи.

Нередко (в основном исследователями в области гражданского процесса) выдвигается требование удобства судопроизводства как для суда, так и для граждан, обращающихся за защитой своих прав. При этом отмечается, что «удобство процесса не должно заслонять главного. К чему процесс, в котором дела решаются скоро и легко, но неправильно?¹³⁰».

Требование это небезосновательно. Говорить о рациональном порядке организации уголовно-процессуальной деятельности можно тогда, когда «каждое лицо, нуждающееся в защите своих законных интересов посредством уголовного судопроизводства, может быстро и легко получить эту защиту, а органы, ведущие процесс,

¹³⁰ *Ференс-Сороцкий А.А.* Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 31–35.

могут быть в состоянии без лишних затрат труда удовлетворить законные требования этого лица»¹³¹.

Длительное время у нас заняли размышления по поводу соотношения процессуальной экономии с интересами иных, кроме ведущих процесс, государственных органов и должностных лиц. Первоначально проблема нам представлялась такой: входит ли «удобство» судопроизводства для граждан, экономия их средств, сил и времени в содержание процессуальной экономии? Разрешить проблему мы смогли только после осознания необходимости ее разделения на два аспекта.

Первый. Процессуальная экономия ориентируется не только на экономию государственных ресурсов. Не менее важным моментом является и учет интересов граждан, причем как материальных, так и нематериальных. Государство не должно допускать их ущемления без объективной необходимости. Например, ч. 6. ст. 182 УПК РФ предусматривает право лиц, проводящих расследование, вскрывать любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества. Государство должно стремиться к сокращению расходов граждан, а в отдельных случаях (когда интересы государства и гражданина совпадают, и уж подавно, когда более удовлетворяются государственные интересы) государство должно взять их на себя. Так, вполне обоснованной видится норма ч. 2 ст. 44 УПК РФ, освобождающая гражданского истца от уплаты государственной пошлины. Полагаем, процессуальной экономии это не противоречит. Должно государство стремиться и к облегчению доступа граждан к правосудию, причем как посредством нормативного регулирования, так и посредством деятельности соответствующих органов и должностных лиц.

Второй. Не урегулированные нормативно (по большей части тактические) вопросы экономичности средств участия в уголовном судопроизводстве граждан, решаемые последними по своему усмотрению, в содержание процессуальной экономии не входят. Нельзя включать в него и вполне обоснованное требование (по сути, лишь пожелание) к гражданам не провоцировать не необходимое расхо-

¹³¹ Ерашов С.С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 25.

дование государственных ресурсов (например, заявлением не вызванных необходимостью, заведомо не удовлетворяемых ходатайств и жалоб и т. д.). Субъектами, реализующими принцип процессуальной экономии, выступают ведущие расследование органы и должностные лица и суд, а также законодатель, нормативно оформляя уголовно-процессуальную деятельность. Все иные участники уголовного судопроизводства для процессуальной экономии являются объектом правового регулирования. Попутно заметим, что и означенные субъекты в ряде случаев могут превращаться в объект.

§ 2.2. Принцип процессуальной экономии в свете важнейших проблем современного уголовного процесса

Для понимания существа принципа процессуальной экономии необходимо также посмотреть на него с точки зрения важнейших (сопутствующих) проблем судопроизводства. Особенно значимыми нам видятся проблемы дифференциации, целеполагания и эффективности уголовного судопроизводства.

Нередко дискутируя по вопросам, касающимся проблем дифференциации и унификации уголовно-процессуальной формы, ученые для аргументации своих позиций используют термин «процессуальная экономия». Зачастую те, кто отстаивает унификацию, допускают различие процессуальных форм лишь в плане их усложнения, отказывают идее процессуальной экономии не только в праве претендовать на статус принципа, но и вообще в праве на существование. Рациональный порядок уголовного судопроизводства, по их мнению, «не имеет ничего общего с «процессуальной экономией», которая способна приводить лишь к нарушению законности при расследовании преступлений и разрешении уголовных дел»¹³², а упрощение процедуры уголовного судопроизводства неминуемо влечет за собой ограничение процессуальных гарантий.

Их оппоненты, отстаивая идею о необходимости дифференциации форм уголовного судопроизводства, напротив, выступают сторонниками широкого использования процессуальной экономии, наделяя ее статусом принципа уголовного процесса.

¹³² *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 51.

Полагаем, что неверно однозначно связывать процессуальную экономию как с упрощением отдельных уголовно-процессуальных форм, так и с их усложнением. Уголовно-процессуальный закон никогда не ограничивался общим порядком уголовного судопроизводства. Наиболее ярким примером тому является подразделение форм предварительного расследования преступлений на дознание и предварительное следствие. Помимо этого, законодатель установил особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотрел особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также отдельных должностных лиц государства, зафиксировал в нормах УПК РФ институты частного обвинения, мировой юстиции и присяжных заседателей – вот далеко не полный перечень «отклонений» от общего порядка уголовного судопроизводства.

Вопрос о рациональности существования всех перечисленных институтов уголовного процесса чрезвычайно сложен, и их соответствие принципу процессуальной экономии в каждом конкретном случае должно рассматриваться отдельно. Однако, полагаем, не вызовет споров утверждение о том, что, вводя в процедуру уголовного судопроизводства некоторые из перечисленных институтов (дознание, особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, мировой юстиции, частного обвинения и др.), законодатель исходил из соображений ускорения и упрощения судопроизводства, учитывая относительную простоту соответствующей категории уголовных дел. Устанавливая же особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц¹³³, зако-

¹³³ Хотя мы и не разделяем точки зрения законодателя о том, что производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (в том числе несовершеннолетних) необходимо было помещать в часть четвертую УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства». Думается, что порядок здесь все-таки общий, пусть и отличается определенными особенностями, связанными с необходимостью дополнительных процессуальных гарантий. Собственно, особый порядок уголовного судопроизводства, по нашему мнению, имеет место лишь в случае с производством о применении принудительных мер медицинского характера.

нодатель закрепил для них дополнительные гарантии уголовно-процессуальной защиты.

Уголовный процесс должен развиваться не только по пути усиления процессуальных гарантий, но и в сторону своего упрощения, ускорения и удешевления. Необходимо разумное сочетание обоих процессов. Подчеркнем еще раз – упрощение процедуры, как правило, сопровождается отказом от отдельных процессуальных гарантий, усложнение – их установлением. Но надо помнить, что отмененные гарантии могли быть действительно необходимыми, а вновь введенные – при ближайшем рассмотрении излишними.

Естественно, выбирая в каждой конкретной ситуации (регламентируя тот или иной институт уголовного судопроизводства) один из этих путей (упрощение процесса или введение дополнительных гарантий), законодатель исходил из соображений рациональности уголовного судопроизводства, находя, по его мнению, золотую середину. В случае упрощения процесса, одновременно сокращая процессуальные гарантии, законодатель посчитал, что отдельные из них излишни и можно безболезненно от них отказаться. В другом, по мысли законодателя, существующие гарантии в имеющемся количестве и качестве не обеспечивают надлежащую защиту участников процесса и не способствуют в должной мере достижению целей судопроизводства. «В правовом государстве, – отмечали авторы Концепции судебной реформы в РСФСР, – функционирует полноценная система сдержек и противовесов, где почетную роль играет правосудие, способное сглаживать конфликты и примирять законность с целесообразностью в каждом конкретном случае»¹³⁴.

В качестве важного момента следует выделить акцент, который сторонники упрощенных форм судопроизводства делают на рациональной стороне процессуальной экономии. Правда, делают они это оригинально, через критику позиции оппонентов, упрекая последних в том, что ими «понятие рационального использования процессуальных средств и предложения в этом направлении отвергаются как что-то «надуманное», как посягательство на процессу-

¹³⁴ Концепция судебной реформы в РСФСР, одобренная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 28 октября 1991 года № 1801-1 // ИПС «КонсультантПлюс».

альные гарантии, как «упрощенчество», как нечто несовместимое с этикой и демократическими принципами правосудия»¹³⁵.

Упор на рациональную сторону принципа процессуальной экономии очень важен для понимания существа этой идеи. Полагаем, что противники дифференциации возражают лишь против словесной формулы «процессуальная экономия», но не против скрывающейся за ней идеи. Во всяком случае анализ работ этих ученых показывает, что их вряд ли стоит причислять к числу противников рационализации уголовного судопроизводства, однако представление о рациональном порядке судопроизводства у них иное.

Полагаем, что подобный разброс мнений обусловлен односторонним подходом к толкованию сущности процессуальной экономии. В советской и постсоветской юридической литературе термин «процессуальная экономия» употребляется, как правило, лишь в контексте упрощения уголовно-процессуальной формы, изъятия из уголовного судопроизводства отдельных его элементов, сокращения процессуальных сроков, издержек и прочего, причем подобное однобокое толкование исследуемой категории характерно как для сторонников, так и для противников этой идеи.

В качестве нехарактерного примера можно привести позицию П.С. Элькинд. Являясь противником дифференциации форм уголовного судопроизводства в сторону их упрощения, она, тем не менее, считает экономичность важнейшим требованием, предъявляемым к средствам достижения целей судопроизводства. И понимание этой экономичности главным образом с позиции рациональности привело ее к выводу о том, что экономичность средств достижения этих целей не исключает возможности (а иногда необходимости) их усложнения¹³⁶.

Вопрос о процессуальной экономии всегда тесно связан с проблемой упрощения процессуальной формы и ее пределами. В свое время в литературе были популярны предложения о целесообразности проведения упрощенного судопроизводства по уголовным

¹³⁵ Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54.

¹³⁶ См.: Элькинд П.С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. – 1972. – № 8. – С. 103.

делам, по которым факт совершения преступления не вызывает сомнения, преступник известен или задержан с поличным и есть свидетели – очевидцы. Ярким сторонником подобного подхода был П.Ф. Пашкевич (его не без оснований считают «отцом протокольной формы досудебной подготовки материалов»), предлагавший направлять уголовное дело по указанной категории преступлений в суд «сразу же после составления акта или протокола, в котором были бы указаны свидетели преступления и который был бы дополнен необходимыми данными о личности правонарушителя и его судимости»¹³⁷.

Однако позиция эта представляется во многом спорной. По мнению М.С. Строговича, следует признать «несостоятельной самую мысль о какой-то категории «простых», «ясных дел», «дел об очевидных преступлениях» и т. п. и, прежде всего, потому, что такая характеристика дела без его расследования и досудебного рассмотрения субъективна и способствует предвзятости в его разрешении... Если дело действительно простое, его расследование и разрешение не будут связаны с большими трудностями и произойдут быстро, но ни в коем случае не путем «свертывания» процессуальной формы и сокращения процессуальных гарантий»¹³⁸.

Позиция М.С. Строговича нам более близка. Действительно, недопустимо наделение субъекта расследования правом относить конкретное уголовное дело к категории «простых» или «ясных», что неизбежно привело бы к злоупотреблениям. С большой натяжкой можно говорить разве что о «простых составах преступления»¹³⁹, исчерпывающий перечень которых приведен в ч. 3 ст. 150

¹³⁷ Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54.

¹³⁸ Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 51.

¹³⁹ Просим простить нам столь грубую формулировку. Мы понимаем, что расследование каждого конкретного уголовного дела этой категории может быть связано даже с большими трудностями, нежели уголовных дел об отдельных преступлениях, по которым обязательно производство предварительного следствия, и исходим лишь из позиции законодателя о том, что расследование этой категории уголовных дел должно осуществляться в форме дознания.

УПК РФ. Исключением будут являться лишь те конкретные уголовные дела (об иных, кроме перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, преступлениях **небольшой и средней тяжести** (выделено нами. – Авт.)), которые по письменному указанию прокурора направляются для производства дознания. Однако и в том и в другом случае речь идет о полноценной процедуре предварительного расследования (в форме дознания), но никак не о немедленном направлении дела в суд.

Теперь о процессуальной экономии и целесообразности. С позиции экономии, эффективности, выгоды для достижения процессуального интереса А.С. Александров пишет об уголовно-процессуальном принципе целесообразности, определяемом им как «предусмотренная законом свобода правоусмотрения стороны в деле (в том числе обвинителя) предпринять то или иное процессуальное действие, использовать то или иное процессуальное право»¹⁴⁰. Такая трактовка, безусловно, не безосновательна, однако понимание целесообразности главным образом в качестве «элемента диспозитивности» отвлекает внимание от главного.

Традиционно целесообразность в уголовном процессе исследуется в соотношении с принципом законности. Высказывались мнения как о приоритете законности над целесообразностью, так и наоборот. Казалось бы, все просто. Утверждение о возможности преступить закон, исходя из соображений целесообразности, абсурдно. Отсюда целесообразность должна связываться лишь с выбором правоприменителем оптимального процессуального действия (из предложенных или не запрещенных законом) исходя из конкретной судебной-следственной ситуации. Да и вся предусмотренная законом процедура судопроизводства должна ориентироваться на достижение этой цели. Мы же заявляем о некорректности соотношения законности и целесообразности. Ведь цель уголовного судопроизводства и есть цель деятельности ведущих процесс государственных органов и должностных лиц. Очевидно, что эта цель не может быть незаконной, в отличие от способов ее достижения. Рациональность же способов ее достижения для понятия «целесообраз-

¹⁴⁰ См., напр.: Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. – М., 2003. – С. 101.

ность» значения не имеет. Ведь целесообразность – это только соответствие поставленной цели, а не оптимальность используемых для ее достижения средств.

В то же время оптимальный вариант поведения правоприменителя в конкретной ситуации должен быть целесообразен, и в этом смысле, как представляется, требование целесообразности должно рассматриваться в качестве элемента принципа процессуальной экономики, а не наоборот, как утверждает ряд авторов¹⁴¹. Заметим также, что достижению цели уголовного судопроизводства (УСП) должна способствовать и вся установленная законом его (УСП) процедура. В противном случае провозглашенная цель – не более чем голая декларация, не подкрепленная механизмом ее обеспечения.

Заметим, что говоря о целесообразности применительно к уголовному судопроизводству, следует вести речь лишь о целесообразности процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, ведущих процесс. Цели иных участников судопроизводства, их «свобода правоусмотрения» в данном случае значения не имеют.

Наряду с этим, нужно признать и право на существование цели уголовного судопроизводства вообще. И хотя цель эта окончательно достигнута не будет, она станет ориентиром для правоприменителя в процессе его деятельности и залогом ее достижения в рамках каждого уголовного дела.

М.С. Строгович выделяет общую и частную цель уголовного процесса. Общая цель уголовного процесса, по его мнению, так же как и цель правовой системы государства вообще, состоит в защите интересов общества и государства и охране установленного правопорядка. Однако собственная, «непосредственно процессуальная» цель уголовного процесса им связывается с раскрытием каждого конкретного преступления, установлением фактических обстоятельств каждого конкретного уголовного дела и привлечением виновного к уголовной ответственности.

¹⁴¹ См., напр.: Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. – М., 2003. – С. 95–101; Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. – 1914. – № 6 (2). – С. 156; и др.

Приблизительно в том же ключе и П.С. Элькинд писала о перспективных и ближайших целях уголовно-процессуального регулирования¹⁴². Уголовное преследование и наказание виновных в совершении преступления лиц, а также отказ от уголовного преследования и освобождение от наказания невиновных М.С. Строговичем относится не к целям или задачам уголовного судопроизводства, а к его необходимым условиям, обеспечить которые призвана система процессуальных гарантий¹⁴³.

В этой же связи О.В. Полстовалов пишет о недопустимости отождествления конечной цели доказывания с назначением уголовного судопроизводства в целом. Конечную цель доказывания он связывает с достижением объективной истины, отвергая «софизмы типа "консенсуальная истина" или "конвенциональная истина"». Истина, по его мнению, является и «единственно возможным ориентиром уголовно-процессуального познания»¹⁴⁴. Одновременно с этим, наряду с доказыванием по уголовному делу и установлением истины, исходя из реалий современных условий, можно говорить и о таком направлении достижения назначения уголовного судопроизводства, как процессуальный компромисс между сторонами обвинения и защиты через сделки с правосудием. И это направление, как справедливо отмечает О.В. Полстовалов, далеко не всегда связано с доказыванием¹⁴⁵.

Прежний уголовно-процессуальный закон был более категоричен в выводах о возможности достижения объективной истины по делу: в УПК РСФСР даже сама категория «истина» употребляется многократно, в УПК РФ – ни разу. Более того, УПК РФ, по сравнению с УПК РСФСР, чаще признает вероятность совершения ошибки в виде необоснованного уголовного преследования невиновного, назначения ему наказания (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), незаконного задер-

¹⁴² См.: Элькинд П.С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. – 1972. – № 8. – С. 99, 101.

¹⁴³ См.: Строгович М.С. Уголовный процесс: Учебник для юридических школ. – М., 1944. – С. 7.

¹⁴⁴ Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 20.

¹⁴⁵ См. там же.

жания, лишения свободы или помещения в медицинский или психиатрический стационар (ч. 2 ст. 10 УПК РФ).

Несколько иная позиция у авторов Концепции судебной реформы в РСФСР, которые видели цель уголовного процесса не в борьбе с преступностью, а в реализации уголовного закона. Однако этой целью, по их мнению, обуславливается предназначение уголовного судопроизводства: выявить, пресечь и раскрыть преступление; осудить виновного; предотвратить необоснованное привлечение к уголовной ответственности, а также осуждение и наказание лица, чья виновность не доказана.

Мы склонны согласиться с авторами Концепции в том, что уголовный процесс является средством, способом реализации уголовного закона. Однако цель процесса состоит не просто в реализации уголовного закона, а именно в его *оптимальной* реализации. Эта оптимальность подразумевает, с одной стороны, достаточную «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), незамедлительное реагирование на информацию о совершенном преступлении, принятие правильного и обоснованного итогового решения по уголовному делу на основе установления объективной истины. С другой – «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), в том числе выражающуюся в «отказе от уголовного преследования невиновных, освобождении их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ) и заботе о недопустимости не вызванного необходимостью ограничения законных интересов личности, причем как подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), так и лица, обратившегося к государству за защитой своих прав, да и всех других вовлеченных в процесс граждан тоже.

«Взаимоотношения» обозначенных аспектов цели уголовного процесса по причине стремления каждого из них направить весь уголовный процесс в сторону своей реализации характеризуются конфликтностью и конкуренцией. Процессуальная экономия призвана их уравновесить на основе разумного компромисса.

Предназначение процессуальной экономии состоит в экономичном (т. е. быстром, недорогом и простом) и при том максимально возможно полном достижении цели уголовного судопроизводства.

Однако, характеризуя процессуальную экономию, нельзя забывать и о непосредственно не связанных с целью процесса и доказыванием по уголовному делу чисто технических моментах, призванных сэкономить выделяемые государством на сферу уголовного судопроизводства силы и средства, например, правила хранения некоторых категорий вещественных доказательств (ст. 82 УПК РФ) и др.

Обсуждая проблему достаточности уголовно-процессуальных средств достижения целей судопроизводства, мы довели ее до абсурдного по своей сути утверждения, предположив, что наиболее экономичный процесс вообще может обойтись без всякой процедуры. Признав нереальность подобного положения вещей, мы пришли к выводу о том, что средств этих должно быть достаточно (но не предостаточно, а по возможности и вовсе следует ограничиться минимальным их набором) для достижения цели уголовного процесса по каждому уголовному делу.

Процессуальная экономия напрямую связана с проблемой эффективности уголовного судопроизводства и ее критериями. П.Ф. Пашкевич определял эффективность судопроизводства как наиболее высокую степень достижения его целей и задач¹⁴⁶. Внесем некоторые уточнения. Понятие эффективности в словарях связывается с достижением какого-либо эффекта или результата¹⁴⁷. При этом степень достижения желаемого результата может быть различной.

Эффективность является мерой, характеризующей полезный эффект от затрат тех или иных ресурсов. Проще говоря, эффективность – это коэффициент полезного действия. Чем более высокий результат достигается при затрате определенного количества ресурсов или чем меньших затрат необходимо для достижения результата, тем выше уровень эффективности, т. е. увеличение эффективности будет иметь место там, где процесс организован таким образом, что для достижения того же результата будет затрачено меньше ресурсов, или при расходовании того же количества ресур-

¹⁴⁶ См.: Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М., 1984. – С. 13.

¹⁴⁷ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М., 1998. – С. 914; Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998. – С. 1528.

сов будет достигнут более высокий результат. Таким образом, результат (достижение цели уголовного судопроизводства) зависит от двух факторов – от эффективности и от затрат. Так, суть идеи процессуальной экономии состоит в достижении конечного результата с наименьшими затратами, что возможно только путем использования наиболее рациональной технологии судопроизводства. Как верно подметил А.Б. Карлин, процессуальная экономия заключается в возможности сэкономить на процедуре не в ущерб качеству¹⁴⁸.

П.Ф. Пашкевичем отвергалась концепция И.Л. Петрухина и Т.Г. Морщаковой, полагавших, что цели и задачи уголовного судопроизводства заключаются лишь в правильном разрешении поступивших в суд уголовных дел, а критерии его эффективности – в количественных показателях (в частности в количестве судебных ошибок) и выступавших против включения в показатели эффективности уголовного судопроизводства процессуальных сроков, расходов и трудозатрат по их производству¹⁴⁹. Соглашаясь с П.Ф. Пашкевичем, необходимо признать, что цели и задачи уголовного судопроизводства не сводятся к правильному разрешению поступивших в суд дел. Подобную позицию нельзя было признать правильной и полной в контексте действовавшего в то время уголовно-процессуального закона. Неприемлема она и сегодня.

Статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и ст. 2 УПК РСФСР 1960 года относили к его задачам быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Здесь же отмечалось значение уголовного судопроизводства для укрепления законности и правопорядка, предупреждения и искоренения преступлений, охраны интересов общества, прав и свобод граждан, а также его нравственно-воспитательная роль. Действующий УПК РФ назначение уголовного судопроизводства видит, с одной стороны, в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от

¹⁴⁸ <http://izvestia.ru/politic/article2667371/>

¹⁴⁹ Подробнее см.: Батуров Г.П. Теоретические основы эффективности правосудия / Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин. – М., 1979.

преступлений, и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод – с другой. Очевидно, что даже законодательно сформулированные цели и задачи уголовного судопроизводства правильностью разрешения поступивших в суд уголовных дел явно не исчерпываются.

По мнению П.Ф. Пашкевича, «эффективное осуществление судопроизводства... достигается тогда, когда все его цели – и ближайшие, и конечные – выполнены с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей, с меньшими экономическими затратами, в наиболее короткий срок»¹⁵⁰. Нужно однако уточнить, что достижение целей и задач уголовного судопроизводства возможно (в большей или меньшей степени) лишь в рамках конкретного уголовного дела. Во-первых, в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законе речь шла не о быстром правосудии, а о быстром и полном раскрытии преступлений, что, конечно, не одно и то же. Во-вторых, определение действующим УПК РФ назначения уголовного судопроизводства как защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод вряд ли стоит рассматривать как надежду законодателя на возможность достижения такого состояния общества, когда все без исключения права граждан будут защищены как от преступных посягательств, так и от неправомерных действий государства и в дальнейшем никогда нарушаться не будут. То же самое можно сказать и о полном, окончательном и бесповоротном искоренении преступности. В рамках же конкретного уголовного дела деятельность государственных органов, ведущих процесс, непременно должна отталкиваться от указанных требований, т. е. от назначения правосудия, сформулированных в ст. 6 УПК РФ.

Профессор В.В. Лазарев, говоря об эффективности актов реализации права, употребляет термин «полная эффективность правоприменительного акта». Она может быть достигнута только в том случае (и в этом его мнение совпадает с мнением П.Ф. Пашкевича), если «все его цели – и ближайшие, и отдаленные, и конечные –

¹⁵⁰ Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М., 1984. – С. 16.

достигнуты с минимальным ущербом для общества, небольшими экономическими затратами, в оптимальные сроки»¹⁵¹.

Вопросам эффективности правовых норм уделяют внимание и другие исследователи¹⁵². В качестве одного из элементов или критериев этой эффективности нередко называют и их экономичность¹⁵³, которая связывается, однако, как правило, лишь с материальными затратами, необходимыми для их функционирования. Думаем, что эта экономичность должна рассматриваться более широко, а именно в качестве синонима их оптимальности, которую профессор В.М. Баранов определяет как «самый рациональный из всех возможных способов достижения намеченных нормой права целей»¹⁵⁴.

Соглашаясь с мнением П.Ф. Пашкевича о бесплодности попыток вывести коэффициент эффективности правосудия, критерии его эффективности вполне можно обозначить. По мнению П.Ф. Пашкевича, к ним следует относить материальные затраты, объем выполняемой соответствующими субъектами работы, сроки совершения тех или иных процессуальных действий, уровень воспитательно-предупредительного воздействия на правосознание граждан¹⁵⁵.

Авторы же критикуемой П.Ф. Пашкевичем концепции – И.Л. Петрухин и Т.Г. Морщакова – не считают возможным отнести указанные характеристики судопроизводства к критериям его эффективности, ограничивая круг последних лишь количественными,

¹⁵¹ Теория права и государства: Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Манова. – М., 1995. – С. 213.

¹⁵² Батуров Г.П. Теоретические основы эффективности правосудия / Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин. – М., 1979; Кузнецова Н.Ф. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью // Вестник Московского государственного университета. – Серия: Право. – М., 1974. – № 4. – С. 11–13; Шикин Е.П. Основные условия эффективности применения права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1971; и др.

¹⁵³ См., напр.: Самощенко И.С. О понятии эффективности правовых норм / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1969. – Вып. 18. – С. 3–19; Чевычелов В.В. Юридическая конструкция в современном российском праве (проблемы теории и практики): Монография / Под науч. ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2007. – С. 275; и др.

¹⁵⁴ Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1989. – С. 287.

¹⁵⁵ См.: Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М., 1984. – С. 16–18.

статистическими показателями, что не приемлет П.Ф. Пашкевич. По мнению И.Л. Петрухина и Т.Г. Морщаковой, и материальные затраты, и объем выполняемой работы, и процессуальные сроки являются лишь средствами достижения целей правосудия. Нам же обе эти позиции оппонентов представляются односторонними. Надо признать, что сроки, материальные и трудовые затраты – это средства, с помощью которых достигаются как цели уголовного судопроизводства, так и критерии его эффективности.

Одновременно нельзя отказаться и от количественных ее критериев. Это и количество судебных ошибок, о которых пишут И.Л. Петрухин и Т.Г. Морщакова, и показатели роста или снижения числа зарегистрированных преступлений, на опасность которого указывал П.Ф. Пашкевич, и общий процент раскрываемости преступлений, до недавнего времени применяемый в системе МВД России для оценки его деятельности¹⁵⁶. Возможно использование и

¹⁵⁶ Действительно, система оценки деятельности по соотношению количества зарегистрированных и раскрытых преступлений таит в себе определенную опасность. С одной стороны, нередки случаи укрывания преступлений от регистрации или вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с совершенно невообразимыми формулировками. С другой – из вала зарегистрированных преступлений в первую очередь отрабатываются очевидные или так называемые «бытовые», по которым лица, их совершившие, установлены или уже задержаны «по горячим следам». Вместе с тем, уровень правосознания и общества, и отдельных работников правоохранительных органов не позволяет сейчас полностью отказаться от такого критерия оценки, что может привести к неблагоприятной картине, когда на фоне увеличения количества зарегистрированных преступлений количество раскрытых преступлений осталось бы на том же уровне (в соответствии с приказом МВД России от 19 января 2010 года № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования» стабильность этого показателя оценивается положительно). Нужно учесть и то, что в последнее время количество укрываемых от регистрации преступлений и необоснованно вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела значительно сократилось по сравнению с периодом 90-х годов прошлого века. Этот факт подтверждают в ходе опроса и оперативные и следственные работники. Причины такого сдвига, по-видимому, следует искать и в активизации деятельности надзорных органов, и в повышении уровня правосознания соответствующих работников правоохранительных органов. Видна здесь роль и нового уголовно-процессуального закона.

иных критериев. Хотя, по сути, мы говорим не о конкретных критериях эффективности правосудия, а лишь об отдельных показателях работы правоохранительной системы, которые во многом являются оценочными, и их актуальность (да и сама система критериев) в разных ситуациях различна (в диапазоне от эффективности правосудия в государстве в целом до оптимальной процедуры судопроизводства по какой-либо категории уголовных дел и даже конкретного дела). Естественно, ни о какой формуле расчета или о выведении коэффициента эффективности судопроизводства речь не идет.

Говоря об эффективности уголовного процесса, В.Т. Томин в значительной степени раскрывает содержание принципа процессуальной экономии. Он, в частности, выделяет четыре направления увеличения производительности труда в уголовном судопроизводстве: 1) несовершение действий, без которых можно обойтись; 2) увеличение отдачи от тех действий, которые производятся; 3) последовательное освобождение работников высокой квалификации от совершения действий, которые могут быть выполнены работниками более низкой квалификации; 4) последовательная замена «универсалов» при производстве следственных и судебных действий специалистами¹⁵⁷.

Опираясь на эти направления повышения производительности уголовно-процессуальной технологии, мы можем сделать вывод о том, что процессуальная экономия заключается не только в ускорении процесса путем удаления из него нерациональных элементов, но и в добавлении в него дополнительных инструментов (например, специалистов) в целях недопущения превращения экономии в ситуацию, описанную в поговорке «скупой платит дважды». По большому счету появление любых новых институтов уголовного судопроизводства должно приводить к рационализации уголовного процесса, экономии уголовно-процессуальных средств и процедур в организации деятельности уже существующих институтов.

*Быстрота и разумность как важнейшие составляющие
принципа процессуальной экономии*

Значение быстроты судопроизводства в юридической науке понимается неоднозначно. Одни авторы (А.С. Кобликов, М.С. Стро-

¹⁵⁷ См.: Томин В.Т. Избранные труды. – СПб., 2004. – С. 351.

гович, А.П. Гуляев) видят его в приближении момента наказания к моменту совершения преступления, подчеркивая тем самым воспитательно-предупредительное воздействие скорого уголовного процесса на общество. Последнее обстоятельство побуждает нас говорить о том, что указанные авторы ведут речь о криминологическом аспекте быстроты¹⁵⁸.

Другие исследователи (П.Ф. Пашкевич, В.А. Стремовский, М.А. Чельцов) выделяют криминалистический аспект быстроты: обосновывают необходимость ускорения процесса информационными потребностями, в частности опасностью утраты доказательств.

В практическом уголовном процессе данные аспекты тесно переплетаются. Это дает повод для неоднозначной трактовки быстроты процесса и с сугубо уголовно-процессуальных позиций. По мнению авторов, необходимо различать быстроту реагирования следственных органов на каждое совершенное преступление и быстроту уголовного судопроизводства в целом. Реагирование на информацию о совершенном или готовящемся преступлении должно быть незамедлительным – это процессуальная аксиома. Однако вопрос о необходимости ускорения всего процесса (равно как и отдельных его стадий) должен решаться, исходя из особенностей конкретной жизненной ситуации.

Вместе с тем, в каждом случае необходимо действовать в русле достижения цели уголовного судопроизводства. Мы в первую очередь выделяем информационную составляющую целеполагания. Держа в уме достижение объективной истины как ориентир, приходим к выводу о том, что быстрота уголовного судопроизводства выступает неотъемлемым элементом его цели¹⁵⁹. Добавим, что не только быстрота, но полнота тоже. Быстрота и полнота должны оцениваться в контексте конечного результата производства по уголовному делу. Если быстро проведенное расследование и быст-

¹⁵⁸ Отметим, что впервые о воспитательном значении незамедлительности наказаний писал родоначальник криминологии Ч. Беккариа. См.: *Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях* // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_03.php

¹⁵⁹ Ранее об этом прямо говорил М.П. Поляков. См.: *Поляков М.П. Налоговая полиция как орган дознания: Автореф. дис... канд. юрид. наук.* – Н. Новгород, 1995. – С. 16.

ротечное судебное следствие в итоге превратятся в отмененный приговор, то говорить о пользе такой экономии не приходится.

Уголовный процесс как функциональная система должен развиваться в соответствии с законом устремленности к идеалу. Идеальный вариант процесса заключается в оптимальном количестве процедур и их оптимальном же содержании. Этот момент должен быть установкой для правотворчества. Нормативная база должна создавать предпосылки для интенсивной реализации уголовно-процессуальных функций. Данная направленность развития уголовного процесса вытекает из присущего его природе стремления к простоте и эффективности. Здесь в одинаковой мере должны быть востребованы дифференцированный и унифицированный подходы. Отечественный уголовный процесс должен стремиться не к нагромождению нерациональных процедур, а к разумной экономии процессуальности.

Акцент здесь должен быть сделан на разумном балансе используемых уголовно-процессуальных средств и комплексе процессуальных гарантий. И того и другого должно быть достаточно для правильного и эффективного осуществления судопроизводства.

Примером максимального упрощения и ускорения процесса, сопровождающегося отказом от процессуальных гарантий, могут служить положения Отдела седьмого УПК РСФСР 1923 года, определявшего (вплоть до его отмены¹⁶⁰) исключительный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти (глава 33 УПК) и дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях (глава 34 УПК). По этим категориям дел предусматривалось немедленное приведение приговора в исполнение, запрет на кассационное обжалование приговора и вручение обвиняемым обвинительного заключения за сутки до рассмотрения дела в суде. Кроме этого, по делам террористической направленности следствие должно было быть закончено в срок до 10 дней, а само дело слушалось без участия сторон.

Попытаемся взглянуть на эти положения с нейтральной информационной стороны. Даже априори можно сделать вывод о том, что

¹⁶⁰ Указом Президиума ВС СССР от 19 апреля 1956 года (Ведомости ВС СССР. – 1956. – № 9. – Ст. 193).

данная категория дел представляет большую сложность для расследования (с информационно-познавательной точки зрения) и его процедура должна быть более сложная, нежели в случаях с общеуголовными преступлениями, и в том числе и из-за жесткости санкции, когда судебную ошибку исправить уже невозможно.

С современных гуманистических позиций указанные нормы кажутся абсолютно необоснованными. По сути, здесь реализован главный концепт военно-революционной специфики констатации преступления, запечатленный в формуле: «без суда и следствия». Однако это впечатления в первом приближении. Если учесть контекст эпохи, а также неплохо поставленную оперативно-розыскную работу по выявлению злоумышленников, то можно несколько иначе взглянуть на ситуацию.

В данном случае быстрота и прочие атрибуты процессуальной экономии имели четкую, хотя и гипертрофированную политическую заданность, обостряемую сложностью внешнеполитической ситуации. Вместе с тем, и такая «молниеносная процедура» не освобождала следственные органы от необходимости обоснования принимаемых решений, что, несомненно, требовало от них большей мобилизации сил и непроцессуальных ресурсов.

Заметим, что идея быстроты процесса весьма чувствительна к внешним факторам социального напряжения. В этой связи еще один пример. Во время Великой Отечественной войны в районах военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, процедура уголовного судопроизводства (в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»¹⁶¹) имела ряд существенных особенностей, призванных обеспечить большую быстроту процесса. В частности, военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов с момента вручения обвинительного заключения. О приговорах военных трибуналов, присуждающих к высшей мере наказания, немедленно сообщалось по телеграфу Председателю Военной коллегии Верховного Су-

¹⁶¹ См.: Великая Отечественная война (1941–1945): 65-летию Победы посвящается: Сборник нормативно-правовых актов / Под общ. ред. В.В. Аврамцева. – Н. Новгород, 2010. – С. 89–92.

да, Главному военному прокурору Красной Армии или Главному прокурору Военно-Морского Флота СССР по принадлежности. В случае неполучения от них в течение 72 часов с момента вручения телеграммы адресату телеграфного сообщения о приостановлении приговора, последний приводился в исполнение. Остальные приговоры приводились в исполнение немедленно. При этом, по мысли законодателя, задачи уголовного судопроизводства и его принципы, закрепленные УПК РФ, должны были остаться в неизменном виде. Конечно, в условиях войны это было продиктовано суровой необходимостью, но очевидно, что, прибегая к такому чисто механическому ускорению и упрощению процедуры уголовного судопроизводства, невозможно должным образом обеспечить достижение его цели и реализацию даже установленных законом процессуальных гарантий.

Подчеркнем еще раз, что в приведенных примерах процессуальная экономия использована для решения не столько уголовно-процессуальных, сколько политических вопросов. Здесь цель уголовного процесса (как вид государственной цели) подчинялась государственным целям более высокого порядка. Но процессуальная форма и здесь оставалась формой. М.С. Строгович писал: «В различных условиях, в обстановке войны процессуальные формы могут меняться. Но в этом измененном виде они сохраняют свою силу, и их строгое соблюдение даже в трудных условиях войны исключает и делает нетерпимым проявление процессуального упрощенчества, которое является недопустимым ни при каких условиях и ни в каком виде»¹⁶². Хотя ни для кого не секрет, что, устанавливая такую исключительную процедуру судопроизводства для данной категории дел, законодателем преследовалась цель, конечно, не сэкономить на мерах уголовной репрессии, а, применяя метод устрашения, предупредить совершение указанных преступлений.

Сегодня, даже в условиях военного или чрезвычайного положения, практически не предусматривается никаких отклонений от установленного порядка судопроизводства, за исключением при необходимости изменения территориальной подсудности дел в случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное или чрезвычайное по-

¹⁶² *Строгович М.С. Уголовный процесс: Учебник для юридических школ. — М., 1944. — С. 13.*

ложение, и некоторых особенностей, касающихся задержания граждан, их личного досмотра, досмотра их вещей, жилища и транспортных средств¹⁶³. Более того, Федеральный конституционный закон о чрезвычайном положении прямо запрещает учреждение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства.

Нередко, особенно после вступления в действие УПК РФ, авторы которого отказались от употребления в каких бы то ни было контекстах категории «быстрота», ряд процессуалистов предпочитают заменять его термином «оперативность»¹⁶⁴. Не лишая термин «быстрота» применительно к уголовному судопроизводству права на существование, следует признать, что термин «оперативность», пожалуй, более удачен, ведь изначально связан с рациональностью¹⁶⁵.

Совсем недавно в уголовном процессе актуализировалась еще одна проблема, плотно соприкасающаяся с принципом процессуальной экономии. Это проблема разумных сроков.

Л.В. Борисова, исследуя проблему установления разумных сроков в гражданском судопроизводстве, упоминает в связи с этим о принципе разумности¹⁶⁶, вытекающем из содержания п. 1 ст. 6 Кон-

¹⁶³ Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» // Российская газета. – 2002. – 2 февраля; Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Российская газета. – 2001. – 2 июня.

¹⁶⁴ См.: *Сереброва С.П.* Образцы процессуальных документов: досудебное производство: Практическое пособие / Отв. ред. В.В. Мозяков. – М., 2003. – С. 370; *Масленков С.Л.* Дознание в современном уголовном процессе России: проблемы совершенствования: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – С. 50; и др.

¹⁶⁵ Отдельные авторы не считают эти термины абсолютными феноменами. См.: *Якимович Ю.К.* Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова; Под ред. М.С. Свиридова. – Томск, 2001. – С. 132; *Петраков С.В.* Уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 166; и др.

¹⁶⁶ См.: *Борисова Л.В.* Некоторые аспекты реализации положения о разумном сроке в российском гражданском судопроизводстве // Юрист. – 2008. – № 3. – С. 56–57.

венции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, согласно которой «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в **разумный срок** (выделено нами. – Авт.) независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Надо отметить, что только разумность прямо именуется принципом судопроизводства в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 107)¹⁶⁷. Требование разумного срока судопроизводства недавно появилось и в УПК РФ (ст. 6.1). Положения ст. 6.1 УПК РФ не ставят под сомнение обоснованность и разумность существующих уголовно-процессуальных сроков. Однако законодательная идея разумных сроков обращает внимание правоприменителя на нецелесообразность выжидательной позиции (принятия решений в самом конце установленных законом сроков). Данная статья дает концептуальную установку на необходимость совершения процессуальных действий в тот срок, который является действительно необходимым, исходя из правовой и фактической сложности уголовного дела, поведения участников уголовного судопроизводства и иных обстоятельств. Часть 4 ст. 6.1 УПК РФ ориентирует должностных лиц и органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, на такую организацию своей работы (как с точки зрения ведомства в целом, так и в рамках производства по конкретному уголовному делу), чтобы все сроки принятия ими процессуальных решений и совершения процессуальных действий не превышали разумных.

Вместе с тем, подобное требование в полной мере может быть отнесено лишь к тем процессуальным срокам, которые законом не регламентированы. Во всех иных случаях срок совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, не превышающий установленного законом, не может быть признан неразумным. Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹⁶⁸, в связи с реализацией которого и появилась ст. 6.1 УПК РФ, даже нарушение установленных зако-

¹⁶⁷ Об иных принципах в ГПК РФ не упоминается.

¹⁶⁸ <http://www.rg.ru/2010/05/04/razumnisrok-dok.html>

нодательством Российской Федерации сроков рассмотрения дела или исполнения судебного акта само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Заметим также, что Конвенцией о защите прав человека и основных свобод требование разумных сроков судебного разбирательства трактуется более широко и обращено не только к правоприменителю, но и к законодателю, обязывая последнего более взвешенно подходить к нормативному установлению процессуальных сроков.

Частями 5 и 6 указанной статьи конкретизируется только такое нарушение разумного срока осуществления уголовного судопроизводства, как необоснованное затягивание рассмотрения поступившего в суд уголовного дела. Пожалуй, на этом этапе производства по делу вероятность судебной волокиты особенно высока, поскольку данная стадия в гораздо меньшей степени связана заранее определенными сроками. Наряду с этим, в соответствии с последней редакцией ч. 2 ст. 123 УПК РФ при нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства по уголовному делу участники уголовного судопроизводства, а также иные лица, интересы которых затрагиваются, могут обратиться к прокурору или руководителю следственного органа с жалобой, которая должна быть рассмотрена в порядке и в сроки, установленные ст. 124 УПК РФ.

Указание на соблюдение разумного срока судебного разбирательства не содержит в себе критериев такой разумности. Этот вопрос должен решаться правоприменителем всякий раз индивидуально на основе его внутреннего убеждения. Аналогичным образом принимается и решение о признании права на судопроизводство в разумный срок нарушенным. Однако возможность обжалования участниками уголовного судопроизводства предположительно нарушающих указанное право действий (бездействия) и решений органов и должностных лиц, ведущих процесс, должно расцениваться не как поправление процессуальной независимости последних, а в контексте дополнительной гарантии обоснованности их процессуального поведения.

Здесь же заметим, что реализация положений Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный

срок» должна способствовать более быстрому восстановлению на национальном уровне нарушенных несоблюдением требования разумного срока судопроизводства прав граждан, не доводя до обращения в Европейский Суд по правам человека, который физически не в состоянии оперативно рассмотреть весь объем поступающих от российских граждан жалоб. Однако полностью решить эту проблему на национальном уровне вряд ли удастся, поскольку компетенция Европейского Суда по правам человека не ограничена рассмотрением жалоб на действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц. Нередко предметом обжалования становятся несоответствующие (по мнению подающего жалобу) принципу разумности нормы российского законодательства. Поэтому государство должно таким образом организовать свою правоохранительную систему, чтобы вся сфера уголовного судопроизводства отвечала требованиям разумности и рациональности.

Необходимо учитывать и то, что, удаляя из процесса нерациональные элементы, мы, тем самым, его сокращаем, а значит, времени и иных ресурсов на совершение тех же действий требуется меньше, однако невозможно заставить правоприменителя трудиться эффективнее, не сократив законодательно сроки на эти операции. Признавая важность организационных мер обеспечения процессуальной экономии, все же следует признать, что если речь идет об ускорении уголовного судопроизводства, то основополагающим средством здесь является установление в уголовно-процессуальном законе определенных сроков для совершения тех или иных процессуальных действий. В этой связи нельзя согласиться с теми исследователями, которые предлагают отказаться от нормативного закрепления процессуальных сроков.

Еще И. Бентам полагал, что «опредѣлить напередъ продолжительность процесса столько же возможно, сколько возможно напередъ опредѣлить продолжительность болѣзни или морскаго путешествія», ссылаясь на то, что возможны ситуации, «когда какой нибудь свидѣтель отлучится, когда какой нибудь документъ затеряется, когда нужно искать доказательства въ отдаленной странѣ, когда какое нибудь дѣло находится въ зависимости отъ нѣсколькихъ другихъ»¹⁶⁹. Установление процессуальных сроков, по мнению И. Бентама, при-

¹⁶⁹ Бентам И. О судоустройстве. – СПб., 1860. – С. 164.

вело бы «въ большей части случаевъ ... ко многимъ злоупотребленіямъ»¹⁷⁰. Однако к несоизмеримо большим злоупотреблениям привело бы их отсутствие, а процесс превратился бы в бесконечную волокиту, тем более, что обоснования необходимости отказаться от установления процессуальных сроков, приведенные И. Бентамом, не кажутся существенными. Во всяком случае, сегодня. К тому же действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока.

§ 2.3. Принцип процессуальной экономии в системе принципов уголовного судопроизводства

Система принципов российского уголовного процесса – это отдельная и весьма дискуссионная проблема. Дискуссии не прекращаются по целому ряду причин. Во-первых, по причине обилия точек зрения на само понятие принципа и «критерии принципиальности», во-вторых, из-за разной трактовки самих основополагающих идей. Многие авторы стараются сконструировать свою систему принципов, нередко при ближайшем и внимательном рассмотрении начисто лишенную какой-либо системности.

Как известно, одним из основных свойств любой системы является неразрывная связь ее элементов и их взаимовлияние друг на друга. Многие авторы-процессуалисты, предварительно потратив немало времени на описание систем вообще и их свойств и указывая на необходимость конструирования именно системы (!) принципов, в итоге вместо системы предлагают набор (перечень) разрозненных идей.

Система принципов, предложенная законодателем, впервые нашедшая отражение лишь в ныне действующем Уголовно-процессуальном кодексе¹⁷¹, тоже не отличается качеством системности.

¹⁷⁰ Бентам И. О судоустройстве. – СПб., 1860. – С. 164.

¹⁷¹ В УПК РСФСР 1923 года и 1960 года, хотя и можно было разглядеть содержание основополагающих идей, упоминание о принципах отсутствовало. Впервые упоминание о них мы встречаем в принятом в 1938 году Законе о судоустройстве.

Кроме того, у нас есть все основания подвергнуть сомнению целесообразность нормативного закрепления этой системы.

Начнем с того, что часть положений, именуемых законодателем принципами уголовного судопроизводства, являются в большей степени лишь декларациями (по крайней мере, в том виде, в котором они сформулированы в главе 2 УПК РФ), не дотягивающими, по выражению В.Т. Томина, «до технологического уровня», не порождающими новых правоотношений и не имеющими практической ценности¹⁷².

Так, раскрывая содержание принципа законности при производстве по уголовному делу (ч. 1, 2 ст. 7 УПК РФ), законодатель лишь еще раз напомнил нам об иерархии нормативных актов. Сказанное, однако, не опровергает существования такого принципа уголовного процесса, как принцип законности. По большому счету его суть можно разглядеть только в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, предъявляющей к определениям суда, постановлениям судьи, прокурора, следователя и дознавателя требование соответствия закону. Но, кроме этого, законными должны быть и все иные действия и решения органов, ведущих процесс, а последствия нарушения закона не ограничиваются признанием недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3 ст. 7 УПК РФ)¹⁷³. Требования же обоснованности и мотивированности решений, принимаемых субъектами уголовного судопроизводства, думается, к принципу законности отношения не имеют. В этом смысле совершенно прав законодатель, разделяя требования законности, обоснованности и справедливости приговора (ст. 297 УПК РФ).

«Принципы» же, носящие процедурную окраску, должны иметь нормативное закрепление, но именовать большинство из них принципами (и, тем более, выносить в отдельную главу) не совсем верно. Более подходящее им место – в соответствующих главах, рег-

¹⁷² На излишнюю декларативность установленных законами предписаний, отсутствие в ряде случаев тщательно отработанного механизма действия их норм и обеспечения их реализации обращает внимание и сам законодатель (См.: Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (направлены письмом Аппарата ГД РФ от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490) // Система «Гарант».

¹⁷³ Элементы принципа законности можно встретить не только в ст. 7, но и в ч. 2 ст. 1, ч. 2 ст. 8, ч. 1, 2 ст. 10 УПК РФ и ряде других.

ламентирующих тот или иной круг уголовно-процессуальных правоотношений. К слову, большинство из них там продублированы, полностью или частично.

Помещение таких положений в отдельную главу (раздел) уголовно-процессуального закона будет оправдано, если они имеют отношение одновременно к нескольким институтам уголовно-процессуального права. Но в этом случае от их дублирования («напоминания») в соответствующих главах УПК РФ необходимо отказаться. Более того, в УПК РФ немало (особенно в первом разделе и в главе 2, в частности) отсылочных норм (отличительная черта которых проявляется в присутствии формулировки «...в порядке (в случаях), установленном (-ных) настоящим Кодексом»), которые, по сути, лишь информируют нас о сфере действия УПК РФ. Поэтому практическая их целесообразность вызывает серьезные сомнения¹⁷⁴.

Полагаем, что нет надобности и в дублировании в УПК РФ положений Конституции РФ. Ведь «тиражирование» в нижестоящих нормативных правовых актах основ взаимоотношений государства со своими гражданами, зафиксированных в вышестоящих, также возникновению новых правоотношений не способствует.

И в первую очередь речь идет о тех правилах, которые по своей природе не являются собственно уголовно-процессуальными, а имеют отношение к судопроизводству вообще. Тем более, что дублирование конституционных норм в УПК РФ зачастую не получает никакой существенной конкретизации. Речь здесь идет не о возможно большем устранении индивидуальностей и замене их общими формулировками, а, наоборот, выяснении того, что в действительности является индивидуальным, а что общим. Это способствует правильному пониманию как одного, так и другого. И, вместе с тем, это ведет к уменьшению объема правового материала, предупреждая возможность развития одной и той же мысли в различ-

¹⁷⁴ На неудачность (по различным причинам) юридических конструкций с отсылочными предписаниями обращают внимание и теоретики права. См., напр.: *Чевычелов В.В.* Юридическая конструкция в современном российском праве (проблемы теории и практики): Монография / Под науч. ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2007. – С. 112; *Законодательная техника: Научно-практическое пособие* / Под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2000. – С. 242–244.

ных местах системы¹⁷⁵. А одно из требований экономии, простоты заключается в том, чтобы убрать очевидное и добавить необходимое¹⁷⁶.

Налицо и явная нелогичность закреплённой в главе 2 УПК РФ системы принципов. С одной стороны, ряд конституционных основ судопроизводства в главе 2 УПК РФ выражения не находят, хотя и носят судопроизводственный характер. Зато часть из них продублирована в Законе о судостроительстве. Это и равенство всех перед судом, и независимость судей и их подчинение только закону и др. С другой – ряд статей главы 2 УПК РФ даже по своему наименованию с трудом согласовываются с самим понятием принципа, они представляют собой частные аспекты уголовно-процессуальной деятельности. Действительно, язык уголовного судопроизводства и принцип уголовного судопроизводства – категории различные. То же можно сказать и о праве на обжалование процессуальных действий и решений. Ведь если следовать подобной логике законодателя, вполне можно было бы поместить в главу 2 и нормы, содержащиеся в ст. 1–4, 20–22 УПК РФ и ряд других.

Наконец, надо отметить, что даже разработчики Конституции РФ посчитали целесообразным воздержаться от конструирования в ее тексте четкой системы принципов взаимоотношений общества и государства. И хотя по своей сути Конституция РФ как раз и есть не что иное, как кодекс этих принципов, сам термин «принцип» законодатель применительно к их системе не использует.

Таким образом, главным критерием целесообразности помещения в текст уголовно-процессуального закона (вообще, а не только в главу «Принципы...») общих положений является способность порождать новые, ранее не существовавшие правоотношения. При этом та или иная норма должна находить свое выражение в тексте закона лишь однажды, а не дублироваться в каждом имеющем к ней отношение институте, будучи при том еще и зафиксированной в главе, содержащей общие положения исследуемой отрасли. Одновременно с этим, полагаем, что уголовно-процессуальный закон

¹⁷⁵ См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб., 1905. – С. 37.

¹⁷⁶ См.: *Маэда Д.* Законы простоты. Дизайн. Технологии. Бизнес. Жизнь: Аудиокнига МР3. – М., 2008. – 73 Мб.

должен содержать только специфичные для уголовного судопроизводства нормы. Нормы более общего порядка (характерные для судопроизводства в целом, а также общеправовые) должны фиксироваться в Конституции РФ.

Отмечая, что в уголовно-процессуальном законодательстве большинства зарубежных государств отсутствует формулировка понятия, а также перечень принципов уголовного процесса, В.Т. Томин пишет, что «в условиях отсутствия законодательно провозглашенных устоев разные авторы расходятся в понимании того, что такое принцип уголовного процесса. Но **станет ли лучше, если отличающаяся от других позиция одного автора /их группы/, особенно в отношении содержания системы принципов уголовного процесса, приобретет такой почти непреодолимый в научной дискуссии аргумент, как закрепление именно этой позиции в каком-либо из законодательных текстов? ...в этом случае получается, что исследователям предписывается административным (законодательным) путем формулировка понятия, которой они **обязаны** будут придерживаться»¹⁷⁷.**

Хотя по большому счету весь уголовный процесс (да и все право и законодательство в целом) есть не что иное, как, пусть и исторически обусловленное (в большей или меньшей степени), но все-таки позиция «одного автора /их группы/», у которой обязательно найдутся противники¹⁷⁸. Таким образом, полностью избежать появления законов (или отдельных их норм), являющихся, по выражению В.Т. Томина, «выкидышами прелюбодеяствия субъективизма с волюнтаризмом» вряд ли когда-нибудь удастся.

Предостерегая законодателя от чрезмерного увлечения описанием в законе системы принципов, В.Т. Томин пишет: «В позитивном уголовно-процессуальном законе вряд ли есть место теоретическим дефинициям. Закон должен предписывать правила поведения в ти-

¹⁷⁷ Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 27.

¹⁷⁸ Опасаясь, однако, что законодательное закрепление системы принципов обяжет ученых следовать ей, и предостерегая от этого, тем не менее, при конструировании авторской системы принципов В.Т. Томин не придерживается системы, предложенной законодателем.

повых ситуациях уголовного процесса их участникам, а не регулировать исследовательскую работу эффективности этих правил»¹⁷⁹.

Проанализировав значительное число предлагаемых в литературе систем уголовно-процессуальных принципов и соотнеся элементы каждой из них с вышеозначенными «критериями принципиальности», мы пришли к выводу о таком ее (системы) оптимальном составе.

1. Законность при производстве по уголовному делу.

2. Обеспечение законных интересов личности в уголовном процессе.

3. Объективная истина.

4. Процессуальная экономия.

В юридической литературе и законодательстве мы насчитали еще более 30 идей, именуемых принципами уголовного процесса, которые при внимательном рассмотрении либо вовсе не имеют отношения к принципам, либо являются более детальными составляющими перечисленных элементов системы.

Необходимо помнить, что «принципы должны быть принципиальными. Если общих положений, именуемых ПУП (принципами уголовного процесса. – Авт.), станет слишком много, то отечественному УСП грозит реальная опасность стать (продолжать оставаться) беспринципным»¹⁸⁰.

Так, элементы «принципа» всесторонности, полноты и объективности расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел входят в содержание принципов объективной истины и процессуальной экономии. В последнем прослеживаются черты «принципов» оперативности, быстроты, разумности, рациональности и целесообразности. Равенство граждан перед законом и судом, неприкосновенность личности, обеспечение подозреваемому, обвиняемому и подсудимому права на защиту, уважение чести и достоинства личности, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, презумпция невиновности и другие составляют принцип обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе.

¹⁷⁹ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 28.

¹⁸⁰ Там же. – С. 11.

Свобода оценки доказательств, независимость судей и их подчинение только закону, процессуальная самостоятельность следователя и другие являются элементами процессуальной независимости должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, а осуществление правосудия только судом и состязательность сторон – разделения процессуальных функций. Хотя два последних, вроде бы «максимально общих», положения тоже не имеют самостоятельного «принципиального» статуса. «Принципы» же языка судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений и некоторые другие и вовсе не могут быть отнесены не только к принципам уголовного процесса, но и даже к его «важным и популярным положениям высокой степени общности».

Длительное время заняли раздумья по поводу «принципиальности» «принципов» публичности и диспозитивности. Поскольку их «принципиальность» отстаивается членами НШП (В.Т. Тomin и А.С. Александров), обозначим нашу позицию.

Под публичностью (официальностью) уголовного судопроизводства большинство авторов подразумевают обязанность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц по осуществлению уголовного преследования. При этом позиции заинтересованных сторон¹⁸¹ в большинстве случаев на ход и результаты расследования решающего влияния не оказывают.

Значение публичности главным образом состоит в том, что «уголовный процесс начинается, ведется и соответствующим образом завершается не только и не столько в интересах потерпевшей стороны (хотя данное обстоятельство тоже не сбрасывается со счетов), сколько в интересах всего общества, во имя справедливости и в целях предупреждения повторения аналогичных преступлений впредь как тем же лицом, так и другими лицами»¹⁸².

Противоположность публичности – диспозитивность – принято толковать с позиции свободного распоряжения сторонами предоставленными им законом правами. Круг этих прав достаточно широк –

¹⁸¹ Речь идет, конечно, в полной мере лишь о стороне защиты. Применительно к стороне обвинения здесь уместно говорить только о частном обвинителе, а также потерпевшем, гражданском истце и их представителях.

¹⁸² *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М., 2002. – С. 34.

от инициативы возбуждения уголовного дела частного и частно-публичного обвинения до права заявления гражданского иска и разного рода ходатайств. Сюда же следует отнести и незапрещенные законом способы достижения того или иного результата.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает четкую грань между публичностью и диспозитивностью. Думается, что собственно принципом процесса может быть лишь одно начало – либо публичность, либо диспозитивность. И определяется это состоянием законодательства, анализ которого позволяет нам сделать вывод о преобладании начала публичного. Поэтому преждевременно (по крайней мере, в условиях действующего УПК РФ) говорить о диспозитивности как о принципе процесса. Хотя именно, исходя из того, что все-таки не весь уголовный процесс обладает свойством публичности¹⁸³, полагаем, что неверно именовать и публичность уголовно-процессуальным принципом.

Не решились мы отнести к принципам уголовного судопроизводства и отстаиваемый В.Т. Томиным принцип участия в уголовном судопроизводстве народного элемента. Другая формулировка – принцип народовластия, демократизма¹⁸⁴. И хотя, по существу, участие народа в уголовном процессе не тождественно народовластью и демократизму, а значительно уже них, В.Т. Томин вкладывает в него именно такое содержание, даже решительно отвергая существование принципа демократизма.

Мешают нам отнести указанную идею к числу принципов следующие обстоятельства. Во-первых, и это признают его сторонники, в современном уголовно-процессуальном праве он должным образом не реализован. Думаем, это как раз тот случай, когда провозглашенное Конституцией России право граждан участвовать в отправлении правосудия является по большей части лишь декларацией, «не дотягивающей до технологического уровня». В условиях действия УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, данный «принцип» еще более

¹⁸³ Речь идет в первую очередь о возбуждении уголовных дел частного и частно-публичного обвинения.

¹⁸⁴ См.: *Ерашов С.С.* Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 19–20; *Похмелкин В.В.* Проблемы судебной и правоохранительной реформы в России // <http://smacker.narod.ru/sps/leaders/09.htm>

«съежился», фактически проявляясь лишь в институте присяжных заседателей. В других же стадиях он практически не виден.

К тому же факт появления этого института, как отмечает сам В.Т. Томин, «оказался не столько уголовно-процессуальным, сколько политическим»¹⁸⁵. Во-вторых, по нашему убеждению, уголовный процесс должен быть сферой деятельности исключительно профессионалов. Участие же в судопроизводстве граждан, зачастую недостаточно компетентных в соответствующих вопросах, вряд ли может способствовать повышению его эффективности. Именно поэтому не являемся мы и сторонниками института присяжных заседателей, на потенциальную некомпетентность которых, кстати, обращает внимание и законодатель, запрещая сторонам сообщать присяжным заседателям о существовании доказательств, исключенных по решению суда (ч. 6 ст. 235 УПК РФ), исследовать с участием присяжных заседателей данные о личности подсудимого, не являющиеся необходимыми для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется, факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ).

Сказанное, конечно, не опровергает важной роли участия народного элемента в борьбе с преступностью¹⁸⁶, но именно в борьбе с преступностью, а не в отправлении правосудия и осуществлении постоянного контроля за ним на всех его этапах. Да и в такой трактовке эта идея имеет более оперативно-розыскное, нежели уголовно-процессуальное значение.

После упорных размышлений убрали мы из первоначально сконструированной системы принципов и традиционные для НШП «принцип» разделения процессуальных функций и «принцип» процессуальной независимости должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

¹⁸⁵ *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 63.

¹⁸⁶ Именно так формулировка этого «принципа» звучала ранее в трактовке В.Т. Томина.

Первый «принцип» подразумевает возложение различных уголовно-процессуальных функций на различных субъектов уголовного судопроизводства. Второй состоит в том, что все должностные лица – участники уголовного процесса самостоятельны в принятии всех решений и выполнении всех действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и отнесенных последним к их компетенции, за исключением специально оговоренных законом случаев необходимости утверждения, согласования и санкционирования своих процессуальных действий и решений с какими бы то ни было вышестоящими или контролирующими субъектами¹⁸⁷.

Безусловно, это важнейшие начала уголовного судопроизводства, однако, собственного принципиального значения они не имеют, растворяясь в принципах обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе, объективной истины и процессуальной экономии. Являясь требованиями оптимальной формулы судопроизводства (элемент процессуальной экономии), они ценны не сами по себе, а лишь в качестве средства достижения объективной истины и соблюдения всех законных интересов личности. При этом требование разделения процессуальных функций более тяготеет к принципу обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе, чем к принципу объективной истины, а процессуальная независимость должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, – наоборот.

Исследование взаимосвязей принципов уголовного процесса между собой начнем с *принципа законности при производстве по уголовному делу*, суть которого заключается в требовании неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального закона органами и лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Как отмечалось выше, указанный принцип не только не конфликтует с другими, но и практически с ними не взаимодействует.

¹⁸⁷ Естественно, что все случаи исключений из указанного общего правила должны находить свое непосредственное подтверждение, закрепление в законе. Исключения же, установленные ведомственными нормативными актами и направленные на ограничение процессуальной независимости, конечно же, должны быть основаны на нормах закона, не противоречить им и выполняться, но, тем не менее, отсутствие на вынесенном решении не предусмотренной законом визы не может рассматриваться как нарушение закона и не должно влечь за собой отмены указанного решения.

У принципа законности совершенно иное направление влияния на уголовный процесс. Если другие принципы, стремясь к максимальному воздействию на уголовное судопроизводство, допускают выбор диапазона интенсивности этого воздействия из-за необходимости обеспечения реализации других принципов, то принцип законности этого не предусматривает. Требования закона или соблюдены, или нарушены. Других вариантов быть не может. Более того, он сам является той предельной границей, которую другие принципы переступать не имеют права.

Разумеется, формирование новых (или изменение существующих) норм уголовно-процессуального права должно соответствовать принципу процессуальной экономии. Однако речь здесь будет идти уже о влиянии принципа процессуальной экономии на правотворческий процесс, а не на принцип законности. Забывая, что «принцип законности... не определяет содержания закона»¹⁸⁸, некоторые авторы усматривают конфронтацию этого принципа с принципом процессуальной экономии¹⁸⁹. Считаем, что подобная позиция обусловлена неверным пониманием как одного, так и другого принципа. Говоря же о проявлении характерных черт одного принципа в содержании другого, нам кажется, что принцип процессуальной экономии никак не проявляется в принципе законности. Вместе с этим, отдельные элементы законности присутствуют в содержании процессуальной экономии. Наиболее характерный пример того – принятие процессуального решения в ситуации, когда в соответствии с законом у правоприменителя имеется возможность выбора между двумя и более альтернативами (каждая из которых закону не противоречит).

Суть принципа обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе достаточно удачно сформулировал В.Т. Тomin. Его формула звучит так: «Законные интересы вовлеченных (или могущих быть вовлеченными) в УСП граждан не должны ущемляться ни на йоту больше, чем это необходимо для достижения це-

¹⁸⁸ Тomin В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: Лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – С. 41.

¹⁸⁹ См., напр.: Шатов С.А. Административная юрисдикция (на примере деятельности органов государственного пожарного надзора). – СПб., 2008. – С. 47.

ли уголовного процесса (исполнения назначения УСП¹⁹⁰) и/или защиты законных интересов других УУП (участников уголовного процесса. – Авт.)»¹⁹¹. При этом сфера действия указанного принципа распространяется не только на законные интересы подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, но и на интересы потерпевшего (пострадавшего), причем в равной мере.

Вместе с тем, нами усматривается некоторое противоречие между приведенной формулировкой принципа и ранее принятым утверждением о *максимальном* влиянии принципа на уголовный процесс. Предложенное определение рассматриваемого принципа уже содержит в себе элемент *разумного* ограничения этой максимальной. И в таком виде этот принцип не конфликтен с другими по определению. По сути, эта формулировка более характеризует не принцип обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе, а, как ни парадоксально, принцип процессуальной экономии. Поэтому для того, чтобы обозначить суть принципа обеспечения в уголовном процессе законных интересов личности и соблюсти важнейший критерий «принципиальности» – максимальное влияние на уголовный процесс – мы предлагаем использовать для его определения только первую часть предлагаемой В.Т. Томиным формулы, а именно «законные интересы вовлеченных (или могущих быть вовлеченными) в УСП граждан не должны ущемляться». Нам кажется, эта формулировка не выглядит чересчур абсурдной, хотя уголовный процесс по определению не может обойтись без мер государственного принуждения.

Для формулирования сущности принципа объективной истины снова обратимся к исследованиям В.Т. Томина, утверждающего, что «для принятия конечных решений по уголовному делу, а также решений, конечных для большинства стадий уголовного процесса, за исключением тех из них, в отношении которых законом предусмотрена возможность принятия судьбоносного решения и в случаях, когда объективная истина не постигнута, необходимо познание объективной истины»¹⁹².

¹⁹⁰ Уточним, цель УСП не тождественна его назначению. По крайней мере, в том виде, в котором его определяет ст. 6 УПК РФ.

¹⁹¹ *Томин В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М., 2009. – С. 200.

¹⁹² См. там же. – С. 204–205.

В литературе нередко можно встретить утверждения о невозможности достижения объективной истины. Полагаем, что они являются следствием методологически неверного отождествления объективной истины с абсолютной истиной. Объективность судебно-следственной истины обеспечивается и действием презумпции невиновности в части толкования неустранимых сомнений в виновности обвиняемого в пользу последнего.

Следует признать верной позицию В.Т. Томина, утверждающего, что, «с одной стороны, постижение истины – это *цель доказывания по уголовному делу*, с другой – *единственное основание его (уголовного дела) разрешения*, соответствующее действительному назначению уголовного судопроизводства, достижению его задач – *принцип уголовного процесса*»¹⁹³.

Вместе с тем, процесс постижения объективной истины не лишен и субъективных моментов. Первый из них – свобода оценки доказательств. Мерило их оценки – совесть правоприменителя. Категория самая что ни на есть субъективная. Второй момент напрямую связан с первым. Ни для кого не секрет, что при помощи квалифицированного и заинтересованного адвоката может быть «развалено» уголовное дело, которое при меньших усилиях закончилось бы обвинительным приговором. Возможны ситуации, когда то или иное доказательство не вызывает ни у кого сомнений, но признано полученным с нарушением требований УПК РФ¹⁹⁴. Естественно, что орган предварительного расследования не станет акцентировать на этом внимания. С другой стороны, сомнительное доказательство при пассивности защитника может быть положено в основу обвинения, ведь все-таки сторона обвинения (не зря УПК РФ так ее обозначил) заинтересована в привлечении лица к ответственности и не всегда обращает внимание на отдельные нестыковки в уголовном деле.

Не последнюю роль здесь играет уровень правосознания отдельных правоохранителей. По сути, хотя суд и разрешает дело по су-

¹⁹³ Томина В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М., 2009. – С. 206.

¹⁹⁴ Заметим, что УПК РФ говорит о недопустимых *доказательствах*. Иными словами, речь идет о том, что те или иные сведения *доказывают* определенные обстоятельства, хотя и не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

ществу и не связан выводами следствия, в судебном заседании новых обстоятельств дела практически никогда не открывается¹⁹⁵, и суд принимает решение исходя из материалов уголовного дела. Именно предварительное расследование устанавливает пределы судебного исследования уголовного дела. Несмотря на то, что суд вправе эти пределы расширить, на деле же новых обстоятельств в суде практически не исследуется, хотя бы потому, что судья просто не имеет ни малейшего представления об их существовании. Таким образом «допущенные в стадии предварительного следствия недочеты, ошибки и пробелы нередко не могут быть исправлены судом в процессе судебного следствия, а представление в суд ... недоброкачественных материалов... влечет за собой... вынесение приговора, ...неправильного по существу»¹⁹⁶.

Даже если не прибегать к глубокому научному анализу принципов обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе и объективной истины, конфликт между ними будет налицо. Процесс установления истины по делу немыслим без ограничения интересов граждан – участников уголовного судопроизводства и практически всегда связан с мерами процессуального принуждения. Однако «...применению (мер процессуального принуждения. – Авт.) надлежит быть экономным»¹⁹⁷. Здесь же акцентируем внимание на второй части предложенной В.Т. Томиным формулировки принципа обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе: «Законные интересы вовлеченных (или могущих быть вовлеченными) в УСП граждан не должны ущемляться (выделение убрано нами. – Авт.) **ни на йоту больше, чем это необходимо для достижения цели уголовного процесса... и/или защиты законных интересов других УУП**»¹⁹⁸. А еще конкретнее здесь – для установления истины (промежуточной или конечной) по делу. С другой стороны, уголовное дело не должно быть «захлавлено» не относящимися (мало относящимися) к нему материалами. Доказа-

¹⁹⁵ Не в пример популярным ныне телепередачам типа «Суд идет» и ей подобным.

¹⁹⁶ *Строгович М.С.* Уголовный процесс: Учебник для юридических школ. – М., 1944. – С. 135.

¹⁹⁷ *Томин В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М., 2009. – С. 200.

¹⁹⁸ Там же.

тельств должно быть ровно столько и таких, чтобы на основании них имелась возможность принять правильное и обоснованное процессуальное решение. Не больше и не меньше. «Необходимым и достаточным является такой объем познания по делу, который обеспечивает применение к конкретному лицу справедливой меры ответственности. Все, что сверх того, избыточно»¹⁹⁹.

Принцип процессуальной экономии не вступает непосредственно в конфликт с каждым из этих принципов, являясь средством урегулирования противоречий между ними. Естественно, четкую грань, где сфера максимального влияния одного принципа должна быть ограничена сферой максимального влияния другого, раз и навсегда установить невозможно. Этот вопрос должен решаться каждый раз в каждой конкретной ситуации исходя из разумного их баланса и сочетания. Причем как законодателем, так и правоприменителем. Принцип законности же, не конфликтуя с иными элементами системы принципов уголовного процесса, устанавливает для них границу влияния на уголовное судопроизводство и, если можно так выразиться, границы их «поля боя». И в этом главным образом и заключается технологическая природа принципов процессуальной экономии и законности, в отличие от двух других, имеющих социально-политическую, в некотором роде даже идеологическую окраску.

¹⁹⁹ *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства // *Томин В.Т.* Избранные труды / Предисловие С.П. Гришина. – СПб., 2004. – С. 324.

Глава 3. ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

§ 3.1. Формы проявления принципа процессуальной экономии в регламентации досудебного производства по уголовному делу

В этом параграфе проанализируем реализацию исследуемого принципа в досудебных стадиях процесса. Здесь же рассмотрим его проявление в наиболее общих нормах и институтах, имеющих отношение одновременно и к судебному, и к досудебному производству, а также сформулируем ряд предложений, способствующих, по нашему мнению, оптимизации правовой и организационной формулы данной отрасли.

В этой главе мы, конечно же, не ставим перед собой цели проанализировать каждую уголовно-процессуальную норму на предмет ее рациональности. Наша задача, с одной стороны, обратить внимание на наиболее типичные формы проявления процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве. И обязательно – для подтверждения принципиального статуса этой идеи – отметить ее присутствие в каждой стадии процесса. С другой – вскрыть основные препятствия на пути его превращения в процесс скорый и правый. Будем двигаться по порядку расположения соответствующих институтов в уголовно-процессуальном законе.

Несомненным проявлением в уголовном судопроизводстве принципа процессуальной экономии является возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) и по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28.1 УПК РФ). В перечисленных случаях, по мнению законодателя, восстановление справедливости и достижение задач правосудия возможно и без проведения всего комплекса процессуальных действий, что в значительной степени экономит выделяемые государством на осуществление уголовного судопроизводства ресурсы. С другой стороны, и законные интересы потерпевшего в случае примирения сторон удовле-

творяются значительно раньше. При прекращении уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах, государство также гораздо раньше имеет возможность восполнить ущерб, причиненный его бюджетной системе. В целом такая процедура способствует и обеспечению прав подозреваемого и обвиняемого, поскольку отпадает необходимость дальнейшего их ограничения в прежнем объеме.

Возможность предъявления гражданского иска во время производства по уголовному делу также является средством реализации в уголовном судопроизводстве принципа процессуальной экономии. Посредством применения института гражданского иска отпадает необходимость двойного рассмотрения обстоятельств одного и того же правонарушения, влекущего как уголовно-правовые, так и гражданско-правовые последствия. При этом рассмотрение гражданского иска в рамках уголовного дела предпочтительней и для государства, и для гражданина (как потерпевшего, так и подозреваемого (обвиняемого, подсудимого)).

Для государства это выражается в отсутствии необходимости повторной подготовки и проведения судебного заседания. Для заинтересованных лиц – в отсутствии необходимости дважды участвовать в нем. Но более всего предъявление гражданского иска во время производства по уголовному делу учитывает интересы потерпевшей стороны, наделяемой большим объемом прав, нежели гражданский истец в гражданском судопроизводстве, освобождаемой от уплаты государственной пошлины, а главное – от обязанности по доказыванию обоснованности исковых требований. И хотя последние из перечисленных обстоятельств и кажутся на первый взгляд креном в сторону ущемления интересов государства, на самом деле представляются разумным балансом интересов государства и личности, тем самым, сообразуясь с принципом процессуальной экономии. К тому же при причинении имущественных интересов не частному лицу, а государству, последнее в лице прокурора также может выступить гражданским истцом.

Есть у института производства по гражданскому иску в уголовном судопроизводстве и непримиримые противники, заявляющие о его несоответствии самой природе уголовного процесса. И в первую очередь по причине недопустимости рассмотрения

гражданско-правового спора на основе презумпции невиновности²⁰⁰. Подобная позиция представляется нам во многом спорной. Тем более, что институт гражданского иска в уголовном процессе был предусмотрен еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 года²⁰¹ и получил достаточно убедительное обоснование его современниками²⁰². Правда, в то время у потерпевшего была возможность заявить гражданский иск только до начала судебного заседания. Думается, что такой порядок был более оправдан, ведь судья, рассматривая уголовное дело, не всегда готов к рассмотрению гражданского иска без предварительной подготовки, заранее не изучив его обстоятельств. Предложения же о более полной правовой регламентации указанного института с целью ограничения использования в уголовном процессе норм гражданского процессуального права по аналогии²⁰³ кажутся нам и вовсе абсурдными. К чему «захламлять» уголовно-процессуальный закон дублированием в нем норм гражданского процессуального права?

Основополагающее значение для эффективной реализации в уголовном процессе принципа процессуальной экономии имеет определение пределов расследования преступления и исследования обстоятельств дела или пределов доказывания²⁰⁴. Вопрос может быть сформулирован таким образом: где пролегает та граница, когда органы, ведущие процесс, могут принять решение о достаточности собранных по уголовному делу доказательств для правильного его разрешения? К тому же уголовное дело не должно быть перегружено материалами, мало к нему относящимися. Поэтому не может быть отнесен к числу праздных и вопрос о качестве собираемых доказательств. Правильное решение этих вопросов позволит предупредить чрезмерную, не вызванную необходимостью тра-

²⁰⁰ См.: Бозров В. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=6141>

²⁰¹ Ст. 6, 7 Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust_ugprav.php

²⁰² См.: Гернет М.Н. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. (ст. ст. 1–84). – М., 1914. – Вып. 1. – С. 13–61.

²⁰³ См.: Бозров В. Указ. раб.

²⁰⁴ Восемьдесят шесть процентов опрошенных нами следователей отмечают перегруженность расследуемых ими уголовных дел материалами, не имеющими непосредственного отношения к доказыванию обстоятельств дела.

ту сил, времени и средств государства на осуществление уголовного судопроизводства. Естественно, законодательно установить эту границу невозможно. Уголовно-процессуальный закон в ст. 73 и 299 определяет лишь общие ее очертания.

Важное значение для определения пределов доказывания имеют и нормы материального уголовного права, причем как общей, так и особенной части. При этом большинство подлежащих установлению обстоятельств нуждаются именно в личностной оценке правоприменителя. Приведем пример.

Статья 61 УК РФ определяет перечень смягчающих наказание обстоятельств, из которых несовершеннолетие или беременность виновного, наличие у него малолетних детей, явка с повинной и некоторые другие очевидны, т. е. могут быть однозначно установлены и не требуют оценки. Вывод же о наличии или отсутствии таких условий совершения преступления, как стечение тяжелых жизненных обстоятельств, нарушение условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, и другие может быть сделан только после всестороннего исследования перечисленных обстоятельств на основе внутреннего убеждения правоприменителя. Требование же ч. 2 ст. 73 УПК РФ об обязательности выявления также обстоятельств, способствовавших совершению преступления, хотя и имеет важное превентивное значение, нам представляется излишним по причине неработоспособности указанной нормы и воспринимается правоприменителем лишь в качестве рекомендации, за исключением случаев, когда эти обстоятельства являются квалифицирующим признаком состава преступления. Однако такого смысла в содержание нормы ч. 2 ст. 73 УПК РФ законодатель, конечно, не вкладывал.

Закон не разъясняет нам, какого же количества и каких доказательств было бы достаточно для того, что бы сделать вывод о доказанности любого из перечисленных в ст. 73 и 299 УПК РФ обстоятельств, а также обстоятельств, выступающих предусмотренными УК РФ квалифицирующими признаками составов преступлений.

Ответ на этот вопрос очень лаконично дает ст. 88 УПК РФ: каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости,

допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. И хотя подобная формулировка чрезвычайно туманна, в ее конкретизации нужды нет. «Следствие и суд, – писал еще А.Я. Вышинский, – сами должны, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, определить пределы расследования, сами должны решать в каждом конкретном случае, что важно, что полезно, что необходимо включить в поле своего внимания, сделать предметом исследования. Все попытки заранее определить, какие обстоятельства могут иметь значение для дела и какие не могут, обречены на неудачу, особенно в уголовных делах, где сложность и запутанность положений встречаются чаще, чем в гражданских делах»²⁰⁵.

Более того, по нашему мнению, требование ч. 1 ст. 88 УПК РФ избыточно. Самостоятельного процессуального значения оно не имеет, поскольку новых правоотношений не порождает, а по существу является производным от положений ст. 17 УПК РФ (свобода оценки доказательств). По сути, это лишь методическая подсказка лицу, ведущему процесс. Думается, что подобные «подсказки» в текст УПК РФ помещать не следует.

Таким образом, единственным критерием относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела доказательств является внутреннее убеждение судьи, присяжных заседателей, а также прокурора, следователя и дознавателя, основанное на нормах закона и совести перечисленных субъектов. При этом законом при оценке доказательств правоприменитель руководствуется недолго, так как закон ему для этого отправных точек практически не дает, а наоборот, еще больше расширяет сферу действия его усмотрения указанием на отсутствие формальной иерархии доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Следовательно, оценка субъектом, ведущим процесс, доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, а главное, достаточности для принятия того или иного процессуального решения или для разрешения уголовного дела по существу осуществляется не по заранее установленным правилам, а исходя из его внутреннего убеждения. Дополнительной гарантией правильности принятых правоприменителем

²⁰⁵ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. – 3-е изд., доп. – М., 1950. – С. 236–237.

решений здесь будет являться возможность их обжалования заинтересованным субъектом в вышестоящий орган или в суд, которые вправе отменить необоснованное решение²⁰⁶. Кроме того, правильность выводов предварительного следствия, а также достаточность для разрешения уголовного дела доказательств всесторонне исследуется прокурором, а позднее судом.

Вместе с тем, необходимо помнить, что залогом рационального судопроизводства является, с одной стороны, достаточность доказательств для правильного разрешения дела по существу, с другой – исследование только тех доказательств, которые имеют отношение к данному уголовному делу. Таким образом, «в равной мере недопустимо как расширение, так и сужение пределов исследования уголовных дел... Чрезмерное расширение пределов расследования влечет за собой непроизводительную трату сил следователя, ...непроизводительные расходы государственных средств, ...загромождает дело ненужными материалами, усложняет проверку судом вывода следователя и может повлечь в конечном итоге вынесение судом неубедительного и расплывчатого приговора. Что же касается сужения пределов исследования уголовного дела, то оно всегда приводит к неполноте, поверхностности и односторонности предварительного расследования и судебного разбирательства, поскольку в этом случае отдельные обстоятельства остаются невыясненными, а это в свою очередь нередко приводит к невозможной потере доказательств и к подмене достоверных выводов выводами вероятными»²⁰⁷.

Одним из важнейших направлений повышения эффективности уголовного судопроизводства является экономия процессуальных средств за счет осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Значение оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса трудно переоценить. Хотя УПК РФ предусматривает только одно направление использования результатов ОРД – в доказывании, а по сути, как раз запрещает это.

Будучи по определению более мобильной по сравнению с деятельностью процессуальной, ОРД позволяет значительно ускорить

²⁰⁶ Хотя необоснованность данного решения здесь будет установлена опять-таки исходя из внутреннего убеждения рассматривавшего его субъекта.

²⁰⁷ Стремовский В.А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. – М., 1958. – С. 9–10.

формирование доказательной базы по уголовному делу. В результате осуществления ОРД отпадает необходимость проверки процессуальным путем всего многообразия версий, причастности к преступлению тех или иных фигурантов и т. д. Да и сама подобная проверка средствами ОРД происходит в разы быстрее, поскольку последняя значительно меньше формализована. Пользу для уголовного процесса в расширении сферы применения в нем форм и методов ОРД видят более 70% опрошенных следователей и 100% сотрудников оперативных подразделений²⁰⁸. В этой связи вполне обоснованным кажется предложение А.Г. Маркушина о введении в уголовно-процессуальный закон нормы, обязывающей органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, сопровождать процесс расследования преступлений²⁰⁹.

Из-за близости и постоянного неизбежного сотрудничества следственной и оперативно-розыскной деятельности последняя «мощно «инфицирована» идеей процессуализации». Безусловно, придание оперативной информации официального статуса должно способствовать повышению достоверности выводов предварительного следствия, вместе с тем, «"повальная" оперативно-розыскная процессуализация может привести... к утрате ОРД своего «козырного» качества – «маневренности» и «творческой», отчего сама идея ОРД и, как следствие, идея уголовно-процессуального использования ее результатов может заметно потускнеть. Однако говорить о полной потере специфики ОРД вряд ли когда-либо придется. ...за пределы формальной ОРД всякий раз будет «выдавливаться» участок свободной сыскной деятельности»²¹⁰.

²⁰⁸ Хотя стоит отметить, что большинство указанных следователей (в отличие от оперативных работников) обращают в связи с этим внимание и на опасность возрастания недостоверности процесса.

²⁰⁹ Из выступления А.Г. Маркушина на Международной научно-практической конференции «Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального стимулирования оперативно-розыскной деятельности» (г. Н. Новгород, Нижегородская академия МВД России, 28 мая 2010 года).

²¹⁰ Поляков М.П. О единстве и борьбе «процессуального» и «непроцессуального»: попытка диалектического взгляда на источник процессуальных действий // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – Екатеринбург. – 2009. – № 1 (1). – С. 82–83.

Тем не менее, на наш взгляд, в условиях действующей нормативной базы, регламентирующей как уголовный процесс, так и ОРД, а также сложившейся практики по ее реализации главным образом распространено только такое направление использования результатов ОРД в уголовном процессе, как ориентирование органов, осуществляющих производство по уголовному делу, о существе полученной оперативной информации, имеющей отношение к данному уголовному делу с целью определения направления расследования и круга фигурантов. Именно это направление и представляет наибольшую важность для реализации принципа процессуальной экономии. Есть здесь и обратная сторона. Следовательно нередко зависит от полученной оперативной информации, которая не всегда носит исчерпывающий характер, ввиду хотя бы чрезмерной загруженности оперативных аппаратов.

Проявление принципа процессуальной экономии очень явно просматривается и в исключении из предмета доказывания обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства (ст. 90 УПК РФ). Усилением влияния исследуемого принципа явилась значительная трансформация института преюдиции в уголовном процессе, связанная с принятием Федерального закона от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²¹¹. Нововведения связаны с приданием преюдициального значения не только вступившему в законную силу приговору, но и иным вступившим в законную силу решениям суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. Заметим, что это не современное изобретение. Схожая норма предусматривалась еще ст. 28 УПК РСФСР 1960 года. Кроме того, указанные решения теперь подлежат безусловному признанию не только прокурором, следователем и дознавателем, но и судом. Не совсем понятно, распространяется ли действие преюдиции на иные, кроме приговора, решения суда, принятые в рамках уголовного судопроизводства. Во всяком случае, из текста закона это не-

²¹¹ Российская газета. – 2009. – 31 декабря.

избежно не следует, хотя и было бы логичным. Полагаем, что указанную норму необходимо прямо закрепить в тексте УПК РФ.

Важными средствами обеспечения процессуальной экономии выступают меры процессуального принуждения, в особенности меры пресечения. В отличие от иных мер процессуального принуждения, которые применяются, как правило, после наступления негативных последствий (привод, денежное взыскание и др.), и в этом смысле в целом ряде случаев выступают санкциями за нарушение режима процессуальной экономии, дисциплинируя участников судопроизводства и ориентируя последних на его соблюдение, меры пресечения нацелены на предотвращение этих последствий и носят превентивный характер.

Значение одних мер пресечения состоит главным образом в предотвращении возможного появления препятствий для эффективного осуществления производства по делу, других – в заблаговременном обеспечении компенсации их негативных последствий. К последней категории в полной мере относится залог²¹², который является и наиболее показательным примером проявления процессуальной экономии среди всех иных мер процессуального принуждения.

Залог представляет собой своего рода страхование государством риска ненадлежащего поведения подозреваемого и обвиняемого, связанного с возможными последующими затратами на восстановление status quo. И хотя залог в качестве меры пресечения по уголовным делам применяется нечасто (по стране в среднем порядка 1200 случаев ежегодно, и этот показатель является стабильным на протяжении, по крайней мере, последних пяти лет), усиление принципа процессуальной экономии можно разглядеть в ежегодном увеличении количества залогов, применяемых в стадии предварительного расследования (760, 804, 901 и 1225 – в 2006, 2007, 2008 и 2009 годах соответственно), по сравнению со стадией судебного рассмотрения (в те же годы – соответственно 440, 437, 265 и 130). Раннее применение залога в качестве меры пресечения позволяет обеспечить указанную «страховку» раньше и, как показывает практика, оказывает куда большее дисциплинирующее воздействие на подозреваемых и обвиняемых.

Традиционно на стадии предварительного расследования в доход государства обращается меньшая доля залогов (в среднем за период

²¹² Хотя и превентивное значение залога не стоит сбрасывать со счетов.

2006–2009 гг. – 10,2%), чем на стадии судебного разбирательства (14,6% за тот же период), а по итогам 2009 года – соответственно 3,4 и 11,5%. Таким образом, удельный вес количества лиц, залог в отношении которых был обращен в доход государства (т. е. лиц, не исполнивших взятых на себя обязательств, что повлекло расходование дополнительных процессуальных ресурсов), в общем количестве лиц, к которым он был применен в качестве меры пресечения, сократился с 12,8% в 2006 году до 4,1% в 2009 году. Сказанное позволяет сделать вывод о предпочтительности применения залога на более ранних стадиях производства по уголовному делу²¹³.

В отличие от залога, такая мера процессуального принуждения, как денежное взыскание, налагается уже после неисполнения участниками уголовного судопроизводства предусмотренных УПК РФ процессуальных обязанностей или нарушения ими порядка в судебном заседании. Полагаем, что по своей природе денежное взыскание в данном случае носит не уголовно-процессуальный, а административно-правовой характер, равно как и сами правонарушения, за совершение которых УПК РФ предусмотрено наложение денежного взыскания. Кроме того, денежное взыскание «выбивается» из системы мер уголовно-процессуального принуждения, так как носит главным образом не правовосстановительный, а карательный характер. Поэтому место соответствующей нормы – не в УПК, а в Кодексе об административных правонарушениях, в котором к тому же уже предусмотрены санкции за совершение схожих проступков – ст. 17.7 («Невыполнение законных требований прокурора, следователя, доз-

²¹³ Информация о результативности применения залога в качестве меры пресечения по уголовным делам и соответствующие расчеты основаны на следующих статистических данных: Сводный отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, суммах судебных издержек из средств федерального бюджета, определенных судебными актами за 12 месяцев 2009 года (по всем федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям в Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации) (Раздел 3) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>; аналогичные Отчеты за 12 месяцев 2008 года // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43> и за 12 месяцев 2007 года // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>, а также Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 году // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=70>

навателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении»), 17.9 («Заведомо ложные показания свидетеля, пояснение специалиста, заключение эксперта или заведомо неправильный перевод»). При этом формулировка «неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей» нуждается в конкретизации и, пожалуй, разделении на несколько самостоятельных составов, и обязательно – уточнении, каких же участников уголовного судопроизводства имел в виду законодатель. Необходимо также в любом случае устранить дублирование указанной нормы с положениями ст. 258 УПК РФ («Меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании»), которая предусматривает наложение денежного взыскания на нарушителя порядка в судебном заседании. Кроме того, в соответствии с УПК РФ денежному взысканию могут быть подвергнуты поручитель в случае невыполнения своих обязательств (ч. 4 ст. 103 УПК РФ) и присяжный заседатель, не явившийся в суд без уважительной причины (ч. 3 ст. 333 УПК РФ²¹⁴).

Помимо прочего, вызывает серьезные сомнения эффективность применения денежных взысканий в уголовно-процессуальном порядке. Так, из сумм штрафов и денежных взысканий, наложенных по уголовным делам в порядке ст. 118 УПК РФ, добровольно уплачивается лишь четверть из них (точнее 23,8% в среднем за период 2007–2009 гг.), а из переданных для принудительного исполнения удается реально взыскать и того меньше (в среднем 20,6% за тот же период). Полагаем, что подобная ситуация вызвана отсутствием взвешенности при принятии судом решения о наложении данного вида взыскания. Хотя нельзя не отметить и двукратного увеличения в 2009 году, по сравнению с 2008 годом, сумм таких взысканий, уплаченных добровольно (с 16,6 до 32,7%), что может служить основанием для предположения о большей избирательности суда при наложении денежных взысканий в порядке ст. 118 УПК РФ²¹⁵.

²¹⁴ Отметим к тому же и некорректность помещения данной нормы в статью, озаглавленную «Права присяжных заседателей».

²¹⁵ См. указанные Сводные отчеты о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, суммах судебных издержек... за 2007–2009 годы (Раздел 2) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>

Прослеживается проявление процессуальной экономии и в регламентации отдельных моментов взыскания процессуальных издержек. Так, вполне обоснованной и рациональной кажется возможность их взыскания с осужденных (ч. 1, 2 ст. 132 УПК РФ), в том числе и освобожденных от наказания (ч. 2 ст. 132 УПК РФ), а также с лица, по жалобе которого было начато производство по уголовному делу частного обвинения в случае оправдания подсудимого и с одной или обеих сторон при прекращении уголовного дела в связи с их примирением (ч. 9 ст. 132 УПК РФ).

Отдельно остановимся на регламентируемом частью 4 УПК РФ особом порядке уголовного судопроизводства.

Выделение уголовных дел в отношении несовершеннолетних в особую категорию, производство по которой хотя и требует некоторого увеличения процессуальных затрат, противоречащим принципу процессуальной экономии быть признано не может. Значение данного института, расширяющего перечень гарантий прав личности, видится нам главным образом не в стремлении законодателя оградить несовершеннолетнего от судебных ошибок, поскольку абсурдно утверждать, что осуждение невиновного взрослого лица менее опасно, нежели невиновного несовершеннолетнего. Акцент здесь сделан на возможно большем применении воспитательных мер взамен собственно принудительных, которые следует стараться минимизировать.

Необходимость в этом обусловлена самим субъектом уголовного преследования, особенностями его личности, еще недостаточно сформированной. Недаром Верховный Суд обращает внимание на постоянное совершенствование профессиональной компетентности и специализации судей, рассматривающих дела о преступлениях несовершеннолетних, повышении их личной ответственности за законность и обоснованность каждого судебного решения. «Дела данной категории, – отмечается в Постановлении его Пленума, – должны рассматриваться под председательством наиболее опытных судей. Специализация судей по делам несовершеннолетних предусматривает необходимость обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и повышения квалификации не только по вопросам права, но и педагогики, социологии, психологии»²¹⁶.

²¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 года № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (с изм. и доп.) // Российская газета. – 2009. – 14 февраля.

Нельзя признать противоречащим принципу процессуальной экономии и требующий дополнительных процессуальных затрат порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (глава 52 УПК РФ). И хотя, как и в предыдущем случае, усложнение процедуры здесь направлено не на реализацию познавательной функции уголовного процесса, предоставление подобного иммунитета является необходимой гарантией эффективного выполнения перечисленными в ч. 1 ст. 447 УПК РФ субъектами важнейших государственных и общественных функций.

Перейдем непосредственно к досудебным стадиям уголовного судопроизводства и проследим проявление принципа процессуальной экономии уже в них.

В соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении, предварительная проверка которого предваряет стадию возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь или руководитель следственного органа обязаны принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Думается, что этот срок является минимально необходимым для получения достоверной информации о наличии события преступления и позволяет уполномоченному лицу сделать вывод о достаточности данных, указывающих на признаки преступления, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Мы не можем согласиться с авторами, видящими в установлении 3-дневного срока проверки заявлений и иных сообщений о преступлениях нарушение принципа процессуальной экономии.

Так, по мнению Д.А. Зипунникова и А.С. Каретникова, «если в органы предварительного расследования поступает заявление о совершенном или готовящемся преступлении, то должностные лица, указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, обязаны после осмотра места происшествия (если он необходим) немедленно возбудить уголовное дело и приступить к производству предварительного расследования без проведения каких-либо проверок таких заявлений»²¹⁷.

²¹⁷ Зипунников Д.А. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики / Д.А. Зипунников, А.С. Каретников // Российская юстиция. – 2006. – № 12.

Их основной аргумент таков: проведение предварительной проверки сообщений о преступлениях «часто превращается в кипучую деятельность по укрытию преступлений путем отыскания надуманных оснований отказа в возбуждении уголовного дела»²¹⁸. Иными словами, указанные авторы не видят необходимости в институте доследственной проверки и предлагают на законодательном уровне признать полное недоверие органам, осуществляющим предварительное расследование преступлений.

Да, в некоторых случаях, когда картина преступления достаточно ясна, целесообразней возбуждать уголовное дело без проведения полного комплекса проверочных мероприятий. Однако закрепление данной нормы законодательно в качестве общего правила не приведет к рационализации уголовного судопроизводства, а, напротив, увеличит количество уголовных дел, возбужденных без достаточных к тому оснований. А.С. Каретников и Д.А. Зипунников сами не исключают того, что, при немедленном возбуждении, уголовное дело «по тем или иным основаниям... будет в дальнейшем прекращено. Но это решение будет основываться не на суррогатных материалах, собираемых в процессе предварительной проверки, а на информации, собранной строго определенным уголовно-процессуальным законом путем»²¹⁹. Но если следовать логике указанных авторов, те же самые должностные лица, осуществляющие предварительное расследование преступления, найдут основание для прекращения уже возбужденного дела после, по сути, той же проверки, только проведенной процессуальным путем.

К тому же указанные авторы, обозначая недоверие правоохранительным органам, полагают, что «гарантией верно указанных заявителем обстоятельств... выступает предупреждение его об уголовной ответственности за заведомо ложный донос при подаче заявления»²²⁰.

Да, нельзя не согласиться с тем, что работу по отобранию многочисленных объяснений от большого количества лиц в период доследственной проверки, затем при возбуждении дела приходится

²¹⁸ Зипунников Д.А. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики / Д.А. Зипунников, А.С. Каретников // Российская юстиция. – 2006. – № 12.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

повторять снова, облекая получение объяснений в форму допроса тех же самых лиц. Тем не менее, думается, рациональней было бы лишь законодательно разрешить (а точнее обязать органы, осуществляющие предварительное расследование преступлений) проведение допросов до момента возбуждения дела, не упраздняя при этом институт доследственной проверки.

Таким образом, законодательное установление 3-дневного срока проверки заявлений и иных сообщений о преступлениях никоим образом не должно рассматриваться в качестве поправки принципа процессуальной экономии, и хотя институт доследственной проверки не совершенен, его отмена приведет лишь к увеличению количества необоснованно возбужденных уголовных дел, что, в свою очередь, «таит угрозу ввергнуть общество в пучину уголовных преследований»²²¹. Тем более, что по статистике из всего массива зарегистрированных органами внутренних дел заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях решение о возбуждении уголовного дела принимается менее, чем в 11% случаев, а из общего числа постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела отменяется с последующим его возбуждением лишь в 2,6% таких постановлений²²².

УПК РФ предусматривает возможность проведения осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ), эксгумации и осмотра трупа (ст. 178 УПК РФ) и освидетельствования (ст. 179 УПК РФ) до возбуждения уголовного дела. Во-первых, значение проведения этих следственных действий до возбуждения дела состоит в том, что их результаты как раз и необходимы для решения вопроса о возбуждении дела. Во-вторых, промедление с их проведением может привести к утрате важных доказательств. И если проведение эксгумации и осмотра трупа до возбуждения дела более ориентируется на решение первой задачи, то осмотр места происшествия и освидетельствование – главным образом второй. Недаром авторы УПК РФ

²²¹ Григорьев В.Н. О концепции возбуждения уголовного дела // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. – М., 1994. – С. 134.

²²² Сведения о результатах разрешения заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях в органах внутренних дел за 2009 год // <http://www.mvd.ru/files/AauTOcPxyhbg2fK.pdf>

сделали на этом акцент, предусмотрев разные законодательные формулировки: до возбуждения уголовного дела осмотр места происшествия и освидетельствование могут быть проведены только «в случаях, не терпящих отлагательства» (ч. 1 ст. 176, ч. 1 ст. 179 УПК РФ), в то время как эксгумация и осмотр трупа – «при необходимости» (ч. 4 ст. 178 УПК РФ). Оценка же обстоятельств на предмет их неотложности и необходимости осуществляется лицом, проводящим расследование, по своему усмотрению.

Кроме того, УПК РФ предоставляет уполномоченному субъекту достаточно времени для проверки сообщения о преступлении и принятия по нему взвешенного решения, предусмотрев и возможность продления 3-дневного срока до 10, а впоследствии и до 30 суток. История внесения изменений в норму ч. 3 ст. 144 УПК РФ позволяет нам сделать вывод о важном значении, которое придает законодатель самому институту доследственной проверки и ее качественному проведению с целью получения *достаточных* данных, указывающих на признаки преступления. Так, первоначальная редакция ч. 3 ст. 144 УПК РФ не предусматривала продления срока проверки свыше 10 суток. Впоследствии этот срок было разрешено продлить при необходимости проведения документальных проверок или ревизий, еще позже перечень оснований продления срока дополнился необходимостью исследования документов, предметов и трупов.

Важной мерой по повышению экономичности досудебного производства стала отмена Федеральным законом от 5 июня 2007 года № 7-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»²²³ необходимости получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Полагаем, что в такой процедуре действительно не было необходимости.

Принимая решение о возбуждении уголовного дела, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа или следователь не имеют возможности, да и не должны, устанавливать все обстоятельства совершенного преступления, устанавливать и изобличать виновных в его совершении лиц. По сути, решение о возбуждении уголовного дела – это фиксация уверенности указанных

²²³ Российская газета. – 2007. – 8 июня.

субъектов в том, что полученные данные указывают на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

Прокурор, давая согласие на возбуждение дела, основывается также не на достоверности этих данных, поскольку не имеет возможности их проверить, а лишь на их достаточности. И оценивает эту достаточность тоже только по своему внутреннему убеждению. Кроме того, отмена необходимости получения согласия прокурора на возбуждение дела позволяет гораздо раньше приступить к полноценному уголовно-процессуальному расследованию и использовать его результаты в качестве доказательств.

В значительной мере экономит уголовно-процессуальные ресурсы и упрощенный порядок возбуждения уголовного дела частного обвинения в отношении конкретного лица (кроме лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ). Дело считается возбужденным с момента принятия судом заявления потерпевшего или его законного представителя, наделяемых статусом частного обвинителя. Кроме того, на последнем (а не на государстве) лежит обязанность собирать доказательства и поддерживать обвинение в суде. А стадия предварительного расследования по указанной категории дел и вовсе отсутствует. Обращаясь к технико-юридическому аспекту закрепления в уголовно-процессуальном законе института частного обвинения, считаем необходимым устранить дублирование отдельных положений ст. 20, 147 и 318 УПК РФ.

В стадии предварительного расследования также немало примеров проявления в уголовном судопроизводстве принципа процессуальной экономии. Перечислим наиболее заметные из них.

1. Определение подследственности уголовных дел исходя из рационального распределения компетенции между органами, осуществляющими предварительное расследование преступлений (ст. 151 УПК РФ).

2. Возможность соединения уголовных дел в одном производстве (ст. 153 УПК РФ), позволяющая избежать нерационального расходования процессуальных ресурсов в результате осуществления одних и тех же действий в рамках разных уголовных дел.

3. Возможность выделения в отдельное производство одного уголовного дела из другого (ст. 154 УПК РФ). Экономичность в данном случае заключается в возможности завершить расследование по отдельным эпизодам уголовного дела и приостановить про-

изводство только по тем из них, которые действительно требуют этого, не «тормозя» уголовного дела целиком.

4. Производство предварительного следствия по уголовному делу следственной группой (ст. 163 УПК РФ) может быть вызвано его сложностью или большим объемом. Качественное его расследование одним следователем в установленный срок может стать невыполнимой задачей. В данном случае с целью ее решения законодатель предусмотрел возможность выделения дополнительных ресурсов. Непосредственно же решение о производстве предварительного следствия следственной группой принимает руководитель следственного органа на основе своего внутреннего убеждения в целесообразности подобных затрат.

5. Производство в исключительных, не терпящих отлагательства случаях осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, на основании постановления следователя без получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Необходимость в незамедлительном производстве указанных следственных действий может быть вызвана опасностью утраты доказательств, и промедление возможно вообще лишит смысла их проведение в дальнейшем. Вместе с этим, нам видится абсолютно необоснованным, более того, абсурдным, признание недопустимыми доказательств, полученных в результате такого следственного действия, в случае признания судьей незаконным решения следователя о его производстве. Ведь если в результате их проведения получены *доказательства по уголовному делу* – это ли не результат, к которому стремился следователь, принимая решение о незамедлительном их проведении? Незаконным такое решение может быть признано только в том случае, если в результате проведения соответствующего следственного действия не только не были добыты необходимые доказательства, но и сама процедура изначально явно не требовала безотлагательного ее проведения. Но даже и в этом случае речь, скорее всего, может идти не о незаконности, а о необоснованности такого решения. И мерой реагирования здесь должно стать привлечение соответствующего лица к дисциплинарной ответственности, но никак не о признании полученных доказательств недопустимыми.

Самым неоднозначным с точки зрения процессуальной экономии нам видится институт дознания. Казалось бы, процессуальная экономия налицо: по относительно несложной для расследования категории уголовных дел предусмотрена упрощенная его процедура. Однако еще авторы Концепции судебной реформы в РСФСР, называя дифференциацию форм судопроизводства одним из важнейших ее (реформы) направлений, предлагали отказаться от дознания как самостоятельной формы предварительного расследования²²⁴.

Действительно, анализ норм данного института и в первую очередь хронология их трансформации приводят к выводу о том, что далеко не всегда задачи предварительного расследования могут быть реализованы посредством дознания. Пришлось это признать и законодателю, который несколько раз увеличивал допустимые сроки его проведения²²⁵ и неоднократно вносил изменения в нормы, регламентирующие данный институт, усложняя его процедуру и все более приближая ее к процедуре предварительного следствия.

Одна из последних инициатив законодателя, максимально сблизившая две формы предварительного расследования, – упразднение обязательного условия для проведения дознания: преступление должно быть раскрытым. Пожалуй, такой беспрецедентный срок дознания как раз и вызван этим нововведением. Во всяком случае, и то и другое изменение введено в действие одним нормативным актом – Федеральным законом от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ

²²⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР от 28 октября 1991 года № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // ИПС «Консультант-Плюс».

²²⁵ Отметим абсурдность последней редакции ч. 3 ст. 223 УПК РФ, предусматривающей продление 30-дневного срока до 30-ти же суток. Являясь сторонниками допустимости только буквального толкования норм уголовно-процессуального права, мы все-таки склоняемся к выводу о том, что речь в данном случае идет о продлении срока не *до*, а *на* 30 суток. Можем предположить, что отказ законодателя от традиционной формулировки «этот срок может быть продлен прокурором, но не более чем на 10 суток» связан с тем, что, по мысли законодателя, прокурор не определяет продолжительность срока, на который продлевается срок дознания. Срок или продлевается автоматически на 30 суток, или не продлевается вообще. Из содержания предыдущих редакций ч. 3 ст. 223 УПК РФ мы можем сделать вывод о том, что прокурор мог продлить срок дознания на 1, 2, 3 и т. д. суток, но не более чем на 10.

«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»²²⁶. Этот же Федеральный закон ввел в процедуру дознания институт уведомления о подозрении в совершении преступления – еще один аналог обязательного атрибута предварительного следствия – процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. 223.1 УПК РФ).

Венцом реформы дознания явился Федеральный закон от 23 июля 2010 года № 172-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»²²⁷, введивший норму о возможности производства дознания по уголовному делу в случае его сложности или большого объема группой дознавателей. Как видим, законодатель упорно идет по пути все большего усложнения дознания и сближения его со следствием. Данное нововведение явно противоречит принципу процессуальной экономии, и сама суть дознания как упрощенная форма расследования все больше и больше утрачивается, превращаясь в суррогат следствия.

Осознавая, что правовая формула дознания далека от совершенства, считаем, тем не менее, что федеральные законы № 90-ФЗ от 6 июля 2007 года и № 172-ФЗ от 23 июля 2010 года не способствовали повышению его эффективности, а стали причиной еще большей путаницы. У подобной законодательной линии по усложнению института дознания и его трансформации в сторону сближения со следствием немало противников, от которых нередко можно услышать и предложения, прямо противоположные, сопровождающиеся утверждениями о неоправданной сложности отечественного уголовного процесса и перегруженности следователей малозначительными делами, которые могут быть расследованы в упрощенном порядке²²⁸.

Итак, нормативная регламентация многих институтов досудебного производства нуждается в определенном «ремонте». Однако даже в их нынешнем состоянии реализация принципа процессуальной экономии прослеживается достаточно явственно. И анализ последних изменений уголовно-процессуального закона позволяет в большинстве случаев сделать вывод о все большем упрочении позиций этого принципа в уголовном судопроизводстве.

²²⁶ Российская газета. – 2007. – 9 июня.

²²⁷ Российская газета. – 2010. – 27 июля.

²²⁸ Смягчающие обстоятельства // Российская газета. – 2008. – 16 января.

§ 3.2. Формы проявления принципа процессуальной экономии в регламентации судебного производства по уголовному делу

В этом параграфе проследим наиболее заметные примеры реализации исследуемого принципа в судебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и в регламентации тех институтов, которые, будучи помещенными законодателем в часть третью УПК РФ («Судебное производство») и раскрываясь главным образом в судебных стадиях процесса, зарождаются в стадиях досудебных.

Судебное производство начинается с подготовки к судебному разбирательству. Очевидно, что от качества подготовки к нему напрямую зависит и его эффективность. На этой стадии отсекаются поступившие в суд уголовные дела, надлежащим образом к нему не подготовленные. Кроме того, при подготовке к судебному разбирательству судьей осуществляется последующий судебный контроль за законностью и обоснованностью возбуждения уголовного дела и его предварительным расследованием. Лишь удостоверившись, что собранные в ходе предварительного расследования материалы достаточны для всестороннего исследования обстоятельств дела в суде, судья принимает решение о назначении судебного заседания. В противном случае может возникнуть необходимость в предварительном слушании, которое в общем принципе процессуальной экономии не противоречит. Ежегодно судами проводится предварительное слушание в среднем по 18% уголовных дел²²⁹. Однако, вместе с этим, считаем нецелесообразным обязательное назначение предварительного слушания во всех перечисленных в ч. 2 ст. 229 УПК РФ случаях.

Так, вопрос об исключении доказательств по ходатайству сторон вполне может быть решен либо судьей единолично без проведения

²²⁹ См.: Сводные отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2009 года (по всем федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям в Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>; аналогичные отчеты за 2008 год (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43>) и 2007 год (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>), Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 году // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=70>

предварительного слушания, либо в случае если для принятия решения необходимо выслушать и противоположную сторону, – в судебном заседании при рассмотрении дела по существу. Думается, что в этом случае принципиальное значение рассмотрения этого вопроса отдельно на предварительном слушании имеет место только в связи с нежелательностью (более того, закон прямо это запрещает) информирования присяжных заседателей о существовании доказательств, исключенных по решению суда (ч. 6 ст. 235 УПК РФ). Однако вопрос этот может быть решен в судебном заседании и в их отсутствие, как это предусматривается ч. 6 ст. 335 УПК РФ. Тем более, что недопустимость доказательства может быть выявлена, а само доказательство исключено и непосредственно в ходе судебного разбирательства (ч. 5 ст. 335 УПК РФ).

С другой стороны, ч. 7 ст. 235 УПК РФ предусматривает право суда по ходатайству стороны повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым при рассмотрении уголовного дела по существу. И именно исходя из того, что к моменту собственно судебного заседания объем познания по делу и у суда, и у сторон становится более полным, мы можем сделать вывод о целесообразности отказа от обязательного проведения предварительного слушания по данному основанию и предпочтительности решения этого вопроса в судебном заседании при рассмотрении дела по существу.

Полагаем, что и решить вопрос о возвращении уголовного дела прокурору (п. 2 ч. 2 ст. 229, ст. 237 УПК РФ)²³⁰, приостановлении

²³⁰ Показателем, свидетельствующим о повышении качества предварительного расследования и тщательности прокурорского контроля за этой стадией судопроизводства, влекущим сокращение нерационального расходования процессуальных ресурсов, является ежегодное снижение доли уголовных дел, возвращаемых судом прокурору для устранения недостатков в порядке ст. 237 УПК РФ, по отношению к числу поступивших в суды дел. Так, в 2007, 2008 и 2009 годах этот показатель составил соответственно 2,7, 2,2 и 1,9% (См.: Сводный отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2009 года (по всем федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям в Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>; аналогичные отчеты за 2008 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43>) и 2007 годы (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>)).

или прекращении уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 229, ст. 238, 239 УПК РФ), проведении в исключительных случаях при наличии ходатайства стороны судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу (п. 4.1 ч. 2 ст. 229, ч. 5 ст. 247 УПК РФ), рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей (п. 5 ч. 2 ст. 229 УПК РФ), а также при наличии не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление (п. 6 ч. 2 ст. 229 УПК РФ) судья в большинстве случаев может и без проведения предварительного слушания. Тем более, что УПК РФ допускает случаи проведения судьей предварительного слушания в отсутствие вообще всех участников процесса (ч. 3, 4 ст. 234 УПК РФ). Считаем, что в этом случае соблюдение строгой формы процедуры предварительного слушания не вызвано необходимостью и принципу процессуальной экономии противоречит.

Среди характерных примеров проявления в стадии подготовки к судебному разбирательству принципа процессуальной экономии следует назвать следующие:

1. Четырнадцатидневный срок принятия судьей решения по поступившему уголовному делу в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, в отличие от обычного тридцатидневного срока (ч. 3 ст. 227 УПК РФ).

2. Исключение нормы о безусловном удовлетворении ходатайств о вызове дополнительных свидетелей и истребовании других доказательств, предусмотренной ст. 223 УПК РСФСР 1960 года. И хотя в соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон, обеспечение их участия в процессе лежит на инициаторе ходатайства. Несмотря на то, что в ходе предварительного слушания ходатайство стороны защиты об истребовании дополнительных доказательств или предметов подлежит удовлетворению, если данные доказательства и предметы имеют значение для уго-

ловного дела (ч. 7 ст. 234 УПК РФ), нельзя утверждать о безусловном распространении данной нормы на всю стадию подготовки к судебному разбирательству.

3. Установление максимального срока для заявления стороной ходатайства о проведении предварительного слушания после ознакомления с материалами уголовного дела либо после направления уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом в суд (ч. 3 ст. 229 УПК РФ). Более того, с момента первоначальной редакции статьи этот срок сократился более чем вдвое, с 7 до 3 суток.

4. Принятие мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества (ст. 230 УПК РФ).

5. Возможность проведения предварительного слушания в отсутствие обвиняемого (ч. 3 ст. 234, ч. 5 ст. 247 УПК РФ) и других своевременно извещенных участников производства по уголовному делу (ч. 4 ст. 234 УПК РФ).

В стадии непосредственно судебного разбирательства необходимо отметить следующие основные формы проявления принципа процессуальной экономии:

1. Ограничение пределов судебного разбирательства кругом лиц, являющихся обвиняемыми по делу, и лишь предъявленным им обвинением (ч. 1 ст. 252 УПК РФ).

2. Право суда принять решение об оглашении показаний подсудимого (ст. 276 УПК РФ), потерпевшего и свидетеля (ст. 281 УПК РФ) при отсутствии в судебном заседании указанных лиц.

3. Установление очередности выступлений отдельных участников прений сторон: первым выступает обвинитель (гражданский истец и его представитель), последними – подсудимый и его защитник (гражданский ответчик и его представитель) (ч. 3 ст. 292 УПК РФ).

4. Недопустимость ограничения продолжительности прений сторон и последнего слова подсудимого. При этом председательствующий вправе останавливать указанных лиц в случаях, когда обстоятельства, излагаемые ими, не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу (ч. 5 ст. 292, ч. 2 ст. 293 УПК РФ).

5. Определение перечня вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ). И хотя этот перечень не

является исчерпывающим, он в значительной мере облегчает постановление судьей приговора.

6. Подробная регламентация перечня сведений, которые должны найти отражение в тексте приговора (ст. 304–309 УПК РФ). При этом недопустимо его загромождение описанием обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому уголовному делу.

Следуя структуре уголовно-процессуального закона, мы подошли к ярчайшим проявлениям в уголовном судопроизводстве принципа процессуальной экономии: особому порядку принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ), при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) и институту мировой юстиции. Рассмотрим их более подробно под призмой исследуемого принципа.

Введением процедуры особого порядка принятия судебного решения законодатель обозначил направление нового этапа судебной реформы. Указанные институты нетрадиционны и неспецифичны для отечественного уголовного судопроизводства. Являясь формой процессуального компромисса государства с правонарушителем, они позволяют в значительной мере сэкономить процессуальные ресурсы. И эта экономия действительно целесообразна, поскольку компромисс возможен только после удостоверения в возможности достичь цели уголовного судопроизводства без использования всего возможного комплекса процессуальных мер. Предпочтителен особый порядок и для обвиняемых, поскольку позволяет рассчитывать на смягчение наказания.

Первого декабря 2009 года глава Верховного Суда России Вячеслав Лебедев в интервью «Российской газете» сообщил, что сегодня почти половина уголовных дел в России рассматривается судами по просьбе обвиняемых в особом порядке²³¹. И ежегодно этот показатель²³² стремительно растет, составив в 2005, 2006, 2007,

²³¹ Процент невиновных. Глава Верховного Суда раскрыл тайну низкого числа оправдательных приговоров // <http://www.rg.ru/2009/12/02/sudy.html>

²³² В данном случае мы оперируем отношением количества уголовных дел, рассмотренных судами в особом порядке, к общему числу поступивших в суды дел.

2008 и 2009 годах соответственно 18,6, 26,3, 32,7, 42,4, 48,5%²³³. Можно, конечно, в данном обстоятельстве разглядеть и свидетельство преобладания у судебных органов установки на отношение к признанию обвиняемым своей вины как к основному доказательству по делу и говорить в связи с этим об их заинтересованности в направлении уголовного дела, по возможности, в русло особого порядка. Однако нельзя отрицать в данном институте колоссального ресурса для обеспечения процессуальной экономии.

Основная же мысль, изложенная В. Лебедевым в интервью, состоит в трактовке малого количества оправдательных приговоров, вынесенных судами (около 0,8%), с позиции преобладания карательной направленности в работе судей. «Обвинительный уклон» правосудия подвергался осуждению и авторами Концепции судебной реформы 1991 года, констатируя еще более низкий процент оправдательных приговоров, хотя «до революции оправдывался почти каждый третий, привлеченный к суду»²³⁴. Нам кажется странным, что низкий процент оправдательных приговоров всерьез рассматривается с негативной точки зрения, ведь очевидно, что увеличение количества вынесенных оправдательных приговоров должно свидетельствовать не столько об «обвинительном уклоне» правосудия, сколько о некачественно проведенном предварительном расследовании. А приказом МВД России от 19 января 2010 года № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования» оправдание подсудимого фактически приравнено к нарушению законности со стороны проводившего расследование органа.

²³³ Сводный отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2009 года (по всем федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям в Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>; аналогичные отчеты за 2008 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43>) и 2007 годы (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>); Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 году // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=70>; Статистическая справка о работе судов общей юрисдикции за 2005 год // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=78>

²³⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР от 28 октября 1991 года № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // ИПС «КонсультантПлюс».

Анализ изменений УПК РФ, касающихся института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, позволяет нам сделать вывод о все большем укреплении в отечественном уголовно-процессуальном праве принципа процессуальной экономии. Так, Федеральным законом от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»²³⁵ значительно расширен круг преступлений, уголовные дела по которым могут быть рассмотрены в особом порядке. Если первоначальная редакция ч. 1 ст. 314 УПК РФ ограничивала его преступлениями небольшой и средней тяжести, то действующая норма относит сюда и тяжкие преступления. Кроме того, этим же Федеральным законом существенно конкретизирован порядок проведения судебного заседания и постановления приговора (ст. 316 УПК РФ).

Проявление принципа процессуальной экономии в институте особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением состоит в следующем:

1. Отсутствие судебного разбирательства как такового (ч. 2 ст. 314 УПК РФ), выражающееся в том, что в судебном заседании исследуются не собранные по уголовному делу доказательства²³⁶, а лишь (и то при необходимости) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ).

2. Возможность в судебном заседании или на этапе подготовки к нему прекратить особый порядок судебного разбирательства (отказать обвиняемому в соответствующем ходатайстве) и назначить рассмотрение уголовного дела в общем порядке (ч. 3, 4 ст. 314, ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Вместе с тем, полагаем, возражения государственного либо частного обвинителя и (или) потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства не должны влечь безусловного его прекращения. Представляется, что такое решение должен принять суд, рассмотрев заявления последних на предмет их обоснованности.

²³⁵ Российская газета. – 2003. – 11, 12 июля.

²³⁶ Исходя из этого, нам представляется излишним указание в ч. 8 ст. 316 УПК РФ на то, что анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются.

3. Назначаемое подсудимому наказание не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

4. Процессуальные издержки не подлежат взысканию с подсудимого (ч. 10 ст. 316 УПК РФ).

5. Недопустимость обжалования приговора в апелляционном и кассационном порядке ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 317 УПК РФ).

Заметим, что, несмотря на значительный удельный вес уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, такой порядок принятия судебного решения все-таки является исключительным. Процедура постановления приговора без проведения судебного разбирательства возможна только в случае, когда суд удостоверится в его целесообразности. С одной стороны, смягчение уголовной ответственности в данном случае должно быть обусловлено осознанием обвиняемым своей вины и ее признанием. С другой – обвиняемый должен действительно в полной мере осознавать характер и последствия заявленного им ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ), ведь исчерпывающим образом обеспечить его права при особом порядке не всегда возможно, поскольку приговор основывается лишь на материалах предварительного расследования. Именно поэтому Верховный Суд РФ в своем определении от 14 августа 2007 года № 11-ДП07-91²³⁷ указал на недопустимость рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в особом порядке по правилам главы 40 УПК РФ.

Предпочтительным с точки зрения принципа процессуальной экономии представляется и институт особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ). В данном случае подозреваемый или обвиняемый обязуется содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. При этом указанное со-

²³⁷ ИПС «КонсультантПлюс».

действие не должно ограничиваться сообщением сведений о его собственном участии в преступной деятельности (ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ). Таким образом, как справедливо отмечает А.С. Александров, мы имеем дело с особым случаем деятельного раскаяния²³⁸, за что подозреваемому (обвиняемому) может быть *обещано*²³⁹ смягчение наказания, а именно:

1) неприменение наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни;

2) срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ (ч. 4 ст. 62 УК РФ). При этом из буквального значения указанной нормы следует, что основанием для этого является сам факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а не последующие действия подозреваемого (обвиняемого).

Собственно говоря, принцип процессуальной экономии в данном случае будет полностью реализован при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заявлении им ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (естественно, лишь по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы). В противном случае порядок предварительного расследования, судебного заседания и постановления приговора в отношении подозреваемого, обвиняемого или соответственно подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, экономии процессуальных ресурсов практически не поспособствует. Думается, что указание в ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ на то, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, также не совсем обоснованно, по-

²³⁸ См.: Александров А.С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ / А.С. Александров, И.А. Александрова // Уголовный процесс. – 2009. – № 8. – С. 3.

²³⁹ И только лишь, ведь последний не застрахован от возможного не подтверждения государственным обвинителем его активного содействия следствию (п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ).

скольку обязательство о сотрудничестве со следствием не всегда сопровождается признанием предъявленного обвинения и согласием подсудимого на рассмотрение его дела в упрощенном порядке без исследования и оценки собранных по уголовному делу доказательств.

Заметим также, что нормы ч. 2²⁴⁰ и 7²⁴¹ ст. 317.7 УПК РФ являются излишними, так как дублируют соответственно положения ч. 2 и 9 ст. 316 УПК РФ. То же можно сказать и о ст. 317.9 УПК РФ («Меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве»), которая не порождает никаких новых правоотношений. Отметим, что законодатель не раз упоминает об учете степени угрозы личной безопасности, которой подвергались обвиняемый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица (п. 4 ч. 1 ст. 317.5, п. 4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Это, очевидно, законодатель относит к индикаторам искренности намерений подозреваемого (обвиняемого, подсудимого).

Далее, производство по уголовным делам, подсудным мировому судье. Во введении института мировой юстиции проявление принципа процессуальной экономии видится в первую очередь в освобождении федеральных судей от рассмотрения малозначительных дел. Нельзя говорить о достаточно высоком уровне отправления правосудия при приближении загруженности федеральных судов малозначительными делами практически к пределу физических возможностей судей. Нельзя забывать и о том, что в современных условиях поступающие в суды дела становятся все более сложными и многообразными, а федеральный судья, вынужденный их рассматривать, зачастую просто не обладает необходимыми специальными знаниями для их эффективного разрешения. Таким образом, «создание института мировой юстиции – это, безусловно, переход к специализации в работе судей. В условиях нестабильности и коллизии законодательства она является одним из весьма дейст-

²⁴⁰ Судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника.

²⁴¹ После провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренные главой 43 УПК РФ.

венных способов упреждения юридических ошибок и повышения качества правосудия»²⁴².

Есть между тем здесь и обратная сторона. Ряд уголовных дел, хотя и отнесены законом к малозначительным, на самом деле требуют даже больших трудозатрат, нежели дела, рассматриваемые федеральными судами. А учитывая большее их количество, мировой судья просто не в состоянии в установленные процессуальные сроки (сокращенные по сравнению со сроками, установленными для федеральных судов) вовремя, а главное качественно рассмотреть такую массу дел.

Способствует экономии процессуальных средств и возможность соединения в одно производство рассмотрения заявления по уголовному делу частного обвинения с рассмотрением встречного заявления (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). Тем более, что касаются они, как правило, одних и тех же обстоятельств.

Самое заметное, лежащее на поверхности законодательное отражение принципа экономии при производстве у мирового судьи проявляется в экономии времени, сокращении соответствующих процессуальных сроков. Если в случае с федеральным судом судья при поступлении уголовного дела в течение 30 суток принимает решение только о назначении судебного заседания, то мировой судья обязан не позднее 14 суток после поступления в суд уголовного дела (заявления по делу частного обвинения) начать его рассмотрение. Однако рациональность такого требования закона тоже не бесспорна. Помимо вышеперечисленных обстоятельств (сложность и многообразие поступающих в суд уголовных дел, значительное их количество, недостаточная профессиональная подготовленность и специализация мировых судей) указанная норма не совсем оправдана еще и потому, что по делам частного обвинения, рассматриваемым мировыми судьями, законодатель, установив короткие сроки рассмотрения дела, не учел некоторых психологических факторов. Речь идет о том, что «практически по 80% дел частного обвинения» возможно «убедить стороны примириться или отказаться от обвинения. Но лишь немногие граждане соглашаются на это в первые две недели. Поэтому цель примирения сторон в делах частного

²⁴² Терехин В.А. А нужна ли нам мировая юстиция? / В.А. Терехин, В.В. Захаров // Российская юстиция. — 2006. — № 4.

обвинения и краткие сроки их рассмотрения на практике обычно не стыкуются»²⁴³.

Необходимо отметить, что теряется идея процессуальной экономии и в том случае, когда граждане с заявлением по делу частного обвинения обращаются не непосредственно в суд, а в органы внутренних дел. А именно так зачастую и происходит, хотя бы в силу недостаточной правовой культуры населения. В этом случае орган дознания, фактически проведя проверку по данному заявлению (которая, тем не менее, процессуального значения не имеет), все равно направляет его в суд.

Нельзя в полной мере говорить об экономии и в случае, если в соответствии с ч. 2 ст. 147 и ч. 1¹ и 1² ст. 319 УПК РФ мировому судье приходится отказать в принятии заявления к своему производству и направить его руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, при этом еще и уведомив о своем решении заявителя. Необходимо помнить и о том, что большинство граждан не обладают достаточными юридическими знаниями, позволяющими грамотно составить жалобу. Кроме того, часто заявитель не может не только сообщить суду данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности (если вред гражданину причинен неизвестным или малоизвестным ему лицом), или свидетелях, но и четко описать событие совершенного в отношении него преступления. Значительное число заявителей не имеет возможности собрать необходимые сведения в установленный мировым судьей срок и оплатить услуги профессионального юриста, который оказал бы ему в этом необходимую помощь. Все это позволяет суду отказать гражданину в принятии его заявления к производству.

Возникают у мирового судьи при принятии жалобы и чисто процессуальные проблемы – это и необходимость назначения и проведения по ряду уголовных дел судебных экспертиз, и сбор характеризующего материала в отношении подсудимого и т. д. В данной ситуации решение проблемы видится во вменении правоохранительным органам в обязанность принимать указанные жалобы к своему производству в случае, если гражданин не располагает достаточной информацией для подачи жалобы непосредственно в суд.

²⁴³ Куссмауль Р. Мировая юстиция // Российская юстиция. – 2002. – № 11.

Говоря о принципе процессуальной экономии применительно к институту мировой юстиции, нельзя не затронуть такого его аспекта, как дополнительный порядок обжалования действий и решений, принятых мировым судьей, что выражает некоторое недоверие законодателя мировым судьям. Речь идет о том, что приговоры и постановления мирового судьи могут быть обжалованы, кроме возможного последующего кассационного порядка обжалования, еще и в апелляционном. Не заостряя внимания на слове «недоверие», посмотрим на проблему с точки зрения рационализации уголовного процесса. Хотя «апелляционное производство должно объективно служить надежной гарантией эффективного правосудия и защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса – потерпевшего и осужденного, с одной стороны. А с другой – не усложнять работу правоприменителей по отправлению уголовного правосудия»²⁴⁴, такое положение дел отнюдь не способствует укреплению принципа процессуальной экономии. Казалось бы, «запретив подавать кассационную жалобу на решение мирового судьи, законодатель стремился оградить федеральные суды общей юрисдикции второго звена от чрезмерной нагрузки делами небольшой тяжести. В этом плане предполагалось, что районные суды будут исправлять ошибки мировых судей и на этом процесс и ограничится. Однако анализ практики показывает, что до двух третей всех решений суда апелляционной инстанции на приговоры мировых судей обжалуются в суд кассационной инстанции»²⁴⁵.

Таким образом, апелляционное производство не гарантирует защиты нарушенных прав граждан, а в значительной степени лишь усложняет процедуру судопроизводства ввиду того, что, по крайней мере на современном этапе его существования, не отвечает тем целям, которые ставил законодатель перед институтом апелляционного обжалования.

Отдельно хотелось бы упомянуть о сущности мировой юстиции, в основе которой все-таки лежит задача рассмотрения гражданских

²⁴⁴ Федулов А.В. Идея процессуальной экономии и апелляционное производство в уголовном процессе России // Мировой судья. – 2005. – № 2. – С. 17.

²⁴⁵ Там же.

дел. Наделение мировых судей уголовно-процессуальными функциями несвойственно ни для мировой юридической практики, ни для исторической традиции России и выглядит как бы «навязанной» им. Разрешение дел об административных правонарушениях также не совсем согласуется с идеей появления мировой юстиции. Даже Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²⁴⁶ в ст. 28, определяя компетенцию мирового судьи, относит к ней в первую очередь гражданские дела и только потом – административные и уголовные. И лишь принятый двумя годами позднее (17 декабря 1998 года) Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» в качестве первоочередной задачи мировых судей выделяет их компетенцию рассматривать уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, подсудные ему в соответствии с ч. 1 ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Более того, даже по мнению некоторых федеральных судей, «возложение на мировых судей осуществления роли правосудия по уголовным делам... ничем не обосновано с точки зрения уголовного и уголовно-процессуального права. ...Рассмотрение дел административных и уголовных мировым судьей противоречит сути идей мировой юстиции»²⁴⁷.

Значение института мировой юстиции в отечественном уголовном процессе переоценить трудно. Его появление, безусловно, способствует рационализации уголовного судопроизводства и повышению его эффективности. Тем не менее, современное состояние указанного института нуждается в значительном реформировании, при котором особое внимание необходимо уделить вопросам, связанным с организацией взаимодействия и распределением полномочий мировых судей и правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование преступлений.

Ну и наконец, говоря о технико-юридическом формулировании норм данного института, следует признать излишней ст. 322 («Приговор мирового судьи»). Поскольку раздел XI УПК РФ, если судить

²⁴⁶ Российская газета. – 1997. – 6 января.

²⁴⁷ Диордиева О.Н. Роль мирового судьи при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции // Мировой судья. – 2004. – № 2. – С. 30.

по названию, должен содержать нормы, специфические для производства у мирового судьи. Приговор же последним выносится в общем порядке.

Двигаясь последовательно по тексту УПК РФ, мы подошли к институту производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей. Являясь противниками демократизации правосудия, неприемлем мы и институт присяжных, как абсолютно чуждый принципу процессуальной экономии. Так, по мнению английского философа и правоведа И. Бентама, суд присяжных – это «суд, пригодный для варваров, но недопустимый у нас»²⁴⁸. Австрийский криминалист Г. Гросс утверждал, что «девяносто процентов всех практиков-юристов и большая часть образованной публики убеждены в том, что достоинства суда присяжных ничтожны, а опасность его для правосудия огромна»²⁴⁹. Его соотечественник А. Вах свое отношение к институту присяжных обозначил так: «если бы хотели учредить премию за изобретение самой плохой формы суда, то эту премию получил бы изобретатель суда присяжных»²⁵⁰. А обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев, вскоре после введения в Российской Империи в 1864 году суда присяжных, в докладе Александру III предложил упразднить рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей, являющееся, по его мнению, «совершенно излишним, совсем несообразным с условиями нашего быта и устройством наших судов и как порочное в существе своем»²⁵¹.

Эти более чем вековой давности высказывания в полной мере актуальны и сегодня. Следует согласиться с В. Зыковым, называющим суд присяжных не иначе как «уродливым подобием правосудия». «...как же можно, – пишет В. Зыков, – в государстве, провозгласившем себя... правовым и обязывающем все органы государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединения строго соблюдать закон, вво-

²⁴⁸ Цит. по: Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных: Учебно-практическое пособие // http://www.pravo.vuzlib.net/book_z981_page_4.html

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Цит. по: Зыков В. Уродливое подобие правосудия // http://gazeta.aif.ru/online/longliver/50/05_01

дить суд, не обязанный соблюдать его? От присяжных никто этого не требует, они законов не знают, за свой вердикт не несут никакой ответственности и не мотивируют его. В основу суда присяжных заложена не законность, а групповое представление о справедливости. Между тем оно у разных лиц неодинаково и очень часто выходит за пределы не только законного, но и здравого смысла»²⁵².

Главная опасность состоит в том, что ни судья, ни прокурор не имеют возможности скорректировать ошибки присяжных, поскольку существенно ограничены в правах. Оправдательный вердикт присяжных обязателен для суда. Активный поиск истины сдерживается запретом исследовать в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых не устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ (ч. 7 ст. 335 УПК РФ), сообщать присяжным заседателям о существовании доказательств, исключенных по решению суда (ч. 6 ст. 235 УПК РФ), исследовать с их участием данные о личности подсудимого, не являющиеся необходимыми для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется, факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Вместе с тем, очевидно, что подобные ограничения в суде присяжных – вынужденная необходимость, поскольку присяжные заседатели (и это открыто признает законодатель) не способны грамотно оценить юридически значимую информацию.

И это в противовес подсудимому, который волен говорить все, что угодно, склоняя «этот неподготовленный, зачастую малограмотный и социально аморфный коллектив»²⁵³ к вердикту о своей невиновности. Не исключено вынесение оправдательного вердикта и в случае, если виновность подсудимого сомнений не вызывает,

²⁵² Зыков В. Уродливое подобие правосудия // http://gazeta.aif.ru/online/longliver/50/05_01

²⁵³ Там же.

причем и у присяжных тоже. Особенно, когда подсудимый сам ее признает²⁵⁴.

Аргументы сторонников суда присяжных, главный из которых: «Суды присяжных выносят в 10 раз больше (а по официальной статистике – почти в 20 раз больше²⁵⁵. – Авт.) оправдательных приговоров, чем обычные суды»²⁵⁶, мягко говоря, неубедительны.

Таким образом, отдельные, казалось бы, экономичные процедуры самого исследуемого института²⁵⁷ оказываются лишь наиболее рациональным способом реализации нерациональной идеи.

Считаем, что во всех случаях, когда по ходатайству обвиняемого законом предусмотрена возможность рассмотрения уголовного дела судом присяжных, целесообразно его рассмотрение коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, посредством чего и будет достигнута цель указанного института – предотвращение предвзятости судьи. Тем более, что подсудность уголовных дел этому составу суда шире. И хотя процент оправданных (по отношению к общему числу лиц по поступившим в суд делам) в этом случае

²⁵⁴ Хрестоматийный пример: оправдание судом присяжных Веры Засулич, покушавшейся на убийство петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Немало и примеров современных: оправдание убийцы милиционера в Брянской области (*Федосов А.* А поутру они проснулись // *Труд*. – 2004. – 16 марта и др.). А случаев неоправданного вынесения вердикта о снисхождении к подсудимому и вовсе не счесть.

²⁵⁵ См.: Сводный отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2009 года (по всем федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям в Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>; аналогичные отчеты за 2008 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43>) и 2007 годы (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>).

²⁵⁶ *Вицин С.* Они руководствуются совестью // http://gazeta.aif.ru/online/longliver/50/05_01

²⁵⁷ Рассмотрение уголовного дела, в котором участвует несколько подсудимых, судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе (ч. 2 ст. 325 УПК РФ); окончательность постановления судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, несмотря на возможный последующий отказ подсудимого от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 5 ст. 325 УПК РФ) и др.

значительно выше (3,6%)²⁵⁸, чем по делам, рассмотренным судьей единолично (0,7%), думается, что результаты рассмотрения уголовных дел в таком составе более объективны, нежели судом с участием присяжных заседателей, где этот показатель составляет 13,3%²⁵⁹.

Заметим попутно, что сама нормативная регламентация производства в суде с участием присяжных заседателей несколько не вписывается в общий контекст уголовно-процессуального закона. Нам она представляется, с одной стороны, чересчур конкретизированной, с другой – сам стиль изложения нормативного материала в значительной степени выделяется из текста УПК РФ.

В стадии апелляционного или кассационного производства по уголовному делу помимо общих для всех судебных стадий форм проявления процессуальной экономии имеются и специфические, характерные именно для них. Среди которых можно назвать следующие:

1. Недопустимость обжалования в апелляционном или кассационном порядке определений или постановлений, вынесенных в ходе судебного разбирательства о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и о мерах обеспечения порядка в зале судебного заседания, за исключением определений или постановлений о наложении денежного взыскания (ч. 5 ст. 355 УПК РФ).

2. Обжалование определения или постановления, вынесенного во время судебного разбирательства, не приостанавливает судебное разбирательство (ч. 6 ст. 355 УПК РФ).

3. Установление десятидневного срока обжалования приговоров, по истечении которого поданные жалоба или представление остаются без рассмотрения (ч. 1, 3 ст. 356 УПК РФ). Одновременно – возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока обжалования (ст. 357 УПК РФ).

²⁵⁸ В среднем за период 2007–2009 годов, что в значительной степени связано со сложностью соответствующей категории уголовных дел.

²⁵⁹ См.: Сводный отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2009 года (по всем федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям в Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=246>; аналогичные отчеты за 2008 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=43>) и 2007 годы (<http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=60>).

4. Недопустимость истребования из суда уголовного дела в течение срока, установленного для обжалования судебного решения (ч. 2 ст. 356 УПК РФ).

5. Ограничение пределов рассмотрения уголовного дела судом апелляционной или кассационной инстанции проверкой законности, обоснованности и справедливости судебного решения лишь в той части, в которой оно обжаловано (ч. 2 ст. 360 УПК РФ).

6. Право судьи установить срок для пересоставления жалобы или представления в случае их несоответствия требованиям ч. 1 ст. 363 или ч. 1 ст. 375 УПК РФ. В случае, если требования судьи не выполнены и жалоба или представление в установленный судьей срок не поступили, они считаются не поданными, и производство по делу прекращается (ч. 2 ст. 363, ч. 3 ст. 375 УПК РФ).

7. Неявка лиц, которые не подавали жалобу на приговор суда первой инстанции, не препятствует рассмотрению уголовного дела и вынесению решения (ч. 2 ст. 364 УПК РФ). При кассационном обжаловании не препятствует рассмотрению уголовного дела неявка любых лиц, своевременно извещенных о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции (ч. 4 ст. 376 УПК РФ).

8. Общий порядок разрешения ходатайств сторон о вызове новых свидетелей, производстве судебной экспертизы, об истребовании вещественных доказательств и документов, в исследовании которых им было отказано судом первой инстанции. При этом суд апелляционной инстанции не вправе отказать в удовлетворении ходатайства на том основании, что оно не было удовлетворено судом первой инстанции (ч. 5 ст. 365 УПК РФ).

9. Право суда апелляционной инстанции при принятии решения ссылаться в его обоснование на оглашенные в суде показания лиц, не вызывавшихся в заседание суда апелляционной инстанции, но допрошенных в суде первой инстанции, если эти показания не оспариваются сторонами (ч. 1 ст. 367 УПК РФ).

Важнейшее значение для успешной реализации принципа процессуальной экономии имеют предусмотренные законом основания отмены или изменения приговора суда первой или апелляционной инстанции (ст. 369, 379–383 УПК РФ)²⁶⁰. Если быть более точными – недопущение подобных фактов. Собственно говоря, это и есть одна

²⁶⁰ Актуальны они и для стадии надзорного производства (ст. 409 УПК РФ).

из задач (едва ли не главная) процессуальной экономии. Указанные основания являются своего рода праввосстановительной санкцией за нарушение режима процессуальной экономии.

Разница между указанными основаниями заметна с первого взгляда. Если относительно несправедливости приговора (ст. 383 УПК РФ) и неверной квалификации преступления (п. 2 ст. 382 УПК РФ) можно допустить расхождение во мнениях у суда первой и второй инстанции, то несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 380 УПК РФ) и в особенности нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 381 УПК РФ) и назначение более строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ (п. 3 ст. 382 УПК)²⁶¹, могут свидетельствовать либо о полной некомпетентности судьи, либо о его заинтересованности в исходе дела, которую он, кстати, реализует тоже не слишком грамотно.

В нормативной регламентации стадии исполнения приговора принцип процессуальной экономии главным образом проявляется в следующих моментах.

1. Установление сроков вступления приговора, определения или постановления суда в законную силу и обращения их к исполнению (ст. 390, 391 УПК РФ).

2. Обязательность для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда (ч. 1 ст. 392 УПК РФ)²⁶².

3. Определение законом конкретного субъекта, на которого возлагается обращение приговора, определения или постановления суда к исполнению – суда, рассматривавшего уголовное дело в первой инстанции (ч. 1 ст. 393 УПК РФ).

²⁶¹ Полагаем, что здесь нужно вести речь не о неправильном применении уголовного закона, как это квалифицируется ст. 382 УПК РФ, а именно о его нарушении, поскольку о свободе правоусмотрения судьи в данном случае говорить не приходится.

²⁶² Норма ч. 2 ст. 392 УПК РФ, напоминающая об уголовной ответственности за неисполнение приговора, определения или постановления суда, нам представляется явно излишней.

4. Определение подсудности (ст. 396 УПК РФ) и порядка (ст. 399 УПК РФ) разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

5. Возможность отсрочки исполнения приговора судом по ходатайству осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора (ст. 398 УПК РФ).

Законодательная регламентация стадии надзорного производства содержит такие элементы принципа процессуальной экономии, как:

1. Закрепление подсудности рассмотрения надзорных жалоб или представлений (ст. 403 УПК РФ).

2. Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора (ч. 1 ст. 405 УПК РФ). Хотя введение в действие Федеральным законом от 14 марта 2009 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁶³ ч. 2 и 3 настоящей статьи практически лишили ее смысла.

3. Установление предельного срока пересмотра в порядке надзора обвинительного приговора и последующих судебных решений, вынесенных в связи с его обжалованием, по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, если в ходе судебного разбирательства были допущены фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда (1 год со дня вступления их в законную силу) (ч. 2 ст. 405 УПК РФ). Хотя и этот срок вполне может быть существенно сокращен, поскольку для принятия решения о необходимости принесения надзорных жалобы или представления не требуется получения каких-либо дополнительных сведений. О них в полной мере известно уже к моменту вынесения судом итогового решения по делу.

4. Установление пределов прав суда надзорной инстанции (ч. 7, 8 ст. 410 УПК РФ) и одновременно правила о не связанности суда доводами надзорных жалобы или представления (ч. 1–3 ст. 410 УПК РФ).

²⁶³ Российская газета. – 2009. – 18 марта.

5. Недопустимость внесения повторных надзорных жалоб или представлений в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения (ч. 1 ст. 412 УПК РФ).

Имеются примеры проявления процессуальной экономии и в законодательной регламентации стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

1. Не ограниченность какими-либо сроками пересмотра обвинительного приговора в пользу осужденного (ч. 1 ст. 414 УПК РФ).

2. Одновременно с этим ограничение пересмотра оправдательного приговора или определения, постановления о прекращении уголовного дела, или обвинительного приговора в связи с мягкостью наказания либо необходимостью применения к осужденному уголовного закона о более тяжком преступлении сроками давности привлечения к уголовной ответственности, установленными ст. 78 УК РФ, и не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств (ч. 3 ст. 414 УПК РФ).

3. Возможность рассмотрения уголовного дела в порядке возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств той судебной инстанцией, которая ранее рассматривала его в кассационном порядке или в порядке надзора (ч. 2 ст. 417 УПК РФ).

Заметим, что необходимость возобновления производства, а значит, и дополнительного расходования процессуальных средств, ввиду новых и особенно вновь открывшихся обстоятельств нередко может явиться свидетельством некачественно проведенного (а то и вовсе заведомо противозаконного) предыдущего производства по уголовному делу. Поэтому принцип процессуальной экономии должен ориентировать правоприменителя на предпочтительность недоведения производства до этой стадии. Хотя и в случае необходимости не отрицает целесообразности существования ее как таковой.

Подводя итог, отметим, что в судебных стадиях уголовного судопроизводства принцип процессуальной экономии прослеживается достаточно явственно. Одним из показателей повышения эффективности судебного разбирательства стало более чем двукратное за последние три года снижение доли уголовных дел, оконченных с нарушением сроков, установленных ст. 227, 233, 321 УПК РФ

(по отношению к общему количеству окончанных судами уголовных дел) – с 2,2% в 2007 году до 1,9% в 2008 и 1,0% в 2009 году²⁶⁴.

В этой главе мы обозначили лишь наиболее заметные формы проявления принципа процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве и главным образом – в его регламентации уголовно-процессуальным законом. Отмеченные в каждой стадии примеры реализации исследуемого принципа, конечно же, не характеризуют его исчерпывающим образом. Более того, приведенные примеры по степени яркости значительно отличаются друг от друга. И попытка разглядеть влияние процессуальной экономии в каждой стадии уголовного процесса не вызвана только лишь желанием авторов подтвердить ее «принципиальный» статус, поскольку даже само предположение о неактуальности принципа процессуальной экономии, трактуемой автором с позиции рациональности, для какой-либо стадии уголовного судопроизводства абсурдно.

И еще. В качестве примеров проявления принципа процессуальной экономии мы указывали на отдельные, наиболее важные с точки зрения исследуемого принципа процессуальные сроки. Однако и во всех иных случаях нормативное установление предельно допустимых сроков совершения тех или иных процессуальных действий способствует экономии процессуальности. Исключение здесь будут составлять лишь случаи, когда установление срока в конкретной ситуации нецелесообразно по причине его объективной зависимости от каких-либо внешних факторов и возможности его существенного варьирования. А установление максимально возможного срока здесь также может оказаться нецелесообразным, поскольку правоприменитель, скорее всего, не станет предпринимать усилий по его сокращению²⁶⁵. Выход из подобной ситуации только один – предоставить правоприменителю право определить наиболее разумный срок по своему усмотрению. То же самое можно сказать и о степени конкретности нормативного регулирования вообще.

²⁶⁴ См.: Сводные отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2007–2009 годы.

²⁶⁵ В полной мере это относится, конечно, к срокам совершения каких-либо действий им лично. Установление правоприменителем сроков для иных субъектов, естественно, этой опасности подвержено значительно меньше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая предпринятое исследование, мы не вправе заявлять, и не заявляем об исчерпанности проблемы. Вместе с этим, полагаем, что не ограничились лишь ее постановкой. Обнаруженные и проанализированные нами аспекты реализации принципа процессуальной экономии позволяют сформулировать ряд выводов, касающихся его содержания и значения для отечественного уголовного судопроизводства.

Исследовав природу процессуальной экономии, мы пришли к выводу о том, что идея процессуальной экономии сопровождает уголовный процесс и другие процессуальные отрасли права и деятельности на протяжении всей их истории. Указанная потребность появляется одновременно с процессуальной формой, поскольку и сама эта форма есть прямое следствие целенаправленного поиска человечеством наиболее экономичных путей организации соответствующих сфер юридической деятельности.

Эволюция процессуальной формы изначально протекала в русле стремления к большей экономичности. На основе изучения разработок общей теории права мы заключаем, что «древний» юридический процесс был призван воздействовать преимущественно на духовно-эмоциональную часть человеческой сущности: судебные процессы относились по большей части к сфере искусства, судебные речи являлись настоящими творческими произведениями. Со временем духовно-эмоциональная сторона в сфере юриспруденции стала уступать стороне рациональной, а главным объектом воздействия процессуальной формы становится человеческий ум. Именно от ума как движущей силы развития процессуальной формы и произведен известный термин «рационализация» уголовного процесса. То, что в процессе опирается на рациональность (а это в первую очередь доказывание), составляет существо технологических принципов судопроизводства, одним из которых является принцип процессуальной экономии.

Все процессуальные отрасли с давних пор «озабочены» проблемой экономичности судопроизводства и закономерным желанием его освобождения от разного рода процессуальных излишеств и нагромождений. Идея процессуальной экономии выражает стремление к экономичному построению процессуальной формы по прин-

ципу – ничего лишнего, а лишнее, как правило, определяется по критерию – больше рационального, меньше эмоционального.

На основе изучения различных точек зрения на процессуальную экономию как насущную потребность ведущих отраслей процессуального права (гражданского процессуального и уголовно-процессуального) мы делаем вывод о том, что насущная потребность в процессуальной экономии – это потребность в быстром, простом и недорогом судопроизводстве.

Необходимо обращать внимание и на то, что идея процессуальной экономии может воздействовать на практику не только через норму права. О потребности в процессуальной экономии можно говорить и в сугубо организационном ключе, ставя в центр проблему выбора законных сил и средств. Усмотрение участников, ведущих уголовное судопроизводство, это тоже важная форма проявления рационального начала.

Деятельное осознание насущности потребности в процессуальной экономии предполагает, в первую очередь, определение статуса названной идеи. Возведение идеи процессуальной экономии в статус принципа процесса есть прямое доказательство теоретического осознания ее идеологической и практической значимости.

Исследование показало, что разброс мнений по поводу принципиальности анализируемой идеи достаточно широк: крайними точками выступают, с одной стороны, полный отказ процессуальной экономии в статусе принципа судопроизводства, с другой – возведение ее в принцип особого рода.

В работе была подробно рассмотрена проблематика принципа процессуального формализма. Авторы сформировали свою позицию относительно роли этого начала в уголовном судопроизводстве, в частности делают акцент на том, что уголовно-процессуальное право не должно быть абсолютно формализованным, конкретизированным; оно должно оставлять место для выбора варианта законного поведения, с учетом ситуативных особенностей правоприменения.

Нами подвергнута сомнению позиция ученых, рассматривающих процессуальный формализм и процессуальную экономию в качестве противоположных начал процесса. По мнению авторов, эти начала находятся не в состоянии борьбы противоположностей, а в более сложных диалектических отношениях. История процесса пока-

зывает, что не столько принцип процессуальной экономии порождается принципом формализма, сколько последний является производным от принципа процессуальной экономии.

В контексте разбора общих проблем понятия принципов уголовного процесса нами выдвинут тезис о том, что традиционное для нижегородской школы процессуалистов определение принципа уголовного процесса как «мировоззренческой идеи высокой степени общности» (ядро понятия принципа) и сегодня имеет право на существование. Современная трактовка «мировоззренческой идеи» вполне может базироваться на научном мировоззрении как таковом (чистом рационализме), не связанном какими бы то ни было идеологическими приоритетами. Принципы уголовного процесса – продукт научного мировоззрения, идеи, в основе которых лежит рациональное начало.

В контексте рассуждения о рациональных началах обращено внимание на иррациональные вкрапления в современный уголовный процесс. Считаем, что внедрение в уголовно-процессуальный закон упоминания о совести как, по сути, о методологической основе оценки доказательств свидетельствует о том, что научное мировоззрение как основа современного уголовного процесса значительно ослабило свои позиции. Слабые места заполняются различными метафизическими элементами.

Подвергнуты анализу и другие признаки понятия уголовно-процессуального принципа, в частности способы проявления принципа в уголовно-процессуальном праве. Авторы разделяют позицию о плюрализме форм выражения принципа в праве и выступают против сугубо нормативного подхода к этому вопросу.

Особый акцент в работе делается на технологической сущности процессуальной экономии. Процессуальная экономия должна рассматриваться как специфический технологический принцип уголовного процесса. Определением «технологический» подчеркивается наличие в уголовном процессе идей, которые, во-первых, присущи уголовному судопроизводству любого исторического и географического типа, во-вторых, не меняются вслед за сломом политических систем, в-третьих, обеспечивают диалектическое взаимодействие между целью уголовного процесса и его средствами.

Учитывая, что уголовный процесс является сложным явлением, включающим в себя не только юридические, но и культурно-

политические аспекты, понятие «технологические принципы» помогает акцентировать ту часть сущности процесса, которая по большей части обусловлена информационными закономерностями установления объективной истины.

Следуя в своем развитии от максимума эмоциональности к максимуму рациональности, уголовный процесс все больше становится технологией добывания и переработки информации. Допуская с определенными оговорками, что уголовный процесс может рассматриваться как специфическая технология установления объективной истины, следует допустить и наличие соответствующих этой технологии принципов.

Авторами подчеркивается, что процессуальная экономия – это принцип уголовного процесса особого рода. Он относится к разряду основополагающих идей, которые определяют процедурную сущность уголовного судопроизводства в контексте его познавательной функции.

Нами предлагается трактовать понятие процессуальной экономии в первую очередь с точки зрения рациональности использования уголовно-процессуальных средств, необходимых и достаточных для правильного и эффективного расследования преступлений и разрешения уголовных дел. Однако рациональность эта не тождественна упрощению, ускорению и удешевлению процесса, ведь ценность быстрого, простого и недорогого судопроизводства связана со степенью достижения его целей, а это в ряде случаев диктует необходимость усложнения процедуры и увеличения затрат на него.

В работе обращено внимание на то, что система принципов, закрепленная законодателем, не отличается качеством системности. Часть положений, именуемых законодателем принципами уголовного судопроизводства, являются в большей степени лишь декларациями, не порождающими новых правоотношений и не имеющими практической ценности. Нет надобности и в дублировании в УПК РФ положений Конституции России.

Главным критерием целесообразности помещения в текст уголовно-процессуального закона общих положений является способность порождать новые, ранее не существовавшие правоотношения. При этом та или иная норма должна находить свое выражение в тексте закона лишь однажды, а не дублироваться в каждом имеющем к ней отношение институте, будучи при том еще и зафиксиро-

ванной в главе, содержащей общие положения исследуемой отрасли. Одновременно с этим уголовно-процессуальный закон должен содержать только специфичные для уголовного судопроизводства нормы. Нормы более общего порядка (характерные для судопроизводства в целом, а также общеправовые) должны фиксироваться в Конституции РФ.

Проанализировав значительное число предлагаемых в литературе систем уголовно-процессуальных принципов и соотнеся элементы каждой из них с «критериями принципиальности», мы пришли к выводу о следующем оптимальном составе системы принципов: 1) принцип законности при производстве по уголовному делу; 2) принцип обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе; 3) принцип объективной истины; 4) принцип процессуальной экономии.

Перечисленные идеи являются по-настоящему идеями высокой степени общности, пронизывающими все судопроизводство. Иные важные начала уголовного судопроизводства, полагаем, в эту систему помещать не следует, поскольку собственного принципиального значения они не имеют, растворяясь в вышеперечисленных принципах.

Серьезное внимание было уделено проблеме взаимосвязей принципов уголовного процесса. В частности, отмечается, что у принципа законности особое направление влияния на уголовный процесс. Если другие принципы, стремясь к максимальному воздействию на уголовное судопроизводство, допускают выбор диапазона интенсивности этого воздействия из-за необходимости обеспечения реализации других принципов, то принцип законности этого не предусматривает. Требования закона или соблюдены, или нарушены. Других вариантов быть не может. Более того, он сам является той предельной границей, которую другие принципы переступать не имеют права.

Формирование новых или изменение существующих норм уголовно-процессуального права должно соответствовать и принципу процессуальной экономии. Однако речь здесь будет идти уже о влиянии принципа процессуальной экономии на правотворческий процесс, а не на принцип законности. Забывая, что «принцип законности не определяет содержания закона» (В.Т. Томин), некоторые авторы усматривают конфронтацию этого принципа с принци-

пом процессуальной экономии. По мнению авторов монографии, подобная позиция обусловлена неверным пониманием как одного, так и другого принципа. Принцип процессуальной экономии никак не проявляется в принципе законности. Вместе с этим, отдельные элементы законности присутствуют в содержании процессуальной экономии. Наиболее характерный пример – принятие процессуального решения в ситуации, когда в соответствии с законом у правоприменителя имеется возможность выбора между двумя и более альтернативами, каждая из которых закону не противоречит.

Особое место и роль принципа процессуальной экономии в системе принципов уголовного процесса состоит в том, что он не вступает в конфликт с прочими принципами, а стремится урегулировать противоречия между ними.

Принцип законности, не конфликтуя с иными элементами системы принципов уголовного процесса, устанавливает для них границу влияния на уголовное судопроизводство, границы их «поля боя». И в этом главным образом и заключается технологическая природа принципов процессуальной экономии и законности. Естественно, что четкую грань, где сфера максимального влияния одного принципа должна быть ограничена сферой максимального влияния другого, раз и навсегда установить невозможно. Этот вопрос должен решаться (как законодателем, так и правоприменителем) каждый раз в конкретной ситуации, исходя из разумного их баланса и сочетания.

Проанализировав основные формы реализации принципа процессуальной экономии в уголовно-процессуальном праве России, мы приходим к выводу о том, что развитие современного отечественного уголовного процесса происходит в соответствии с принципом процессуальной экономии. И хотя нормативная регламентация отдельных институтов уголовного судопроизводства далека от совершенства, даже в их нынешнем состоянии проявление в них исследуемого принципа заметно достаточно отчетливо.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авенариус Р.* Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил: Prolegomena к критике чистого опыта / Под ред. М.М. Филиппова; Пер. с нем. – М.: КомКнига, 2007.
2. *Александров А.С.* Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62.
3. *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. – М.: Юрид. лит., 1971. – 223 с.
4. *Бажанов С.В.* Стоимость уголовного процесса: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 585 с.
5. *Батуров Г.П.* Теоретические основы эффективности правосудия / Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1979. – 392 с.
6. *Бентам И.* О судеустройстве. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1860.
7. *Борисова Л.В.* Некоторые аспекты реализации положения о разумном сроке в российском гражданском судопроизводстве // Юрист. – 2008. – № 3. – С. 56–58.
8. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. – М., 1917.
9. *Великий Д.П.* Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2001.
10. *Власова Н.А.* Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 2001.
11. *Волынская О.В.* Ускоренное производство в уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 24 с.
12. *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.
13. *Гуляев А.П.* Быстрота уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1973. – Вып. 18. – С. 66–83.
14. *Гурвич М.А.* Принципы советского гражданского процессуального права // Труды Всесоюзного юридического заочного института. – М., 1965. – Т. 3.

15. *Ерашов С.С.* Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001.

16. *Зипунников Д.А.* Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики / Д.А. Зипунников, А.С. Каретников // Российская юстиция. – 2006. – № 12.

17. *Иеринг Р.* Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб., 1905.

18. *Исаев И.А.* Символизм правовой формы: Историческая перспектива // Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 4–10.

19. *Калиновский К.Б.* Оправдано ли усложнение производства дознания? // Уголовный процесс. – 2010. – № 6. – С. 11.

20. *Кириянов Ю.А.* К совершенствованию нормативной регламентации судебного разбирательства в особом порядке / Ю.А. Кириянов, А.Ю. Кириянов // Российская юстиция. – 2007. – № 8.

21. *Кобликов А.С.* Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1979. – 200 с.

22. *Куссмауль Р.* Мировая юстиция // Российская юстиция. – 2002. – № 11.

23. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.

24. *Лузгин И.М.* Логика следствия. – М., 1976.

25. *Лукич Р.* Методология права / Под ред. Д.А. Керимова (Вступ. ст.); Пер. с сербохорват. В.М. Кулистикова. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.

26. *Малюкина А.В.* Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2008.

27. *Марфицин П.Г.* Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект): Дис... д-ра юрид. наук. – Омск, 2003.

28. *Орлов Ю.К.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1981. – Вып. 35.

29. *Оспанов С.Д.* Концептуальная детерминированность реализации принципа процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Предупреждение преступности. – 2002. – № 1 (3). – С. 16–18.

30. *Панько К.К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 272 с.

31. *Пашикевич П.Ф.* Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54–56.

32. *Пашикевич П.Ф.* Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1984. – 176 с.

33. *Поляков М.П.* О единстве и борьбе «процессуального» и «непроцессуального»: попытка диалектического взгляда на источник процессуальных действий // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – 2009. – № 1 (1). – С. 80–84.

34. *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.

35. *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. – М.: Право и Жизнь, 1927. – 127 с.

36. *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. – Минск: Вышэйш. шк., 1970. – 262 с.

37. *Самощенко И.С.* О понятии эффективности правовых норм / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1969. – Вып. 18. – С. 3–19.

38. *Семьина Н.Б.* Основы планирования и программирования следственной деятельности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2009.

39. *Сереброва С.П.* Методология рационализации уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003.

40. *Сливинский К.О.* Алгоритмизация деятельности следователя: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2004.

41. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – Ч. II: Судопроизводство. – 488 с.

42. *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. – СПб.: «Наука»; ООО «Издательство "Альфа"», 2000. – 224 с.

43. *Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Экономическая безопасность России: по-

литические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. – 2009. – № 1 (10). – С. 62–66.

44. *Смолин А.Ю.* Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. – 2010. – № 19. – С. 9–11.

45. *Сокол П.Я.* Процессуальные гарантии быстроты предварительного расследования: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1990. – 26 с.

46. *Спасович В.Д.* Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. – Тула, 2000.

47. *Стецовский Ю.И.* К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1975. – Вып. 23. – С. 107–119.

48. *Стремовский В.А.* Предварительное расследование в советском уголовном процессе. – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1958. – 136 с.

49. *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.

50. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2004. – 592 с.

51. *Терехин В.А.* А нужна ли нам мировая юстиция? / В.А. Терехин, В.В. Захаров // Российская юстиция. – 2006. – № 4.

52. *Тихонович В.В.* Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Минск, 1975.

53. *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1991.

54. *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: лекция-монография. – Н. Новгород, 2007. – 80 с.

55. *Федулов А.В.* Идея процессуальной экономии и апелляционное производство в уголовном процессе России // Мировой судья. – 2005. – № 2. – С. 16–18.

56. *Ференс-Сороцкий А.А.* Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 31–35.

57. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. – СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. – Т. 1. – 552 с.; Т. 2. – 607 с.

58. *Чевычелов В.В.* Юридическая конструкция в современном российском праве (проблемы теории и практики): Монография / Под науч. ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2007. – 348 с.

59. *Чернявская Т.А.* Материалы по истории процессуального права России конца XVII – начала XVIII веков: Учебное пособие. – Н. Новгород: Издательство «Вектор Т и С», 1998. – 39 с.

60. *Элькинд П.С.* Категории «содержание» и «форма» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 34–45.

61. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 143 с.

62. *Юнгер Ф.Г.* Совершенство техники. Машина и собственность / Пер. с нем. И.П. Стребловой. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 560 с.

63. *Якимович Ю.К.* Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова; Под ред. М.С. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 300 с.

64. *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.

Научное издание

**Поляков Михаил Петрович
Смолин Алексей Юрьевич**

**ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Монография

Корректурa *Н.Б. Помадиной*
Компьютерная верстка *Е.П. Мудрецовоу*
Дизайн обложки *Т.В. Булкиной*

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60х84/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,81. Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отделение полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России.
603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

Об авторах

Поляков Михаил Петрович, заместитель начальника Нижегородской академии МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции. Автор более 150 научных работ. Представитель Нижегородской школы процессуалистов.

Смолин Алексей Юрьевич, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, капитан полиции. Автор 14 научных работ. Представитель Нижегородской школы процессуалистов.

ISBN 978-5-88840-072-2

